

О Ч Е Р К И
ИЗЪ ИСТОРИИ
ТАМБОВСКАГО КРАЯ.

ВЫПУСКЪ VI

Исслѣдованіе И. И. Дубасова.

ТАМБОВЪ.

Типографія Губернскаго Земства на Большой Астр. ул., собственноручно
1897.

Дозволено цензурой. С.П.Б. 28 сентября 1897 г.

БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
А. С. ПУШКИНА

5-й мой выпуск „Очерковъ изъ исторіи Тамбовскаго края“ вышелъ въ 1889 году. Съ тѣхъ поръ, по разнымъ независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ, я ограничивалъ свою писательскую дѣятельность рефератами въ засѣданіяхъ Тамбовской ученой архивной комиссіи, председателемъ которой имѣю честь состоять съ 12 іюня 1884 года,—а также статьями въ мѣстныхъ изданіяхъ и въ журналахъ: „Русское Обозрѣніе“, „Наблюдатель“, „Историческій Вѣстникъ“ и др.

Въ настоящее время мнѣ хочется, въ видахъ сосредоточенія своихъ историко-бытовыхъ изслѣдованій, издать новый—VI выпускъ „Очерковъ“.

Прежде, въ поискахъ за своими историческими матеріалами, я работалъ одинъ, добывая свои *источники* въ свободное отъ служебныхъ занятій время. Теперь же у насъ въ Тамбовѣ есть ученой архивная комиссія, есть нѣсколько и *добывальщико*въ архивнаго матеріала. Работать мнѣ стало легче и поэтому, и по измѣнившимся служебнымъ условіямъ.

Не дѣлая никакихъ широкообъщательныхъ предислзвій, я приступаю прямо къ своей работѣ. При этомъ гаранте сообщая читателямъ, что, какъ и прежде, я не буду вести дѣло строго хронологически, въ лѣтописномъ порядкѣ. Это невозможно. Я весь во власти случайно открываемыхъ источниковъ, и могу по ихъ сущности и времени ихъ нахождения представить вниманію интересующихся нашею стариною только рядъ самостоятель-

ныхъ очерковъ, связанныхъ между собою общою идеею уясненія бытовой тамбовской исторіи. При этомъ, какъ и прежде, я буду всячески стараться, опять таки по смыслу источниковъ и по идеѣ давно задуманныхъ своихъ работъ, придать своему труду не исключительно мѣстный характеръ...

Я всегда придавалъ серьезно-научное значеніе *именно бытовой* русской исторіи. Въ этомъ смыслѣ я и работалъ, и теперь работаю. И думаю, что самые скромные опыты въ этомъ смыслѣ не лишены въ извѣстной степени научно-историческаго достоинства.

Первая статья моего VI выпуска будетъ посильнымъ изображеніемъ Тамбовско-русскаго украиннаго быта со времени историческаго его начала... Худо ли, хорошо ли исполню я свою работу, съ особливою любовію къ моей тамбовской родинѣ предпринятую, не знаю... Знаю одно: я могу писать, я долженъ писать, я долженъ кончить свой многолѣтній трудъ...

Съ архивно-историческими работами надо спѣшить, иначе архивные матеріалы будутъ постепенно исчезать. Какъ слабо хранились у насъ эти матеріалы, видно изъ слѣдующаго.

Въ 1786 году въ Шацкѣ было два дома, занятыхъ провинціальнымъ архивомъ: одинъ одноэтажный изъ двухъ комнатъ подлѣ острога, другой въ два этажа около присутственныхъ мѣстъ. Стѣны обоихъ архивныхъ домовъ были гнилыя и едва державшіяся, кровель надъ ними почти не было, такъ что канцелярскія *дѣла* отъ снѣговъ и отъ дождей *повредились и къ справкамъ были негодны...*

Канцеляристъ Николаевъ, завѣдывавшій Шацкимъ архивомъ, какъ ни былъ *простъ*, все же понималъ, что погибаетъ казенное добро, и на этомъ основаніи часто до-

носилъ своему начальству о состояніи архивовъ, но все его донесенія оставались безъ вниманія и отвѣта до 1789 года. Въ этомъ году Шацкія власти приступили наконецъ къ освидѣтельствуванію архивскихъ домовъ, хотя въ этомъ не было надобности, такъ какъ зіявшія несмѣтными дырами кровли сами за себя говорили... И оказалось: *крыши, потолковъ и слегъ на обоихъ архивскихъ домахъ не было, у дверей не было косяковъ, въ обоихъ домахъ стѣнные бревна выпали, многія дѣла сгнили, такъ что листъ отъ листа разнять было нельзя...*

Тогда наскоро покрыли шацкіе архивы лубьями и дранью, но при первомъ сильномъ вѣтрѣ слабо укрѣпленныя кровли были *разбиты* и оказались на нихъ *многія и великія скважины*.

Призадумались шацкія власти. До 1892 года онѣ все думали. Между тѣмъ въ ночь съ 18-го на 19-е сентября названнаго года въ Шацкѣ сдѣлался пожаръ. Деревянные городскія постройки мигомъ вспыхнули. Пламя охватило и истребило въ городѣ 160 домовъ. Въ это время безпомощно сгорѣли и присутственныя мѣста. Сгорѣли почти цѣликомъ и архивы, и дымъ пожарный разнесъ по Шацкимъ окрестностямъ многія мѣстно-историческія тайны, которыхъ уже не воротить.

Прошла пожарная суматоха. Наскоро собрали немногія *уцѣлѣвшія дѣла* и снова бросили ихъ въ сырыя и ветхія хибары для несомнѣннаго гніенія и на вѣрную погибель...

Такъ *хранились* у насъ наши историческія документы...

Но, слава Богу, не все еще погибло. Въ государственныхъ, общественныхъ, и частныхъ архивахъ нашего края, я увѣренъ, не мало цѣнныхъ матеріаловъ. Пусть

образованные и любящие дорогую нашу родину люди хорошенько вникнуть въ смыслъ настоящаго моего сообщенія и тщательно осмотрятъ свои фамилные сундуки съ разнымъ залежавшимся бумажнымъ хламомъ, амбары и чердаки... Пусть они не отговариваются, что у нихъ ничего интереснаго нѣтъ. А можетъ быть и есть?

22 года назадъ, когда я приступалъ къ изученію мѣстныхъ правительственныхъ архивовъ, мнѣ тоже настойчиво говорили, что въ Тамбовѣ, въ его архивахъ, ровно ничего нѣтъ замѣчательнаго. Между тѣмъ на дѣлѣ оказалось далеко не то. У насъ возникла цѣлая ученая архивная коммиссія, которая постоянно и неизмѣнно убѣждается не въ томъ, что у насъ мало матеріаловъ для историческаго изученія, а въ томъ, что ихъ очень много и что *не хватаетъ наличныхъ силъ* для ихъ научной эксплоатаціи.

То, что я высказалъ сейчасъ относительно Тамбовскаго края, болѣе или менѣе вѣрно и для всѣхъ нашихъ губерній... Разнымъ провиціальнымъ архивнымъ коммиссіямъ, постепенно выступающимъ на поприще научно-историческаго *дѣланія*, предстоитъ великая и патріотическая задача, горизонты которой слишкомъ обширны и потому еще недостаточно опредѣленны...

I.

Изъ Тамбовской бытовой исторіи.

Тамбовскій край, представляющій въ настоящее время одну изъ самыхъ населенныхъ и доходныхъ провинцій Русскаго царства, въ началѣ русской исторіи, то-есть въ IX—X вѣкахъ, принадлежалъ къ самымъ глухимъ окраинамъ славяно-русской земли. У насъ были тогда, судя по отрывочнымъ и выразительнымъ лѣтописнымъ указаніямъ, малолюдныя и разбросанныя русскія поселенія только по Окѣ, Мокшѣ, Воронежу, и Дону. Остальное пространство Тамбовской земли, сплошь заросшее на сѣверѣ дремучими лѣсами и на югѣ покрытое неоглядными ковыльными степями, принадлежало Мордвѣ, Буртасамъ и Мещерѣ. Тѣмъ не менѣе, наша почти сплошная инородческая масса изстари волей-неволей *тянула* къ Руси. Наши Тамбовскіе Вятчи, очевидно, не лишены были колонизаторскихъ способностей. Вотъ почему еще въ XII вѣкѣ въ нашей землѣ были русскіе города Кадомъ и Липецкъ, въ которыхъ жили или княжескіе, Рязанскіе и Черниговскіе, намѣстники, или же, временно, и сами князья... Какіе факты политической и бытовой исторіи совершались въ нашей Тамбовской землѣ, какими радостями и какимъ горемъ волновались наши аборигены—это намъ почти неизвѣстно. Разумѣется, у нашихъ полудикихъ инородцевъ были частыя схватки другъ съ другомъ: сильные тѣснили менѣе сильныхъ, отбирая у нихъ стано-

вища и угоды; а иногда всё они забывали свои свары и оборонялись противъ сравнительно культурнаго русскаго, надвигавшагося на нихъ, элемента и противъ Казаръ. Это отчасти видно изъ лѣтописей, выдержки изъ которыхъ приведены мною въ началѣ моего IV выпуска.

Судя по лѣтописямъ, въ нашемъ краѣ бывалъ и воинственный Святославъ съ цѣлью объединенія Тамбовской земли съ обще-русскою землей. Князь Святославъ не любилъ шутить со своими ослушниками. Крови своей и чужой онъ не жалѣлъ. Несомнѣнно, битвы были у насъ жестоки, кровавыя. Наши Елатомскія, Темниковскія и Спасскія лѣсныя поляны и рѣчныя долины были ареной этихъ давно минувшихъ и забытыхъ битвъ...

Наибольшая часть нынѣшней Тамбовской губерніи въ удѣльно-вѣчевую эпоху принадлежала къ Рязанскому и Черниговскому княжествамъ; между тѣмъ сѣверо-востокъ нашего края по своему географическому положенію тяготѣлъ къ Мурому и, слѣдовательно, часто вынуждаемъ былъ принимать участіе въ борьбѣ Муромскихъ князей съ Волжско-Камскими Болгарами. Зависимость мѣстныхъ инородческихъ князьковъ и *панковъ* отъ русскихъ удѣльныхъ князей была больше номинальная. Эти князьки и панки то ладили со своими сюзеренами и охотно платили имъ дани, то вдругъ поднимались со своихъ становищъ и городковъ и шли на Русь войной, тою дикою войной, которая не знала пощады, и памятниками которой служатъ многочисленные Тамбовскіе *могильники и кострища*.

Съ начала XII вѣка наши инородцы почували у насъ свою силу и стали энергично укрѣплять весь Тамбовскій сѣверъ за собой. На мѣстахъ, искусно избранныхъ и болѣе или менѣе неприступныхъ, окруженныхъ оврагами и рѣками, они принялись возводить свои *городки и городи-*

ща, слѣды которыхъ замѣтны и теперь, особенно въ Спасскомъ уѣздѣ (*Ширингушское городище*)... Много крови русской и инородческой пролито было въ тѣ злые годы. Молчать объ этой крови и о великомъ давно прошедшемъ горѣ наши краткія лѣтописи, но воображеніе невольно рисуетъ глубоко трагическія картины прошлаго.

Въ годину татарскаго нашествія великая и всенародная бѣда разразилась и надъ нашимъ краемъ, столь опытнымъ въ житейскомъ неизбытномъ горѣ. Это грозное событіе уже описано мною (лѣтописно) въ IV моемъ выпускѣ...

Лѣта 1257 татарскіе численники и темники изотюша всю землю Рязанскую... Перепись суровыхъ завоевателей, безъ всякаго сомнѣнія, коснулась и нашего края, принадлежавшаго большею своею частію Рязани; и можетъ быть самое наименованіе одного изъ нашихъ городовъ (Темниковъ) имѣетъ связь съ указаннымъ нами событіемъ...

Между тѣмъ, не смотря на самыя тяжелыя бытовыя условія нашей окраины, никѣмъ и ничѣмъ не обезпеченной, кромѣ широкаго лѣснаго и степнаго раздолья, русское населеніе, *крѣпкое* обще-русской землѣ, у насъ не прерывалось. Судя по грамотамъ всероссійскихъ митрополитовъ Θεогноста и св. Алексѣя, въ нашихъ мѣстахъ, по рѣкамъ Воронѣ и Хопру, въ XIV вѣкѣ жило не мало христіанъ: духовныхъ и мірскихъ. Были у насъ и боярскія усадьбы. Были и храмы русскіе, православные. Въ лѣсныя дебри и степи наши нерѣдко пріѣзжали дорогіе гости—мѣстные архипастыри: Сарайскіе и Рязанскіе.

Съ ослабленіемъ и уничтоженіемъ татарскаго ига, русскій элементъ въ Тамбовскомъ краѣ сталъ быстро и безповоротнo усиливаться, покоряя и ассимилируя мѣстныхъ инородцевъ, даже и смѣхъ татаръ.

Въ нынѣшнихъ уѣздахъ Тамбовскомъ и Козловскомъ въ эпоху татарскаго владычества было не мало *Урмино-выхъ Городищъ*. Урлапъ былъ татарскій ханъ. Вокругъ его городищъ, изъ которыхъ главныя были тамъ, гдѣ теперь Тамбовъ и Козловъ, разбросаны были на далекое пространство татарскія юрты. А теперь въ названныхъ мѣстностяхъ Татаръ почти незамѣтно. Та же участь постигла *Цнинскую мордву*, о которой въ настоящее время ни слуху, ни духу, и всю Мещеру.

Усиленная русская колонизація повелась у насъ, начиная съ XVI вѣка. Съ этого времени, чаще и чаще, одиночками и цѣлыми толпами, пошли къ намъ разные *утеклецы и бродники*. Съ этого же времени, посредствомъ царскихъ пожалованій, завелось у насъ болѣе обширное вотчинное хозяйство знатныхъ русскихъ бояръ: Протасьевыхъ, Воротынскихъ, Пожарскихъ, Салтыковыхъ, Гагариныхъ, Романовыхъ и другихъ. Наряду съ ними *осаживались* въ Тамбовскомъ краѣ и болѣе скромные владѣльцы изъ мѣстныхъ служилыхъ людей: дворянъ, боярскихъ дѣтей и приказныхъ. Въ разныхъ нашихъ уѣздахъ, въ интересахъ культурныхъ и оборонныхъ, стали возникать новые русскіе города на примѣръ, Добрый, Демшинскъ, Шацкъ, Романовъ, Лебедянъ. Но еще того больше возникло у насъ монастырей, сдѣлавшихся главною русско-культурною мѣстною силой. Въ настоящее время почти всѣ эти монастыри исчезли, и самую память о нихъ приходится возстановлять съ большимъ трудомъ. Однако, было то время, когда въ нашей глухой окраинѣ монастырскія обители считались десятками. Край нашъ былъ еще полудикій и полурусскій. Еще степные наѣзники.—Татары каждый годъ смущали покой нашихъ жителей. Еще Мордва и Мещера совершали съ своихъ лѣсахъ языческія мо-

ланы. Но надъ всею нашею страной уже звонко раздавались излюбленные Русью колокольные звоны. И строилась въ Тамбовскѣй землѣ настоящая Русь по Московскому укладу.

О количествѣ монастырей въ нашемъ краѣ къ концу XVI вѣка можно судить по слѣдующему.

Въ то время на сѣверѣ нынѣшней Тамбовской губерніи волновались Темниковскіе и Кадомскіе татары и Мордва, а также *воры-казаки* подъ начальствомъ атамана *Караулки*. И вотъ въ это именно время и только въ предѣлахъ одного Шацкаго воеводства подверглись совершенному разоренію слѣдующія пустыни: Мамонтова пустынь, Андреянова пустынь, Успенія Пресвятыя Богородицы, Старокадомская Троицкая пустынь, Сергіева пустынь Пролѣмскаго монастыря, Дмитріевскій женскій монастырь, монастырь Бориса и Глѣба на стану, Ризь-Положенскій женскій монастырь и Чернѣвская пустынь. Всѣ эти монастыри были очень бѣдные и убогіе.

„А во всѣхъ тѣхъ монастыряхъ, сказано въ нашихъ документахъ, окончины слюдяныя, одежды на престолахъ и жертвенникахъ крашениныя и кумачныя. Самыя церкви деревянныя и шатровыя. Сосуды въ тѣхъ церквахъ деревянные и оловянные, благословенные кресты деревянные обложены мѣдью. А подъ церквами хлѣбни и подвалы про всякій братскій запасъ.“

Мѣстные монахи охотно переносили монастырскую *скудость*. Гораздо тяжелѣе было имъ переносить вражду тамбовскихъ инородцевъ.

„А которая Мордва, писалъ Чернѣвскій старецъ Матвей, — не крещена и они чинятъ пакость великую и хотятъ церковь осквернить и монастырь разорить, и лошадей крадутъ и пчельникъ со пчелами сожгли.“

Отъ Мордвы не отставали и мѣстные Татары. Тотъ же старецъ Метвѣй жаловался, что Татары, князья и мурзы *лаяли его всякою неподобною лаею и служебниковъ монастырскихъ били и похвалялись убить до смерти.*

Начиная съ царствованія Михаила Ѳеодоровича, обратившаго особенное вниманіе на Тамбовскій край быть мѣстныхъ монастырей сталъ улучшаться. Такъ, монастырскія владѣнія Чернѣвской пустыни распространились по рѣкамъ Цнѣ, Воронѣ, Челновой и Хопру и получили такую привилегію, что ихъ могли судить только въ Москвѣ, въ приказѣ Казанскаго дворца. Всѣ монастырскія вотчины освобождены были отъ взноса ямскихъ денегъ и стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ и отъ городского и острожного дѣла. Замѣчательно, что въ хлопотахъ о привилегіяхъ Чернѣвской пустыни самое дѣятельное участіе принимали донскіе атаманы, такъ какъ нашъ монастырь былъ какъ бы казачьею колоніей, и монастырскіе старожилы всѣ были изъ казаковъ.

Не смотря на привилегіи, Чернѣвскій монастырь нерѣдко и весьма охотно несъ земскую службу. Это видно изъ царской грамоты 1638 года на имя Тамбовскаго воеводы Янова. Въ грамотѣ сказано, что Чернѣвская казачья пустынь *поставила на рѣкѣ Липовицѣ острогъ, да въ Тамбовѣ городъ - въ Казачьей слободѣ церковь Знаменскую, а въ ней три престола, да въ томъ же городѣ Тамбовѣ двѣ большія башни, да въ городѣ-жѣ срубили монастырскіе люди и поставили два раската, да торговую баню, да около города и острога копали они ровъ, да на Лысыхъ Горахъ выкопали одинъ колодезь; а было монастырскихъ дѣловцовъ на мѣсяцъ по 25 .. Давали дѣловцу по 4 рубли человѣку и больши.*

Московскіе цари изъ дома Романовыхъ отлично пони-

мали экономическое и стратегическое значеніе Тамбовскаго края. Поэтому они строили въ немъ города, проводили *черты* и всячески старались ассимилировать мѣстныхъ инородцевъ и усиливать у насъ русскую колонизацію. Въ этихъ видахъ они весьма охотно жаловали Тамбовскія земли разнымъ служилымъ людямъ. Царскихъ пожалованій было такъ много, что всѣхъ ихъ и не перечесть. Я останавливаю вниманіе читателей; для примѣра, только на двухъ пожалованныхъ грамотахъ: Жукову и Тарбѣеву. Обѣ грамоты привожу въ сокращеніи. *)

„...Пожаловали мы (Цари Петръ и Іоаннъ) Дениса Матвѣевича Жукова за его многую службу, что... служилъ отцу нашему... и брату нашему... и намъ великимъ Государямъ, будучи въ полкахъ, на разныхъ бояхъ.. И мы, великіе Государя, за тѣ службы Дениса Жукова жалуемъ, милостиво похваляемъ... его промыслы и храбрость въ роды и роды... А помѣячнаго его окладу 750 четвертей... въ Шацкомъ уѣздѣ въ Борисоглѣбскомъ стану въ жеребью села Любовникова, до села Подостровнаго до Салазари... И на ту вотчину указали мы ему дати сю нашу царскую жалованную грамоту... на память впредьбудущимъ рода его, что онъ за мужественное свое и храброе въ воинскихъ дѣлахъ стояніе сію нашу царскую милость получилъ и чтобы впредь, на его службы смотря, дѣти его и внучата и правнучата и кто по немъ роду его будетъ также за вѣру христіанскую и за насъ великихъ Государей и за свое отечество стояли крѣико и мужественно... И волюю имъ Жуковымъ та вотчина продати и заложити и въ приданое дати...“ **)

*) Полный текстъ грамотъ хранится въ Тамбовской ученой архивной комисіи.

**) Грамота 1685 г. октября 10.

Вторая грамота изложена гораздо витиеватѣе и ^ѣначинается такъ.

„Бога въ трехъ присносіятельныхъ ипостасѣхъ единосущнаго, пребезначальнаго, благъ всѣхъ виновнаго, свѣтодавца... человѣческому роду миръ дарующаго милостію, и сіе благодареніе повсюду извѣстующе, мы... великіе государи... отчичи, и дѣдичи, и наслѣдники, и государи, и обладатели, по своему царскому призерѣнію и осмотрѣнію, пожаловали стольника нашего Ивана Ѳедоровича Тарбѣева... за его и его предковъ службы и ратоборство и храбрость и мужественное ополченіе и крови и смерти... что показали они въ войнѣ въ корунѣ польской... въ коей шляхетскаго и служилаго чину взяты *многіе миллионы* и всему россійскому царству учинена *великая прибыль и по всему свѣту вѣчная слава и хвала*... А пожаловали ему, похваляя милостиво тое ихъ службу и промыслы въ роды и роды... 1000 четв... въ Шацкомъ уѣздѣ въ Замокшенскомъ стану въ жеребью пустоши, что была деревня Григорьевская.. и на ту вотчину повелѣли мы дать сю нашу царскую милостивую грамоту за нашею царскою печатью... И та вотчина стольнику Тарбѣеву и его дѣтямъ и внучатамъ и правнучатамъ въ роды ихъ недвижимна... А въ той вотчинѣ онъ стольникъ нашъ Тарбѣевъ и родъ его вольны продать ее и заложить и въ приданое дать, а въ монастырское вотчины не отдать...“ *)

Жуковы и Тарбѣевы, конечно, были *новоселами* Тамбовскаго края. Гораздо раньше ихъ жили у насъ. хозяйничали и служили многіе иные вотчинники-старожильцы: крупныя средніе и мелкіе.

✓ У насъ еще въ XVI вѣкѣ были многочисленныя при-

*) Грамота 1693 года.

казные люди, полковые казаки, просто казаки, черкасы, дворяне, мурзы, мещеряне, пушкари, воротники—и всё они довольно щедро надѣляемы были помѣстной землей, хлѣбными *дачами* и, отчасти, денежнымъ жалованьемъ на *хорошее строеніе и селитьбу*, далеко не бѣдствовали въ матеріальномъ отношеніи, жили просто и запасливо. Они даже понемногу копили и на сбереженные десятки рублей покупали себѣ въ полную собственность землю, трехпольная четверть которой стоила у насъ въ XVII вѣкѣ менѣе рубля.

Въ XVII вѣкѣ составъ мѣстныхъ служилыхъ людей сдѣлался еще болѣе разнообразнымъ. Къ прежнимъ государственнымъ *тягльцамъ* присоединились солдаты, стрѣльцы, рейтары, драгуны, бобыли и *ишіе*...

Принимая во вниманіе извѣстныя условія нашей былой украинной жизни, мы должны придти къ убѣжденію, что житіе тамбовскихъ служилыхъ людей было сравнительно не легкое, не смотря на наше лѣсное и степное приволье. Отъ нихъ требовалась непрерывная, безпокойная и сложная служба. Они принимали дѣятельное участіе въ строеніи городовъ, засѣкъ и валовъ. Они несли очередную сторожевую и станичную службу, причемъ очень часто ѣздили въ степи, въ Крымскую и Ногайскую стороны, за нѣсколько сотъ верстъ отъ Тамбовской *черты*. И они же первые принимали участіе въ боевыхъ схваткахъ съ Крымцами, Ногайцами, Калмыками и *воровскими людьми*, *почасту* складывая свои головы на этихъ бояхъ и *безъ вѣсти* просядая въ украинной степной глуши, такъ что ихъ родные по многу лѣтъ сряду не знали: поминать ли ихъ за здравіе или за упокой. Тѣла убитыхъ тамбовскихъ служилыхъ людей сплошь и рядомъ лежали на мѣстахъ побоищъ безъ погребенія, и служилые сирѣхъ

и вдовы даже и послѣдняго утѣшенія не имѣли: похоронить своихъ кормильцевъ по христіански и вволю поплакать надъ ними...

Между прочимъ, наши *маломочные* служилые люди донимаемы были нѣкоторыми нашими воеводами, которые, забравшись въ нашу глушь, творили волю свою *безо всякаго удержа*...

Нудно было у насъ мелкимъ служилымъ людямъ, еще плоше того бывало посадскимъ и крестьянамъ, черносотеннымъ и ясааннымъ.

Какъ бы то ни было, тамбовскій край посредствомъ непрерывной колонизаціи все болѣе и болѣе населался, дѣлался болѣе и болѣе русскимъ и входилъ въ общій строй московской жизни, отличаясь, сравнительно съ другими юго-восточными окраинами, численностью населенія выдающимся плодородіемъ почвы... Вотъ почему въ самомъ началѣ XVII вѣка голосъ тамбовской земли понадобился по самому важному государственному вопросу объ избраніи на царство дома Романовыхъ. На всенародномъ земскомъ соборѣ 1613 года дѣятельное участіе принимали выборные и нашей тамбовской земли, именно слѣдующіе: *болринъ И. Н. Романовъ, Романаго города выборный человекъ Оока Ратмановъ сынъ Дуровъ* и тотъ Дуровъ *во вѣхъ товарищевъ своихъ мѣсто руку приложилъ*. Да изъ Шацкаго были выборные: *Михийло Протасевъ, Иванъ Иванчинъ, Смирной-Порошинъ* и *во товарищей своихъ выборныхъ людей мѣсто руку приложили*. Если мы при этомъ вспомнимъ, что по нашему краю въ смутную эпоху свободно разгуливали и тушинцы, и цовцы и воры-казаки, и черкасы, то намъ станетъ ясно, наша тамбовская родина въ труднѣйшія времена исторіи начала XVII вѣка тянула ляку наравнѣ съ иными русскими областями.

Въ Московскомъ архивѣ я имѣлъ случай прочитать одинъ списокъ нашихъ служилыхъ людей, и меня заинтересовала та подробность, съ какою наши официальные акты XVII вѣка изображали свои разрядныя переписи. Напримѣръ: *Тамбовскія боярскія дѣти, а кто именно, значить по статьямъ.*

Леонтій Переверзевъ, на меринъ съ карабиномъ.

Иванъ Добрынинъ, на меринъ, съ пищалью.

Лѣонъ Коневъ, на меринъ, съ пищалью и саблей.

Иванъ Боевъ, на меринъ, съ пищалью и рогатиной.

Артемъ Катаевъ, на меринъ, съ пищалью государевой.

Аванасій Тарасовъ, на меринъ, съ пищалью...

И вотъ предъ нами рисуется картина былого Русскаго воинства, славнаго защитой крѣпостей и неустойчиваго въ открытомъ боевомъ полѣ. Именно про нашихъ отжившихъ воиновъ до—петровской эпохи смѣло можно сказать: кто во что гораздъ. У иного рогатина, у другаго пищаль, у третьяго карабинъ, у четвертаго сабля, у пятаго палка... И всѣ дѣйствовали врознь, безъ плана и системы. Тарасовъ не хотѣлъ знать Боева, Катаевъ *сварился* съ Коневымъ и Переверзевъ велъ мѣстническую тяжбу съ Добрынинымъ...

Къ концу XVII вѣка наши степи и лѣса, сравнительно, какъ я сказалъ выше, переполнились многочисленными *сходцами* со всей Руси. Все это были или авантюристы, искавшіе *молочныхъ водъ и кисельныхъ береговъ*, или разные неудачники—терпѣливыцы московскаго *уклада*, или же пропація буйныхъ головы, уносившія эти головы отъ суда и смертной казни... Чаще всего *сходцы* пробивались къ намъ, въ новосоздаемую Русскую землю, одиночками, но нерѣдко шли они и цѣлыми таборами. Иные шли семьями, теряя по дорогѣ отъ разныхъ дорожныхъ

невзгодъ женъ и дѣтей. Другіе гулящіе люди шли къ намъ *казацкимъ обычаемъ* безсемеино. И эти послѣдніе были самыя безпокойныя и опасныя наши гости. Всю свою скитальческую *нужу* они вымѣщали, волей неволей, на мѣстныхъ *осѣвшихъ* обывателяхъ, донимая ихъ отгономъ скота, уносомъ пожитковъ, отрытымъ разбоемъ и *блуднымъ дѣломъ*. *Невѣдомые люди*, говорятъ наши документы, — *нападали въ поляхъ на крестьянскихъ бабъ, знатно для блуднаго дѣла; бабы кричали; но на зовъ ихъ о помощи никто не приходилъ... и учинялась въ томъ многая потачка*. Озорство наѣзжихъ блудниковъ доходило до того, что многіе изъ нихъ, сбривъ бороды и *нарядясь въ женское платье, въ сарианы и сорочки*, подходили къ работавшимъ въ поляхъ женщинамъ и въ расилохъ нападали на нихъ. А затѣмъ или убѣгали въ свои притоны, бросая женщинъ, или же похищали болѣе молодыхъ и красивыхъ изъ нихъ, и уводили въ лѣса, большой Ценскій, Кирилловскій и Аносковскій...

Здѣсь наши *гультели осаживались надолго...*

Они выбирали для своего жилья самыя глухія мѣста: чаще всего поросшія густымъ лѣсомъ и частымъ кустарникомъ овраги, дѣлали тамъ себѣ близъ родниковъ землянки и спокойно проживали тамъ, то занимаясь производствомъ лаптей, веревокъ и рогожъ, то выходя на открытый и беспощадный разбой. Иные изъ нихъ со временемъ *приходили въ совѣсть* и принимались каяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Съ этою цѣлью они совершенно уединялись въ лѣсныхъ пещерахъ, дѣлались *старцами-пустынниками* и питались милостыней и лѣсными плодами. Иногда эти пустыяническія пещеры находились близко одна отъ другой. *Старцы* входили во взаимныя сношенія и устраивали *обща скиты* и даже церкви.

Тогда землянки замѣнялись избами и въ одной изъ нихъ они въ урочные часы собирались для общей молитвы. *Истого* крестились они и клали земные поклоны, отъ строки до строки вычитывали псалмы и молитвы. Очень нелегко было жить нашимъ скитникамъ. Затерянные въ глухихъ лѣсныхъ трупцахъ, вдали отъ человѣческаго жилья, они терпѣли голодь и всякую *нужу* и часто *отъ голода* покидали свои пустыни и съ повинными отдавались воеводамъ.

Нерѣдко судьба нашихъ Тамбовскихъ *перелетовъ* отличалась оригинальностью и трагизмомъ. Въ такомъ родѣ былъ, на примѣръ, Кадомскій крѣпостной Иванъ Моховъ. Вмѣстѣ съ разными товарищами онъ подавалъ, *избываючи житейскаго лиха*, челобитныя, примѣрно такъ, «Разорены мы безъ остатку и оскудали,—и помираемъ голодною смертію и стали увѣчны и нѣтъ намъ житья отъ всякихъ богопротивныхъ и непорядочныхъ поступковъ... и окружила насъ тѣснота великая и стало намъ не въ мочь»...

Въ этихъ немногихъ словахъ гораздо меньше обычного приказнаго и канцелярскаго краснорѣчія, чѣмъ жизненной правды. Дѣйствительно, нашимъ аборигенамъ жить было натужно. И вотъ почему они въ одиночку и массами срывались съ своихъ насиженныхъ мѣстъ и шли врознь въ поискахъ за счастьемъ, которое имъ упорно не давалось, за малыми исключеніями. Мохову было уже за сорокъ лѣтъ, когда онъ вздумалъ покинуть барина. Крадучись, онъ добрелъ до Саровскихъ лѣсовъ и случайно встрѣтилъ тамъ старца Авраамія, давно уже жившаго въ совершенномъ уединеніи. Новые знакомцы сразу сошлись и стали жить вмѣстѣ въ одной глубокой землянкѣ, почти не слыша голоса и не видя лица человѣческаго... Такъ прожили они ровно тридцать лѣтъ, питаясь разнымъ лѣс-

нымъ снадобьемъ и тщательно избѣгая всякихъ встрѣчъ съ людьми. Въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ старецъ Авраамій на нѣскольکو часовъ уходилъ въ городъ Муромъ, продавалъ тамъ самодѣльные деревянные ложки, закупалъ сухари и снѣжно возвращался въ свою излюбленную трущобу. Здѣсь для нашихъ счастливыхъ отшельниковъ надолго начинался мирный и безпечный житейскій обиходъ. Въ землянкѣ было уютно и тепло. Кругомъ шумѣлъ зеленый лѣсъ. Въ складахъ нашихъ перелетовъ вдосталь было и сухарей, и ягодъ, и грибовъ и доморощенной зелени— рѣпы и капусты... Но вотъ пришелъ смертный часъ для старца Авраамія. Въ молчаливомъ и дикомъ лѣсу остался одинъ Моховъ. По завѣщанію своего сожителя, онъ собирался было покинуть свою землянку и идти на житыѣ въ Вышенскую пустынь, но въ это время *накрыли* его и, какъ бродягу, отослали въ Кадомскую канцелярію. *)

Горемыка Моховъ былъ далеко не одинокъ въ своемъ *горь-злосчастіи*. Для примѣра указываю на семью Шацкихъ крестьянъ Петровыхъ, принадлежавшихъ въ началѣ прошлаго вѣка *выкресту* Бахтигозину. Раннимъ утромъ, въ началѣ весны, многочисленная семья, *купленная за пять рублей*, старые и малые, помолились на убогую деревенскую церковь, такъ какъ по бѣдности въ избѣ своихъ образовъ не было, и, крадучись, пошли въ ближайшій лѣсъ. Случайно Петровы набрели на село Нарышкино и остановились ночевать у крестьянина Владимира Горбача. На утро дочь Петрова Ирина тяжело разболѣлась и пролежала въ сараѣ до вечера. Вставши съ большимъ трудомъ, она поплелась въ избу къ отцу, къ матери и къ братьямъ и сестрамъ, но тѣхъ уже и слѣдъ про-

*) Дѣла Тамб. уч. арх. кн. № 1335.

стыль, *кроме матери*, которая не хотѣла покинуть больного дѣтища. Два года прожила Ирина у Горбача, оставленная и позабытая. Затѣмъ, не желая стѣснять добро своего хозяина, и сама тронулась въ путь-дорогу, куда глаза глядятъ. Пришла она въ Нижнеомовскій уѣздъ въ деревню Засѣину къ крестьянину Пимену Осипову и пробыла у него недѣлю. Въ это время мать ея умерла, а Ирину рѣшился взять къ себѣ проѣзжій Шацкій крестьянинъ Захаръ Мещериновъ, который по дорогѣ, въ селѣ Рязановкѣ, и обвѣнчался съ нею. *)

Побѣги нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ концѣ XVII вѣка вызываемы были, между прочимъ, дикою нравственною разнузданностию разныхъ иностранныхъ проходивцевъ, уже въ то время водворявшихся въ помѣщичьихъ вотчинахъ въ качествѣ полномочныхъ управляющихъ. Эти отщепенцы-пришлецы появлялись у насъ съ яркимъ эгоизмомъ и съ глубокимъ презрѣнiемъ ко всему русскому и потому оказались не цивилизаторами нашего края а злостными его эксплуататорами. Таковъ былъ нѣкто Винклеръ, молодой бѣжавшій изъ отечества нѣмецъ. Обладая красивою наружностью, онъ сталъ довѣреннымъ лицомъ у Шацкой помѣщицы Дубасовой и правилъ ея вотчиною полновластно и жестоко. Вотъ одинъ изъ образчиковъ его вотчиннаго самодурства.

Однажды одинъ дворовый чѣмъ-то не угодилъ Винклеру. Тогда онъ приказалъ сбъчь двороваго бѣжалыми кнутьями и потомъ *посадилъ его въ стулъ въ чепъ и билъ изъ своихъ рукъ толстою палкою*.. На другой день утромъ наказанный найденъ былъ около господской усадьбы въ кустахъ, мертвымъ, *съ чепю и со стуломъ*. Крестья-

*) Дѣла Тамбовской уч. арх. ком. 1476.

не Дубасовой вздумали было заявить объ этомъ случаѣ Керенской воеводской канцеляріи, но Винклеръ выслалъ ихъ всѣхъ до одного на барщину, а самъ съ вѣрными дворовыми прихлебателями отправился къ мертвому тѣлу и стащилъ его въ ближайшее болото, гдѣ и затопталъ въ тинѣ... Однако, дѣло открылось. Изъ Керенска прибылъ въ деревню Дубасовой слѣдователь *Буслаевъ*, вырылъ замученнаго покойника изъ болота и вотъ что сообщилъ по начальству: «тѣло мною осмотрѣно, на ономъ голова проломлена, половина уха отшибена, спина и оба бока, брюхо и бедра, значуть кнутовые боевые знаки». Винклера арестовали и посадили въ острогъ. Тогда его барыня подала жалобу на своихъ крестьянъ, обвиняя ихъ въ неповиновеніи, и на керенскія власти, будто онѣ вымогали съ нея взятки. И дѣйствительно, упрямая барыня добилась своего: крестьянъ ея *усмирили*... а съ керенскими властями она *помирилась*. Что сдѣлалось съ ея возлюбленнымъ нѣмцемъ—намъ неизвѣстно. *)

Разумѣется, судьбою нашихъ бывшихъ крестьянъ управляли *не одни Винклеры*. Были у насъ въ XVII вѣкѣ и *радытели крестьянскіе*. Еще въ то время разрѣшено было нашимъ вотчинникамъ отпускать своихъ крѣпостныхъ на волю. И многіе вотчинники по разнымъ причинамъ, преимущественно религіознаго характера, добровольно разставались съ своею *челлдою и домашнимъ бычмелз*, освященнымъ юридическими обычаями XVII вѣка, пускали холоповъ на всѣ четыре стороны. Такъ одинъ мѣстный помѣщикъ Тепляковъ въ 1667 году далъ *отпускную* своему человѣку *Микиткѣ* Анонасьеву слѣдующаго содержанія:

*) Дѣла Тамбовской уч. арх. № 1475.

Гдѣ хочетъ Микитка, тутъ и живетъ, а мнѣ Нестеру Теплякову и моему роду и племени до того Микитки дѣла нѣтъ. А отпускную писалъ я, Нестеръ, своею рукою».

Побрелъ послѣ того счастливый *Микитка* по бѣлу свѣту. Много онъ со своею *семьишкою* натерпѣлся горя-злосчастья, босоты и наготы, безкормицы и всякаго *безвременья*. Но все это было безвременьемъ вольнаго чело-вѣка, и сознание своей собственной воли дѣлало и чер-ствый кусокъ хлѣба сравнительно сладкимъ. Бывая у разныхъ хозяевъ *наймитомъ*, *Микитка* скопилъ себѣ казну не малую—5 рублей и за тѣ деньги купилъ въ деревнѣ Погорѣлкахъ у тяглеца Пантелѣева избу съ ого-родомъ и зажилъ своимъ вольнымъ трудомъ хоть и *нудно*, за то на всей своей волѣ. Сталъ онъ землю пахать, бла-го *порожней дикой степи* было у насъ вволю и шла она охотникамъ до нея ни *почемъ*, и сдѣлался нашъ *Микит-ка* наравнѣ съ другими Микитками и Петрушками, воль-нымъ государственнымъ тягломъ. Правда, въ деревнѣ Погорѣлкахъ не всегда было покойно. Почасту приходи-ли къ ней, какъ и во всѣ тамбовскія мѣста, татарскіе, ногайскіе и калмыцкіе воинскіе люди. То бывало хлѣбъ *потолочутъ*, то скотину угонятъ, то селитьбы сожгутъ, а то и людей побьютъ и уведутъ въ неволю. Но на все это была воля Божія и отъ всего этого была на всякій слу-чай охрана: и *надолбы* деревенскіе, и царскія всякія крѣпости, и служилые люди... *Микитку съ его семьиш-кою и рухлядишкою* Богъ хранилъ. Въ то время, когда набѣгали воинскіе люди, угонялъ онъ въ лѣса или степ-ныя балки скотину свою, загодя хоронилъ отъ папастн въ укромныхъ мѣстахъ семью свою и по минованіи тре-воги возвращался домой цѣль и невредимъ, съ обычнымъ своимъ крестьянскимъ достаткомъ...

Подобныхъ *Микиткъ* тягловъ было у насъ въ XVII вѣкѣ не мало. *Добрые господа* въ Русской землѣ никогда не переводились и *отпущенниковъ* было у нихъ всегда довольно. Эти отпущенники, переходя на государственное тягло и избежавши татарской неволи, собирались у насъ сельскими и деревенскими общинами въ *крѣпкихъ мѣстахъ*, строили вокругъ своихъ избъ и огородовъ *надлобы*, чтобъ отъ *непріятельскихъ людей* жить было имъ *бережно*, и постепенно такимъ образомъ создали мѣстную русскую колонизацію—военно-крестьянскую. На луга ли сѣно косить, въ лѣсѣ ли дерево рубить—хорошное и дровяное, или въ поле пахать-боронить,—всюду наши тамбовцы выѣзжали *осторожливо*, забирая съ собою на всякій случай, кромѣ хозяйственныхъ орудій, и воинское оружіе: пики, рогатины, сабли, кистени и самопалы...

А которые крестьяне были *маломочные* и на себя не надѣялись, тѣ снова примыкали къ боярамъ и монастырскимъ вотчинамъ, отбывали тамъ договорныя повинности и пользовались вотчиннымъ покровительствомъ, нерѣдко дѣлаясь впоследствии настоящими крѣпостными...

Обродное наше населеніе глубоко сознавало потребность нормальной государственно-общественной жизни, причемъ церковныя идеалы являлись, конечно, господствующими. И эти идеалы до вѣкоторой степени осуществлялись въ мѣстной жизни и укрѣпляли Тамбовскій край въ его колонизаторской роли, создавая на *дико-порозжей степи* и въ мордовско-мещерскихъ лѣсныхъ захолустьяхъ надежную и крѣпкую Русскую землѣ московскую Украину, замѣчательнае сильную въ дѣлѣ ассимиляціи разнообразныхъ мѣстныхъ инородческихъ элементовъ. Безъ боярскихъ указовъ, невольнымъ народнымъ тяготѣньемъ къ

нашей благодатной и привольной землѣ, постепенно и безповоротно мѣстные колонизаторы *строили* въ Тамбовскомъ краѣ новую и крѣпкую русскую область. Во главѣ тамбовскихъ колонизаторовъ XVII вѣка, какъ я писалъ не разъ, стояли многочисленныя мѣстные иноки, чуждые вождѣлннй празднаго и безпечнаго житія... Всѣмъ скромнымъ и дѣловымъ укладомъ своей жизни они производили неотразимое и благотворное вліяніе. Всѣ видѣли ихъ истовое строго-чиновное богослуженіе, ихъ обыденную житейскую *порядливость* и хозяйственность... Несомнѣнно, что тамбовскіе монастыри XVII вѣка имѣли для всего нашего края не только религіозное, но и общественно-государственное значеніе... И если большинство нашихъ тамбовскихъ инородцевъ, въ томъ числѣ вся мещера и кадомскіе буртасы, давно забыло о своемъ инородческомъ происхожденіи и совершенно слилось съ господствующимъ населеніемъ, сохраняя въ настоящее время только нѣкоторыя особенности въ говорѣ и одеждѣ, то это преимущественно работа монастырская... Въ русскомъ религіозно-національномъ духѣ работали у насъ не одни мужскіе монастыри, но и женскіе...

Въ данномъ случаѣ я обращаю вниманіе читателей только на одинъ монастырь, на Тамбовскій Вознесенскій женскій. Пусть по немъ судятъ и о другихъ монастыряхъ Тамбовскаго края.

Вознесенскій монастырь, основанный въ концѣ XVII вѣка Тамбовскимъ епископомъ Птиримомъ *на его келейныя деньги*, былъ убогій монастырь. Первыя вознесенскія монахини помѣстились въ стѣнахъ своего монастыря кое-какъ. Онѣ жили въ тѣсныхъ курныхъ избахъ, съ волоковыми и слюдяными окнами. Одѣвались въ грубыя самодѣльные ткани и питались вироголодь... Но надъ этой

нищетою было великое благословеніе владыки Питирима... Иные монастыри нашего края, впоследствии, въ памятный 1764 годъ, исчезали десятками, а Вознесенскій монастырь и теперь твердо стоитъ на своемъ мѣстѣ радуя тамбовцевъ и разнообразіемъ своихъ монастырскихъ рукодѣлій, и прекраснымъ церковнымъ пѣніемъ...

Вѣдность монастыря была такова, что онъ не имѣлъ собственнаго отдѣльнаго храма. Рождественская церковь, въ которой молились вознесенскіа монахини, нижнимъ своимъ ярусомъ принадлежала приходу Полковой слободы, а верхній ярусъ былъ монастырскій. Въ обоихъ храмахъ былъ одинъ причтъ, для прихода и монастыря.

Первыя монастырскія избы—кельи построены были, по старорусскому обычаю, слишкомъ тѣсно и безъ всякаго плана. Улицъ въ издавна многолюдномъ монастырѣ не было, были только узкіе и кривые переулки. Неудивительно поэтому, что Вознесенскій монастырь часто горѣлъ, и горѣлъ жестоко, съ полнымъ уничтоженіемъ монастырскаго имущества. Въ одно время горѣлъ весь нашъ городъ. При сильномъ вѣтрѣ деревянный Тамбовъ исчезалъ совершенно безпомощно. Жители безъ толку, въ ужасѣ и отчаяніи метались куда попало, наскоро захватывая хозяйственныя мелочи и забывая про болѣе цѣнное имущество. Въ это же время погибли и зданія Вознесенскаго монастыря со всѣми документами и съ одною больною монахиною, которую въ пожарной суматохѣ не успѣли выхватить изъ пламени... Но терпѣливыя монахини послѣ пожарныхъ разгромовъ снова собирались на своихъ пепелищахъ, кое-какъ ютились въ шалашахъ и землянкахъ и крепотливо обзаводились незатѣйливымъ хозяйствомъ вновь... Въ своихъ смиренныхъ *хибаркахъ*, вдали отъ мірскаго глаза, скромно и обильно, когда при тихомъ жерданіи

лампадъ, а чаще при трескѣ лучины, вознесенскіе работницы дѣлали образцовыя работы шелками, серебромъ и золотомъ. А которыя монахини въ своемъ мастерствѣ были попроще, тѣ усидчиво ткали простыя сермяжныя сукна. Такъ и проходилъ каждый рабочій день у вознесенскихъ монахинь. То была кропотливая и неустанная работа, келейная и церковная. При такихъ условіяхъ общій итогъ монастырскаго труда все возрасталъ. Возрастали и симпатіи къ монастырю, въ которомъ окрестные обыватели видѣли не только *училище благочестія*, но и образцовую мастерскую женскаго труда.

Въ октябрѣ 1890 года Вознесенскій монастырь праздновалъ свою двухсотлѣтнюю годовщину, и поэтому поводу мѣстныхъ симпатій обнаружилась къ нему вполне...

Конечно, этотъ монастырь не можетъ претендовать на всероссійскую извѣстность. Онъ исполнялъ свое народно-религіозное назначеніе тихо и скромно. Выдающейся роли въ обще-русской церковной жизни онъ не имѣлъ. Тѣмъ не менѣе нашъ Вознесенскій монастырь заслуживаетъ глубокое сочувствіе. Для мѣстнаго населенія онъ былъ неизбѣннымъ свѣточемъ истинно-обительской жизни, безпрерывно выражавшейся въ особенномъ келейномъ трудолюбіи монахинь, ихъ вообще безукоризненномъ образѣ жизни и въ примѣрномъ богослужебномъ чинѣ. Этими чертами своего быта нашъ монастырь давно уже привлекъ къ себѣ дѣятельное сочувствіе мѣстнаго и окрестнаго общества. Его посѣщали и посѣщаютъ въ праздничные дни весьма охотно, а въ день Вознесенія вокругъ монастыря, по изстари заведенному обычаю, собирается съ близкихъ и дальнихъ сторонъ многотысячная толпа. Такимъ образомъ, нашъ Тамбовскій Вознесенскій монастырь тихо и скромно дѣлалъ свое національно-церковное дѣло. Въ толпѣ

богомольцевъ бывали ежегодно у монастырскихъ стѣнъ и наши инородцы: татары и мордва, и всѣ они невольно подчинялись ассимилирующему вліянію скромной обители.. Вокругъ Тамбова давно нѣтъ татаръ. Многолюдная *Ценская мордва* отошла въ область преданій, оставивъ намъ на память только мордовскія названія нѣкоторыхъ мѣстностей, напримѣръ, Тамбовъ, Пяшкиль, Лада, Тригуляй, Бойкино. Кто же этихъ инородцевъ сдѣлалъ русскими? Кто претворилъ ихъ въ плоть-кровь русскую? Прежде всего и больше всего — наши монастыри и между ними Вознесенскій тамбовскій женскій монастырь. Были у насъ, разумѣется, и другіе факторы мѣстной инородческой ассимиляціи: служилые и промысловые люди, но тѣ дѣйствовали преимущественно внѣшнимъ образомъ, между тѣмъ какъ монастыри органически вліяли на нашъ бытъ и вызывали ассимиляцію добровольную...

Вотъ почему я такъ часто говорилъ и говорю о нашихъ монастыряхъ. Историческіе документы невольно и властно наталкиваютъ меня на повторенія въ этомъ смыслѣ...

Въ XVII вѣкѣ край нашъ былъ иной, чѣмъ теперь. Въ нашей Тамбовской степи стояли густыя и высокія травы. Земля наша еще не была истощаема наивно хозяйскою и, особенно, кулацкою эксплуатаціей. Въ дѣвственныхъ степяхъ нашихъ свободно укрывались татарскіе *загоны* и врасплохъ нападали на наши *селитбы*, принося имъ неисчетное горе. Въ виду этихъ обстоятельствъ правительство стало высылать мѣстныхъ всеводъ въ Тамбовскія степи выжигать траву.

«Велѣно тебѣ, воевода, писались приказы, — идти въ степь на татарскія сакмы со станичниками травы жечь, чтобы впредь въ тѣхъ мѣстахъ татарскимъ становищамъ и опочиву не быти».

И наши воеводы усердствовали: жгли степную траву и жгли. Густой дымъ въ лѣтнюю пору, застилая солнце, носился надъ всею тамбовскою землей. Улучшалась почва наша, и труднѣе годъ отъ году было татарамъ дѣлать на насъ внезапныя набѣды...

Въ XVII столѣтїи донимали нашъ край также и земляки наши *Черкасы*. Болѣе или менѣе значительными таборами и самовольно, никого не спрашиваясь, они переселялись въ наши степи, ютясь преимущественно около рѣкъ. И отъ того московскимъ торговымъ людямъ *ходу не было* и было великое *черкасское воровство*. Тогда воеводы постановили въ нашихъ степяхъ новые городки, поселили въ нихъ *заставныхъ служилыхъ людей* и стали унимать *воровство*. Мѣстные *будары* принуждены были въ то же время ходить по рѣкамъ подъ прикрытїемъ воинскихъ людей, шли онѣ и безъ того медленно, такъ какъ были самой простой конструкціи, а тутъ еще задерживали ихъ частыя перепалки съ береговыми Черкасами... Тогда тамбовскіе воеводы *уничжили великое береженье*. Станичники и вѣстовщики не знали покоя, обѣзжая степи и опасаясь либо попасть въ полонъ, либо проглядѣть *воровскихъ людей*. Дневныя и ночныя сторожи были усилены. Всѣ взрослые обыватели призваны были къ оружію, а *маломочныхъ* людей съ женами и дѣтьми начали *сбивать* въ городки и сторожки...

1676 годъ отмѣченъ сильными татарскими набѣгами на нашу україну. До какой степени въ ту пору велико было это народное бѣдствїе, видно изъ слѣдующаго:

„Въ татарскїй набѣгъ въ полонъ взято и побито, и сгорѣло 417 человекъ. Въ томъ числѣ сгорѣло 30 человекъ въ погребу. А всего взято и побито съ женами и дѣтьми 785 человекъ“.

Между убитыми были дѣти отъ 7 лѣтъ до году и по *полугоду два младенца*.

Такъ кратко и канцелярски хладнокровно говорятъ наши источники...

«А скотины всякой взято татарами (въ угонъ) 3870 скотинъ, да хлѣба сожжено 170 коненъ».

Это сказано про одну опредѣленную мѣстность (ны-нѣшній Борисоглѣбскій уѣздъ). То же было, конечно, и въ другихъ украинскихъ мѣстахъ, гдѣ хозяйничали наши степные *вороги*. Любъ имъ былъ ихъ *обычай зепринскій* и никогда не могло быть какой-либо надежды на пощаду безнощадной *татарвы*. Безнадежная гибель изъ году въ годъ, въ теченіе всего XVII вѣка, носилась надъ нашимъ краемъ, унося тысячи и десятки тысячъ жертвъ. За то и наши аборигены при случаѣ не оставались въ долгу у татаръ и мстили имъ жестоко, съ корнемъ истребляя татарскія становища.

Большою помѣхой для мѣстной жизни были, также, и разные *воры и разбойники*, самодѣльные и *набѣглые*. Воеводамъ не мало было хлопотъ съ ними, и объ искореніи этого зла въ XVII вѣкѣ нечего было и помышлять. Въ эпоху усиленной Тамбовской колонизаціи названнаго вѣка въ наши лѣсные боры и степныя пустоши *утеклецы* шли съ разныхъ старо-русскихъ сторонъ сотнями и тысячами, привлекаемые мѣстнымъ раздольемъ и почти полнымъ отсутствіемъ правительственнаго контроля. Въ одномъ Тамбовскомъ уѣздѣ и одни бѣглые солдаты съ *Москвы* въ 1664 году находили себѣ обезпеченный пріютъ *многими сотнями*. Тщетно московскіе бояре писали объ этомъ тамбовскимъ всеводамъ, требуя строгихъ розысковъ и немедленной высылки бѣглецовъ. *Утеклецы* пропадали въ нашихъ пустыряхъ для слѣдователей безслѣдно. Всѣ

знали, что они ютятся у насъ, но не знали—гдѣ именно, а если иногда и знали, то далеко не всегда могли подступиться къ нимъ, такъ какъ утеклецы умѣли выбирать себѣ мѣста укромныя и крѣпкія; и было у нихъ и всякое *вогненное* оружіе и зоркіе сторожи.

Въ концѣ XVII вѣка въ замутившейся Москвѣ произошли извѣстные стрѣлецкіе заговоры и бунты. И когда началась расправа съ бунтовщиками, то стрѣльцы, пособники Шакловитаго и Циклера, метнулись изъ Москвы въ нашу сторону и благополучно скрылись подъ чужими именами и званіями въ Тамбовскихъ стѣняхъ. Озлобленные бунтари, не смотря на усиленные розыски московскаго гонца Елисея Ефимьева, безнаказанно *остли* у насъ и безъ сомнѣнія нерѣдко и не мало тревожили мирное мѣстное населеніе.

Въ 1695 году *воры и разбойники* разграбили въ Москвѣ многихъ торговыхъ людей, русскихъ и иноземцевъ, и съ крадеными пожитками, утѣкая отъ суда и казни, бѣжали къ намъ на *Лебедянь* и *Доброе Городище*. Объ этомъ обстоятельствѣ въ царской грамотѣ Лебедянскому воеводѣ Степану Семеновичу Ергольскому сказано такъ:

« . . . въ нынѣшнемъ 203 году воры и разбойники многихъ торговыхъ и пожиточныхъ людей... разбили и побили до смерти... а вѣдомо намъ, Великимъ Государямъ, учинилось, что тѣ воры и разбойники побѣжали врознь на Лебедянь и на Доброе Городище... И мы, Великіе Государи, указали тѣхъ воровъ и разбойниковъ сыскивать... И ты бѣ, воевода, служа намъ и радѣя... про тѣхъ воровъ и разбойниковъ провѣдывалъ тайно. . и у кого пристають они, и какіе у кого объявились пожитки и лишнія деньги, и кто учалъ водиться по кружечнымъ дворамъ и деньги и рухлядь пропивать... А сѣскимъ и земскимъ старостамъ...

учинить заказъ крѣпкой... объявятся въ причинахъ какіе пришлые люди... и такихъ людей имать и приводить въ приказную избу.» *)

Кромѣ бѣглыхъ служилыхъ людей были у насъ въ описываемое время и арестованные. Въ Лебедяни было ихъ 53 человекъ изъ полка Чернова. Всѣ они сидѣли въ ветхой городской тюрьмѣ и *въ ямѣ* и были охраняемы сотеннымъ отрядомъ изъ разсылныхъ и посадскихъ людей. По наказу изъ Москвы, лебедянскихъ *колодниковъ держали осторожно и опасно: никакихъ людей къ нимъ не подпускали, никакихъ словъ ни съ кѣмъ говорить имъ не велѣли и чернилъ и бумаги не давали.* На пропитаніе арестантовъ выдавали въ мѣсяць по 13 алтынъ и 2 деньги на человекъ. Въ Лебедяни эти колодники пробыли недолго. Вскорѣ всѣхъ ихъ, закованныхъ и перевязанныхъ, въ томъ числѣ и *18 малолѣтковъ, съ великимъ постыженіемъ и со всякимъ береженьемъ* привезли въ Москву къ боярину А. С. Шейну, а что было съ ними потомъ, это вѣдомо всякому...

Въ 1699 году въ Тамбовѣ стоялъ полкъ извѣстнаго Гордона. Полкъ этотъ усиленно комплектовался мѣстными жителями, которыхъ и безъ того было мало. Но самое важное въ данномъ случаѣ то, что указанный военный постой былъ тяжекъ для мѣстныхъ обывателей не однимъ стѣсненіемъ или неизбѣжными по тому времени поборами и насиліями, а болѣе всего развращеніемъ нравовъ, одновременно съ которымъ явились у насъ и извѣстныя болѣзни.

Въ связи съ постоемъ Гордона на нашихъ пристаняхъ, особенно на Добренскихъ, обыватели наряжены были на

*) Собраніе матеріаловъ для исторіи западнаго края Тамбовской губерніи и епархіи. П. И. Пискарева, стр. 131—132.

рубку лѣсовъ, выдѣлку дубовыхъ брусевъ, сидку дегтя и смолы *для корабельнаго дѣла*. По этому поводу къ Добренскому воеводѣ Ивану Аникіевичу Карѣеву послѣдоваль такой указъ, приводимый мною въ сокращеніи;

«Велѣно Добренцамъ, всякихъ чиновъ работнымъ людемъ, сдѣлать сорокъ бударъ большихъ для возки лѣсныхъ припасовъ, да къ корабельному дѣлу изготовить десять тысячъ ведръ смолы жидкой, да двѣсти брусевъ дубовыхъ... Да тѣми жъ Добренцы готовить лѣсные припасы на десять мореходныхъ судовъ, которыя велѣно дѣлать Василью Шипилону. Да изъ тѣхъ же Добренцовъ 1200 человекъ для заготовленья на корабли лѣсныхъ припасовъ отдать Костентину Иванову... А въ прибавокъ къ тѣмъ бударамъ сдѣлать еще тридцать бударъ съ кровли и съ подстилки и съ шесты и съ байбаки и съ лодками и съ всеми припасы... Да сдѣлать же къ 18 *наускомъ* 18 лодокъ, да къ бударамъ 30 лодокъ. При нихъ сто водоливовъ». *)

По полученіи этого указа, началась немедленная и всенародная *страда*. Медлить было опасно. Царь Петръ не любилъ проволочекъ и самъ первый подавалъ примѣръ кипучей и неустанной дѣятельности. Быстро, оторвавшись отъ домашнихъ работъ, Добренскіе обыватели сдѣлали 70 бударъ *со всеми къ нимъ надлежащими припасы и съ переездными лодками*... На Государственное тягло наши Добренцы явились въ количествѣ 6064 человекъ... Сдѣланныя ими будары имѣли въ длину по 12 сажень, поперекъ 3 сажени. Всѣ онѣ тщательно были окопачены, сбиты гвоздями, скобами и обручами мѣстнаго издѣлія и обильно наполнены всякими хлѣбнымъ грузомъ, назначеннымъ для Воронежской пристани. И вся эта работа производилась даромъ, по наряду... Въ то же

*) Ibid стр. 184.

время Добренцы ставили на своих лѣсныхъ дачахъ хоромы и свѣтлицы для *Воронежа* и спѣшно доставляли ихъ на указанное мѣсто зимнимъ путемъ и на своихъ подводахъ. Вмѣстѣ съ Добренцами къ этому дѣлу пристроены были Сокольцы, Козловцы, Романовцы.

Если ко всѣмъ этимъ повинностямъ мы прибавимъ обязательныя конскія пошлыны, хлѣбные сборы и разныя другія принудительныя поборы, въ томъ числѣ *сборъ нищими для шитья солдатскихъ мундировъ*, то получится весьма неутѣшительная картина. Если вспомнимъ про былое безправіе *маломочныхъ людей*, когда ихъ *сильно и поклепно* сгоняли съ земли и *побивали на смерть и волочили, и убитки всякіе чинили*, такъ что *отъ тое волочиты и насильства* захудалые люди *въ конецъ погибали*, то картина мѣстнаго народнаго быта въ концѣ XVII вѣка станетъ еще болѣе неутѣшительною... ✓ *Фил*

А между тѣмъ край нашъ обнаруживалъ ясныя признаки культурной живучести... Въ концѣ XVII вѣка въ нашемъ городѣ Липецкѣ, по волѣ Петра Великаго, приступили къ строенію извѣстныхъ *Липскихъ* чугунно-литейныхъ заводовъ. Околѣ заводскихъ зданій и Петровскаго дворца, сгорѣвшаго въ 1804 году, возведена была плотина длиною 74 сажени, шириною 7 сажень съ аршиномъ и въ вышину 2 сажени съ полуаршиномъ. Самый заводъ устроенъ былъ, по тому времени, на широкую ногу: съ многочисленными и прочими *домями*, боевыми молотами, *заварными* кузницами, магазинами, оружейными дворами, подъемными крюками и разными приспособленіями для литья, шлифовки и перевозки пушекъ и для изготовленія и сохраненія артиллерійскихъ снарядовъ, ружей, холоднаго оружія и металлическихъ аммуничныхъ принадлежностей. Заводъ построенъ былъ изъ крупнаго сосноваго лѣсу. Двигательною силой была прудовая вода. О Петровскомъ *Государевомъ дворѣ* въ нашихъ докумен-

«Дворъ Государевъ особливой, огороженъ заборомъ, на дворѣ 2 горницы на подклѣткѣхъ, межъ ими сѣни, при одной спальня съ сѣнями безъ подклѣта; на ономъ дворѣ поваренная изба съ сѣнями.» *)

Скоро подъ руководствомъ иноземныхъ мастеровъ Питера, Шмита и Янмора, въ Липецкѣ образовались и русскіе мастера, и Царь платилъ имъ достаточное жалованье и велѣлъ устроить имъ для жилья особия сосновыя избы, крытыя дранью и огороженныя частоколами. Привожу имена нѣкоторыхъ изъ этихъ мастеровъ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ стояли ихъ липецкія избы: ружейный мастеръ Ефремъ Клеменовъ, каменный мастеръ Шелеховъ, плотничный мастеръ Маркъ Красильниковъ, пушечникъ Иванъ Пьяный, сверлильный мастеръ Зотъ Вревочкинъ и ружейный заварщикъ Титъ Алексинцевъ. Всѣмъ имъ, по особой царской заботѣ, избы построены были *съ окончанами стеклянными и слюдяными*, съ сѣнями, конюшнями, банями и *башнями*. Вообще крайне разчетливый въ жалованныхъ дачахъ, Царь не скупился на нашихъ липецкихъ мастеровъ, и это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что работники-Липчане служили царскую службу исправно и умѣло.

Одновременно съ *Липскими* заводами въ нынѣшнемъ Лебедянскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, устроенъ былъ Козьминскій якорный заводъ съ огромною плотиною въ 180 сажень длины. Главнымъ козьминскимъ мастеромъ былъ иноземецъ Рыць-Фолій.

Господствующимъ тамбовскимъ промысломъ въ XVII вѣкѣ, какъ и теперь, было конечно земледѣліе. Наши *позжія* степи и пустыри представляли для этого излюбленнаго русскаго дѣла такую благодатную почву, которая и доселѣ, не смотря на ея хищническую эксплуатацію

*) Ibid, стр. 204.

разными арендаторами и кулаками, часто не нуждается въ удобреніи. Земля наша—дорогой кладъ нашъ... Но и помимо кормилицы-земли тамбовскіе старожилы искали источниковъ для наживнаго труда. Такъ, у насъ издавна обращено было вниманіе на коневодство. Городъ Тамбовъ вскорѣ послѣ своего основанія сдѣлался весьма важнымъ пунктомъ для конской торговли. Сюда пригонялись табуны не одними мѣстными заводчиками, но и Калмыками, Татарами, Ногайцами и Донцами. Изъ Тамбова конскіе табуны отправляемы были въ Шацкъ особою большою дорогою, по которой, какъ сказано въ одномъ нашемъ документѣ 1671 года, *изстари гонивали Астраханскіе Татарова Ардобачарные лошади.* *)

Весьма важною промысловою статьею было у насъ также и *рыбное дѣло*. Наши старожилы, по своимъ исконнымъ церковнымъ обычаямъ, больше нуждались въ рыбѣ, чѣмъ въ мясѣ. Этой потребности отлично удовлетворяли мѣстныя рѣки и озера. Но, я полагаю, рыба предметомъ вывоза за предѣлы края у насъ не была, такъ какъ этого рода промышленность совершенно подавлялась сосѣдствомъ съ Дономъ, Волгой и Окой. Рыбу для мѣстнаго употребленія ловили у насъ круглый годъ: *и въ осеннія воды, и въ зимнія топи, и въ весноюю ростопель и въ страдное лѣто*. Ловили ее *спѣлыми и бреднями, до-рошками, удами и сорями*. *Верши* дѣлили весеннимъ Николинымъ днемъ. **)

Довольно видное мѣсто въ тамбовской промышленности занимали *звѣриное дѣло* и ловля птицъ. Наши охотники били и ловили куницъ, бобровъ, лосей, лисицъ, медвѣдей, волковъ и всякаго иного звѣря; а изъ птицъ

*) Матеріалы, относящіеся къ исторіи Тамбовскаго края, по документамъ Москов. Архива Минстерства Юстиціи, составилъ Н. Н. Николевъ Тамбовъ. 1884 г. стр. 25.

**) Ibid. стр. 27.

особенное вниманіе обращали на кречетовъ, орловъ и дикихъ гусей. Вотъ почему были у насъ урочища съ такими характерными названіями, какъ *Куньи-Липяги*, *Бобровые Гоны*, *Медвежьи Увалы*, *Волчки*, *Лосинья Стойла* и *Орловы Гнъзда*. Какъ велико было наше звериное производство, изъ нашихъ документовъ пока не видно. Но что оно было не малое, объ этомъ можно судить уже потому, что наши звѣропромышленники вѣзди со своими товарами въ разные дальніе города и дальнія мѣста. *)
Объ этомъ мѣстномъ пушиномъ богатствѣ отчасти свидѣтельствуютъ наши брачныя рядныя записи, изъ которыхъ видно, что и не особенно богатые Тамбовцы награждали своихъ замужнихъ дочерей въ XVII вѣкѣ куньими и бобровыми шубами и тѣлогрѣями...

Было у насъ въ Тамбовской области, кромѣ того, и обширное медвяное дѣло, въ настоящее время почти совершенно упавшее. Нашъ край на всемъ своемъ пространствѣ, не исключая и степныхъ *липяговъ*, особенно же въ Ценскихъ, Замокшенскихъ, Вадовскихъ и Воронскихъ лѣсахъ, покрытъ былъ многочисленными *бортными ухажеями*. Многіе наши бортники владѣли громадными бортными участками и производили значительное количество меду, бывшаго одною изъ самыхъ важныхъ статей нашего отпуски за предѣлы края. Вотъ почему, когда впоследствии составляли Тамбовскій губернскій гербъ, то и придумали его въ видѣ улья съ тремя выющимися надъ нимъ пчелками. О размѣрахъ нашихъ частныхъ бортныхъ *ухажеевъ* можно судить по слѣдующей выпискѣ изъ нашихъ документовъ: «а по мѣрѣ бортный Воронскій ухажей длиннику поперекъ Теллермонскаго лѣсу вереть съ 10, поперечику съ версту»... **)

Въ XVII вѣкѣ нашъ Тамбовскій край наполненъ

*) Ibid, стр. 59.

**) Ibid, стр. 117.

былъ многими сотнями *бортных ухажеевъ*, до 800, и въ эти ухажья ходили не одни крестьяне, но и разные служилые и жилацкіе люди, священнослужители и даже монахи. Въ глухихъ лѣсныхъ захолустьяхъ, вдали отъ всякаго человѣческаго жилья, строили они себѣ прочныя и теплыя *зимницы* и запасали про свой обиходъ, а также на продажу, на церковныя нужды сотни и тысячи пудовъ *меду сладкаго и воску яраго*. . Тогда и въ селахъ нашихъ варились такіе меды, о которыхъ теперь осталось одно смутное воспоминаніе; фальсификацій не умѣли дѣлать, все было на чистоту... *Медвяный* нашъ промыселъ сохранялся долго. Наши бортники были люди весьма простые и наивные. Наивность нашихъ бортниковъ выражалась въ слишкомъ откровенныхъ наименованіяхъ и прозвищахъ ихъ зимницъ, такъ что и сама Москва со своими *швылыми горками и живодерками* позавидовала бы выразительности тамбовскихъ писцовыхъ книгъ...

Такъ какъ нашъ край въ описываемое время отличался преимущественно земледѣльческимъ характеромъ, то его промышленное производство выражалось, между прочимъ, въ устройствѣ водяныхъ мельницъ. Собственныя и нѣрѣдко весьма обширныя мельницы были у нѣкоторыхъ нашихъ монастырей, у богатыхъ вотчинниковъ и въ немногихъ селахъ (общественныя). Такъ въ Донской или Пяшкильской слободѣ, близъ Тамбова на Цифъ, была устроена мѣрская мельница, на которой *работныхъ людей было человекъ по сто и больше*...

Въ 1661 году въ нашемъ Козловскомъ уѣздѣ обнаружилась новая промышленность. Въ городѣ и уѣздѣ *объявился табакъ — запоздное питье, а взяли тотъ табакъ слугу у пріѣзжихъ иноземцевъ и въ томъ козловскіе табачники передъ великимъ государемъ синоваты*.. Какъ бы то ни было, табакъ сразу понравился многимъ нашимъ старожиламъ, и они постепенно, *укриваючись*,

начали заводить собственные табачные посѣвы, сначала понемногу, а потомъ все больше и больше, такъ что въ табачной торговлѣ скоро появились *козловскіе корешки*, извѣстные и доселѣ и доставляющіе казнѣ тысячи рублей ежегоднаго дохода...

Я уже указывалъ на мѣстное монастырское землевладѣніе, какъ на одинъ изъ факторовъ мѣстнаго земледѣлія. Здѣсь я долженъ оговориться, что большинство нашихъ монастырей XVII вѣка, судя по нашимъ документамъ, было очень *скудно и убого*. Земли многіе монахи имѣли мало, жалованья еще меньше: *по рублю на человека въ годъ, по осемьдесятъ хлѣба и овса потому-жъ*. Въ такомъ именно размѣрѣ получались *кормы* старцами и старицами монастырей Спасскаго, Троицкаго, Преображенскаго, Покровскаго и другихъ. Вслѣдствіе этого монастырскія зданія были очень ветхи и худы.

«Церкви наши, плакались преображенскіе старцы, деревянныя и вельми ветхи и за ветхостію служить стало въ нихъ съ нуждою.»

Наша монастырская убогость не рѣдко была такова, что иные монахи и монахини вынуждены были побираться и молить *властей* о помощи. Такъ старица *Марыца* обратилась однажды къ святѣйшему Никону съ такою челобитною, приводимою мною въ сокращеніи: «... таскаюсь, государь, по вся дни и помираю голодною смертію и ты, великій милостивый государь, святѣйшій Никонъ патріархъ московскій и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, пожалуй меня -- нищую богомолницу милостыней, чѣмъ тебѣ, великому государю, Богъ извѣститъ...» Но суровый святитель этой челобитной не повѣрилъ и просительницѣ велѣлъ отказать...

Вслѣдствіе скудости, попрошайничества и скитальчества въ нѣкоторыхъ монастыряхъ наши монахи жили иногда *безцѣнно* и монастыри разоряли и другъ другу

чинили тѣсноту и гоненіе и озарничество и насильство... При такихъ условіяхъ и сами обыватели не всегда дружелюбно относились къ мѣстнымъ монастырямъ. Такъ напримѣръ, жители Урыва городка *учели насильно възвѣстать въ монастырскую Покровскую вотчину для всякихъ своихъ потребъ и для рыбныхъ и звериныхъ ловель, монастырскихъ бобылей учели бить и грабить и вѣсть до единого разогнали; и тѣ бобылишки разбрелись врознь...* Это было въ 1680 году.

Тѣмъ не менѣе, наши иноки — Тамбовцы, вообще сослужили краю и всему Русскому царству великую службу. Прочно и умѣло *осаживаясь* въ лучшихъ мѣстныхъ урочищахъ, они быстро оказывали вліяніе на окрестныхъ инородцевъ и такимъ образомъ ассимилировали край, который почти безо всякой племенной борьбы становился русскимъ.

Въ такомъ именно духѣ и съ тѣми же результатами для мѣстныхъ инородцевъ работали у насъ, строя русское народно-государственное дѣло, почти всѣ наши монастыри, напримѣръ, Троицкая новая пустынь, Мамонтовская Николаевская пустынь и Николаевскій Черняевъ монастырь...

Подводя итоги вышесказанному, мы приходимъ, однако, къ тому выводу, что тамбовская эпоха XVII вѣка вообще представляетъ мало культурности и гражданственности. Это видно, между прочимъ, и изъ описанія извѣстнаго Голштинскаго путешествія двадцатыхъ годовъ XVII вѣка. Голштинцы ѣхали изъ Москвы въ Персію Окой и Волгой и проѣзжали сѣвѣрною частью нынѣшней Тамбовской губерніи мимо города Елатмы. Вотъ что писали они по поводу своего плаванія по Окѣ въ предѣлахъ нашего края.

«По рѣкѣ плыло тѣло человѣческое, которое отъ солнца почернѣло и усохло, и сказали намъ, что убить

тотъ человѣкъ либо отъ козаковъ или холопей. Таковъ плыль и другой трупъ человѣческой, и то тамо не въ диво, ибо убивство и душегубство русаки за то не почитаютъ»..

Остановившись на отдыхъ, Голштинцы послали Касимовскому царевичу на поклонъ *фунтъ табаку и склянницу вина французскаго и было то ему зъло любезно...*

Тронулись Голштинцы дальше, любовались по дорогѣ хоромами мѣстнаго вотчинника Ѳ. И. Шереметева и видѣли по берегамъ не мало монастырей и деревень. Очевидно, край нашъ и тогда уже мѣстами былъ очень населенъ. По обоимъ берегамъ Оки Голштинцы замѣтили множество кабаковъ. Въ ихъ дневникѣ встрѣчаются такіе отмѣтки: «на правомъ берегу кабакъ, на лѣвомъ берегу— кабакъ». Проѣхали версты двѣ-три и опять замѣтка: «направо кабакъ, налѣво— кабакъ» и т. д.

Вскорѣ Голштинцамъ пришлось испытать на нашей Окѣ самыя непріятныя и неожиданныя впечатлѣнія. По берегамъ изъ за лѣсу стали появляться Татары и, *схоронясь въ лѣсъ, учали стрѣлять пулками.* Голштинцы отвѣчали и *стали бить по (Елатомскимъ) Татарамъ изъ пицалей и они утихли... **

Наши Тамбовскіе предки, какъ я писалъ не разъ, были донимаемы татарскими набѣгами. Къ концу же XVII вѣка, кромѣ татаръ, ополчились на нашъ край и Калмыки.

Калмыки не рѣдко приходили къ намъ цѣлыми ордами и загонами; большею же частію и очень часто они набѣгали къ намъ мелкими партіями, и такимъ образомъ держали весь край въ постоянной тревогѣ. Объ одномъ изъ такихъ мелкихъ *воровскихъ* нашествій 1694 года Тамбовскій воевода Иванъ Леонтьевъ отписывалъ въ Москву такъ:

*) Рукопись, принадл. Тамбовской Арх. Коммисіи, стр. 68—69.

„Сентября 28 приходили подъ Тамбовъ тайно Калмыки — воинскіе люди и ночью прошли валовыя крѣпости и у села Кузьминой Гати отогнали конское и коровье стадо и пастуховъ побрали... И какъ ратные люди собрались и я, воевода, отобравъ полковыхъ казаковъ и станичниковъ, конныхъ и оружейныхъ людей, послалъ съ ними на воровъ тамбовца Лукьяна Гридина“.

Пока тамбовскіе ополченцы готовились въ походъ, на воеводскій дворъ прибѣжалъ изъ калмыцкаго плѣна, съ рѣки Липовицы, *жоровій пастухъ села Бокина Кирюшка Устиновъ*. Кирюшку взяли къ допросу и онъ показалъ:

„Стерегъ я съ товарищемъ Савкою Авдѣевымъ скотское коровье стадо и выгналъ его на кормъ къ тамбовскимъ валовымъ крѣпостямъ, и часу во второмъ набѣжали калмыки—воинскіе люди, да съ ними русскій челоувѣкъ, и взяли насъ въ полонъ и ушли въ степь межъ Острожной и Горѣлой башень, гдѣ стоятъ на караулахъ солдаты. И привели насъ къ Липовскому острогу, а тамъ сидѣли иные полоняники, а вокругъ крѣпости бродилъ табунъ лошадей, что побрали и отогнали килмыки“...

Изъ Липовскаго острога воры-Калмыки пошли съ добычей домой, въ направленіи къ селу Двойнѣ. Но здѣсь ихъ встрѣтили тамбовскіе *земцы*. Начался бой. Въ это время, въ суматохѣ, Кирюшка Устиновъ *свалился съ лошади* и бѣжалъ въ лѣсъ, а изъ лѣсу въ Тамбовъ къ воеводѣ. Шелъ онъ въ нашу крѣпость ночью, крадучись, самъ другъ съ донскимъ казакомъ *Ефимкой*. Между тѣмъ Калмыки были разбиты и прогнаны въ степь по Корейнской дорогѣ, къ рѣкѣ Саволѣ. *) У Саволы у нихъ былъ новый бой съ тамбовскими служилыми людьми, и съ тѣмъ же результатомъ. Въ плѣнъ Калмыковъ не брали, а всёхъ

*) Московскій Главнй Архивъ Министерства Иностран. Дѣлъ, вѣдѣніе изъ посольскаго приказа, № 5.

ихъ *кололи до смерти*. То были Калмыки Чеганова улусу, *Кирбекъ-мурза съ товарищи*. А толмачемъ и *вожемъ* былъ у нихъ бѣглый Тамбовецъ *Петрушка Провожатый*. Калмыцкая партія была въ нѣсколько сотъ чедовѣкъ.

Мѣстные внутренніе порядки XVII вѣка далеко не отличались благоустройствомъ. Общественная безопасность была такъ мало гарантирована, что въ 1658 году персидское посольство, останавливавшееся въ Темниковѣ для покупки *армаковъ* было до чиста обокрадено. Персіане пріѣхали къ намъ безъ денегъ, съ одними восточными товарами, спрятанными въ ларяхъ. И вотъ утромъ 23 апрѣля всѣ эти лари оказались пустыми. За ночь весь персидскій товаръ темниковскіе воры покрали. Немедленно темниковскій воевода Александръ Бахметьевъ созвалъ всѣхъ городскихъ старостъ и велѣлъ имъ тщательно обыскать всѣ городскіе и посадскіе дома. Но воры, очевидно, были люди умѣлые въ своемъ родѣ и такъ спрятали покраденное, что сыщики ничего не нашли. Кое-какъ Персіане доѣхали послѣ того до Москвы и тамъ пожаловались. Началось слѣдствіе. На допросѣ Бахметьевъ показалъ: „сторожей ночныхъ у насъ въ Темниковѣ никогда не бывало и усмотрѣть за ворами было невозможно“... Къ концу слѣдствія ясно обнаружилось одно несомнѣнное обстоятельство: воровали русскіе воры. Одинъ свидѣтель—Персіанинъ говорилъ такъ: „въ клѣть ложились русскіе люди, а татары все это видѣли и не мѣшали“... Желая досадить воеводѣ, Персіане и его оговорили: воевода де велѣлъ тѣхъ воровъ ухоронить. Какъ бы то ни было, Бахметьева смѣстили и *доправили* на немъ въ пользу Персіанъ 500 рублей. Въ 1659 году въ Темниковъ пріѣхалъ изъ Москвы новый воевода Кокошкинъ. но и ему не удалось напасть на воровскій слѣдъ. *)

*) Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Персидскіе дѣла, № 12.

Вообще наши темниковскіе воеводы описываемаго времени были гораздо ниже своего служебнаго призванія. Вотъ что писалъ о темниковскомъ воеводѣ Неѣловѣ Санакарскій игумень Ѳеодоръ: „онъ воевода есть грабитель и разоритель и божественному закону и государственнымъ правамъ вредитель; на многихъ людей чинить свои нападки того ради, чтобъ какою-либо нуждою утѣснить: или содержаніемъ въ тюрьмѣ, или скованіемъ въ желѣзахъ, или другими какими тѣснотами, чтобъ токмо отнять у человѣка что ему, воеводѣ, надобно въ собственный прибытокъ... А кто именно грабительствомъ воеводы утѣснены и въ крайнюю нужду приведены, и въ томъ примѣръ Санакарскій монастырь. За отказъ монастыря Неѣлову молотъ на монастырской мельницѣ его хлѣбъ безденежно, воевода запретилъ Темниковскимъ купцамъ и мѣщанамъ ходить въ монастырь и дѣлать подаваніе. Купецъ Власовъ далъ монастырю 23 улья пчель и Неѣловъ потребовалъ, чтобы общество сдало Власова въ солдатскую службу или взыскало съ него 500 рублей, или высѣкло его плетью. Да онъ же, воевода, помѣстилъ въ монастырѣ 10 плѣнныхъ татаръ и отдалъ имъ монастырскую огородную землю. Да еще онъ же чинилъ въ Темниковѣ съ барабаннымъ боемъ повѣстку, чтобъ монахи рукодѣліе свое въ городѣ не продавали и жители онаго не покупали.*)

Внутренняя жизнь нашего края выражалась въ то же время въ самомъ грубомъ сектантствѣ, что и доселѣ отчасти характеризуетъ Тамбовскій край. Наши обездоленные предки по своему искали вѣчной правды, и часто, сами того не понимая, все дальше и дальше уходили отъ этой правды... Въ концѣ XVII вѣка у насъ усилилась хлыстовщина. Наши невѣжественные фанатики-хлысты, смущаемые наивными представленіями о непрерывномъ Христо-

(* Изъ дѣлъ Тамбовской архивной комиссіи № 49.

вомъ воплощеніи, собирались въ тайныя сборища и творили тамъ неслыханныя, безтолковыя и почти невѣроятныя мистеріи. Что наши оупѣвшіе сектанты *дрожали и вертѣлись до упаду* во время своихъ моленій, а также открыто развратничали, говорили *иностранными языками* (тарабарщиной) и пророчествовали, мужики и бабы—одинаково, это еще сравнительно не такъ важно. Но вотъ что ужасно. Судя по документамъ Московскаго архива Министерства юстиціи (книга 6) наши изуверы — хлысты тайно убивали *будто-бы* своихъ младенцевъ, *закаляли агнцевъ*, какъ они выражались, *вытачивали* изъ нихъ кровь, вынимали /младенческія сердца, сушили добытую кровь, пекли съ нею бѣлые хлѣбцы и эту ужасную снѣдь кощунственно выдавали за *причастіе*... Замѣчательно, что при убіеніи несчастныхъ младенцевъ вооружались ножами будто-бы сами родители. Прежде всего они, а съ ними и все собраніе, кланялись *агнцамъ* въ землю, затѣмъ *отецъ* бралъ особый ножъ и убивалъ ребенка...

И эти-то сумашедшіе фанатики считали себя *избранными сосудами Св. Духа* и въ своихъ религіозныхъ порывахъ сочиняли духовные стихи и съ увлеченіемъ, во время *верчений*, пѣли ихъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ стиховъ:

1.

„Сокатала наша матушка,
Наша матушка, помощница,
Прѣсвятая Богородица,
Сокатала съ неба на землю
Къ государю искупителю,
Къ нему, свѣту, во неволюшку.
Со слезами наша матушка
Его, свѣта, уговаривала:
Государь, родимый батюшка!

Пора тебѣ съ земли на небо катить;
Пожалуй, свѣтъ, сударь, батюшка родной,
Ко мнѣ въ гости въ седьмое небо,
Во седьмое небо, во блаженный рай.
Я тамъ тебя утѣшать буду,
Утѣшать буду, ублажать стану
Со ангелами, архангелами,
Съ херувимами, серафимами.

2.

„Послушайте, други милые,
Вы братья, сестры духовные,
Духовные, Богомъ любовные,
Святымъ Духомъ избранные,
Сыномъ Божиимъ порожденные.
Есть еще у насъ Шать-рѣка,
Шать-рѣка — шатоватая,
Шатоватая — вороватая,
И она несправедливая.
Не ходите-жъ вы на Шать-рѣку;
Ужъ и кто изъ васъ на Шать поидеть,
И тотъ, други, зашатается,
Прочь отъ корабля отлучается,
Дойти до Бога не чается,
Въ томъ и жизнь его скончается“.

3.

„Ай, гулюшка голубокъ!
Куда разумъ твой глубокъ.
Птица — райскій гуркунокъ!
Всякій часъ, всяку минуту
Благодатью ты владѣешь,
Всей вселенной управляешь.
Невидимо тамъ бываешь,

Гдѣ въ смиреніи пребываютъ,
Горьки слезы проливаютъ,
И въ радѣнны пребываютъ,
И гдѣ просьбы задаютъ,—
Тамъ сошествіе творишь,
Ко избраннымъ говоришь;
Глаголь тихій изливаешь,
Все тайное открываешь,
Впередъ тайну прорекаешь,
Соколомъ туда летаешь“.

4.

„Послушайте, вѣрныя мои,
Сойду я къ вамъ, Богъ, съ неба на землю,
Изберу я плоть пречистую и облечусь въ нее;
Буду я по плоти человѣкъ, а по духу Богъ,
Приму я распятый крестъ,
Въ рученьки и въ ноженьки гвоздильцы желѣзные;
Пролью слезы горючія,
Проточу кровь пречистую“... *)

Хлыстовщина въ нашемъ краѣ, вообще склонномъ къ
религіозному мистицизму, и раціонализму, въ послѣдствіи
усилилась до того, что во главѣ ея стояли у насъ даже
и такіе люди, какъ на примѣръ, Санаксарскій стронтель
Іоасафъ. *)

Прочитывая архивные документы описываемой эпохи,
мы невольно поражаемся многими отрицательными сторо-
нами нашего отжившаго быта.—Фактами общественной
неурядицы и нравственной распущенности. Многіе цер-
ковники открыто предводительствовали у насъ разбой-

*) Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архи-
въ Министерства Юстиціи кн. 6-я. Москва, 1889 г.

*) Ibid.

ничьими шайками. Они же сочиняли *волшебныя письма* и предавались *безгнрному пьянству*... Отнюдь не лучше ихъ были представители и иныхъ сословій...

Между русскими срединными губерніями, составляющими главную основу Всероссійскаго царства, есть области старыя и молодыя, — прославленные отечественными историческими событіями и малоизвѣстныя въ этомъ отношеніи. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и Тамбовская губернія. Но я, пишущій эти строки, вполне увѣренъ, на основаніи историческихъ документовъ, которые внимательно читаю уже болѣе 20 лѣтъ, что и Тамбовская историческая роль весьма почетна; только про нее мало знаютъ и говорятъ. Никогда Тамбовская земля не бросалась въ глаза военно-политическою представительностію совершившихся въ ней событій. Тамбовская жизнь текла сравнительно незамѣтно, но вся она упорно направлена была къ созиданію Русскаго царства и государственно-политическому развитію Русскаго народа; и историко-бытовыя ея черты исполнены и трагизма и доблести въ тѣ историческіе ея періоды, когда мѣстная будничная обстановка нарушалась и всѣ Тамбовцы національно-государственнымъ долгомъ призывались къ охранѣ и укрѣпленію своей излюбленной украины... Въ эти историческіе моменты мѣстные русскіе люди оказывались глубоко вѣрными своему русскому долгу и, *буднично* слабые, были *богатырями*, когда наставалъ часъ испытанія...

(Въ описываемое время, къ концу XVII вѣка, весь Тамбовскій край былъ хотя и *дикою*, но въ то же время *благодатною*, всякими угодыями обильною, стороною. Украинная земля наша къ этому времени уже достаточно наполнилось *бродниками, сходцами и утеклецами*, до вѣсколькихъ сотенъ тысячъ. Всѣ они шли въ наши дебри и степи въ чаяніи украинной свободы и приволья и почти не ошибались въ своихъ чаяніяхъ. Ошибались одни

слабые люди, не умѣвшіе приоровиться къ условіямъ мѣстной дѣвственной природы и къ условіямъ мѣстнаго общественно политическаго быта...

Эти слабые люди большею частію погибали: и отъ нищеты, и отъ дикаго звѣря, и отъ набѣглаго Татарина, и отъ лихаго человѣка—своего же русскаго брата... Миръ костямъ всѣхъ этихъ людей, посильно послужившихъ русской колонизаціи Тамбовскаго края! Слава тѣмъ бывшимъ сильнымъ людямъ нашимъ, которые на *могутныхъ* плечахъ своихъ вынесли бремя русской мѣстной ассимиляціи! Не легка была доля ихъ и безвѣстны они. Но ими совершено великое народно-государственное дѣло... Ихъ кровью и потомъ устроилась Тамбовская земля, одна изъ самыхъ коренныхъ современныхъ русскихъ областей...

Живо и вѣрно можно представить себѣ бывшія тамбовскія села, деревни, починки, зимницы и становища. То не были кучи мазанокъ, которыхъ теперь развелось такъ много въ силу лѣсной скудости; то были просторныя, хоть и грубо сколоченныя изъ вольнаго хормнаго лѣсу, избы. Окна въ избахъ были или волоковыя, или слюдяныя; усадьбы были большія и сейчасъ же за околицами начинались *вытныя и оброчныя* крестьянскія поля и пастбища. Не знали наши бывые крестьяне, тяглые и оброчные, городскихъ прихотей. Поѣздка на какойнибудь сельскій или монастырскій торгъ была для нихъ событіемъ. Но за то своего добра было у нихъ вдоволь; и хлѣба и меду, и *животиннаго* корму и живности всякой. Тогдашній богачъ хвалился не деньгами, которыхъ въ обращеніи было очень мало, а обиліемъ домашнихъ запасовъ. Тогда копили про черный день не копейку, а *загодя* наполняли скирды снопами, сусѣки зерномъ, сѣновалы сѣномъ, а сарай—скотиной. Разумѣется, и тогда

были у насъ свои бытовья тѣни и онѣ слишкомъ извѣстны; не было въ нашихъ мѣстахъ настоящаго порядка, вполне обеспеченнаго законою властію; не было и настоящей личной и имущественной безопасности. Поэтому села наши укрѣплялись на всякій случай *надлобами*, и наши крестьяне обзаводились обыкновенно не одними земледѣльческими, рыболовными и другими орудіями, а и—военнымъ оружіемъ, смотря по достатку. У кого была пицаль, у кого—колчанъ со стрѣлами, у кого копье, сабля или кистень. А бѣдники выходили на бой противъ своихъ супостатовъ, *чужаковъ и свояковъ*, съ простымъ дреколѣмъ; и нѣрѣдко это послѣднее оружіе было не менѣе грозно, чѣмъ первыя...

Въ распоряженіи Тамбовской ученой архивной Комиссіи есть *писцовыя книги* великой *птоки* Марѳы Ивановны и онѣ замѣчательны тѣмъ, что указываютъ на одну весьма трогательную черту мѣстной жизни: почти при всѣхъ нашихъ церквахъ, на церковныхъ усадьбахъ, были и *нищихъ кельи*... Значитъ наша тамбовская церковь изстари принимала на себя особую, специально ей присвоенную, заботу о немущихъ...

Въ концѣ XVII вѣка, когда почти весь Тамбовскій край уже довольно *осторожливо* укрѣпленъ былъ отъ своихъ неизмѣнныхъ степныхъ *вороговъ* городами, острогами, засѣками, надлобами и *чертами*, одинъ нынѣшній Борисоглѣбскій уѣздъ все еще представлялся дикимъ полемъ и вольною ковыльною степью. Кое-гдѣ въ этой степи, особенно по Хопру и Воронѣ росли рощи и довольно значительные лѣса, на примѣръ, знаменитый *Теллерманскій* лѣсъ. Русскіе *починки* были тогда большою рѣдкостью въ нынѣшнемъ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ. Русскіе люди—*сходцы* жили тамъ малолюдными общинами и жили

— 51 —

на свой страхъ, и было имъ *великое горе-гореванье* отъ татарскихъ, нагайскихъ и калмыцкихъ разбойниковъ. У первыхъ Борисоглѣбскихъ *населениковъ* не было даже и утѣхи на случай *горя-злосчастья*; церковей Божіихъ у нихъ не было. Борисоглѣбцы по этому поводу жаловались такъ Московскому Правительству: «церквей Божіихъ и поповъ у насъ нѣтъ, и помираютъ наши братья безъ покаянія и безъ причастія св. таинъ и родильницы лежатъ безъ молитвъ многое время... Царь Государь, смилуйся—пожалуй!»...

Въ самомъ концѣ XVII вѣка судьба Борисоглѣбцевъ измѣняется. Въ 1698 году выстроенъ былъ, по царскому указу, городъ Борисоглѣбскъ съ двумя слободами: станичной и солдатской. Количество Борисоглѣбскихъ жителей, ободренныхъ сравнительно безопасностью подъ защитой деревянныхъ городскихъ стѣнъ и царскихъ служилыхъ людей, стало быстро увеличиваться. Одно пензенское село — Колояръ переселилось въ Борисоглѣбскъ въ полномъ своемъ составѣ. Скоро въ городѣ Борисоглѣбскѣ появились и церкви: соборная Борисоглѣбская, станичная — Казанская и солдатская — Николая Чудотворца. Всѣ эти церкви были деревянные, небогатыя, но онѣ снабжены были полнымъ кругомъ церковныхъ книгъ; духовенство было при нихъ на лицо; служба въ нихъ правилась *последневная*... И радовались Борисоглѣбцы своему церковною радостію, только порядка церковнаго у нихъ не было. Приписанные въ церковномъ отношеніи къ городу Нижнему Ломову, они, на самомъ дѣлѣ, никакого вниманія къ себѣ со стороны Нижнеломовскаго протопопа не видѣли и жили *безвѣстно*... Священниковъ и весь причтъ Борисоглѣбскіе прихожане разыскивали сами и привлекали ихъ къ себѣ съ разныхъ сторонъ. Вотъ почему *ставленныя и*

перехожія грамоты и явленныя памяти городского Борисоглѣбскаго духовенства были даны или Воронежскимъ митрополитомъ Пахоміемъ, или Рязанскимъ митрополитомъ Стефаномъ или Иоанникіемъ—митрополитомъ Ставропольскимъ, Никитой—архіепископомъ Коломенскимъ, Леонидомъ Сарскимъ и Игнатіемъ—епископомъ Суздальскимъ... Борисоглѣбская церковная неурядица, кромѣ того, выражалась въ томъ, что Борисоглѣбскіе причты не платили въ патриаршіи приказъ никакихъ пошлинъ, а уѣздные причты почти не имѣли церквей, довольствуясь часовнями, и служили въ тѣхъ часовняхъ *временно*, когда вздумается... Такой безпорядокъ, безъ всякаго сомнѣнія, зависѣлъ и отъ того, что иные уѣздные Борисоглѣбскіе священнослужители являлись въ свои приходы самочинно, безъ *перехожихъ грамотъ*. Всѣ эти приходы были малые, дворовъ въ 60, 40 и 20. Поэтому причты кормились не столько доходами отъ приходозъ, сколько своею надѣльною землею и разными промыслами. . И жили они совершенно просто: ходили въ лаптяхъ, помѣщались въ курныхъ избахъ и выходили на полевые и иныя работы по крестьянскому положенію. Не блистали они и книжностію, читали не *въ твердость*, а въ письмѣ не уходили обыкновенно дальше умѣнья подписывать съ трудомъ, каракулями, свои имена...

Только что Борисоглѣбцы отстроили свои церкви и часовни, какъ пришла на нихъ бѣда великая—неминучая. Набѣжали на нихъ дикіе Калмыки *съ казаками* и многую *шкodu всему народу учинили: людей побили и въ полонъ поимали и села и деревни пожгли*. Въ эту смуту сгорѣла и борисоглѣбская соборная церковь...

При такихъ условіяхъ Борисоглѣбцевъ не радовали и ихъ приволья: ни рѣки рыбныя, ни лѣса вѣковые, ни

пожити тучныя. И они нерѣдко бѣжали въ новыя, болѣе безопасныя мѣста цѣлыми семьями. Куда дѣвались наши отжившіе Борисоглѣбцы съ ихъ *старыми и малыми* и какъ они горе свое мыкали, великую тугу свою изживаючи, — мы не знаемъ. Но мы догадываемся, что это горе извѣдано было ими вволю: и лютый морозъ донималъ ихъ въ холодныхъ степяхъ, по времени и жаръ стеной палилъ ихъ, и безкормища пэнуряла ихъ, и злой человѣкъ, не жалѣючи, корыстовался ими...

[Въ концѣ XVII вѣка по собственному почину и на свой страхъ Моршанскій крестьянинъ Степанъ Разказъ основалъ извѣстное село Разказово, представляющее въ настоящее время одинъ изъ самыхъ важныхъ промышленныхъ и торговыхъ пунктовъ Тамбовской губерніи.]

Степанъ Разказъ былъ человѣкъ въ высшей степени практичный, умный и ловкій. Не довольствуясь своимъ крестьянскимъ тягломъ, онъ сумѣлъ обзавестись, за тамбовскими валовыми крѣпостями, въ дикой тамбовской степи и въ Кирдянскомъ лѣсномъ уожьѣ, близъ города Тамбова, бортными уожьями, урочищами и *порозжими* землями. Современемъ этой земли и разныхъ угодій стало такъ много, что Степанъ Разказъ кликнулъ кличъ на своей родинѣ и позвалъ на новыя мѣста, съ которыми одинъ не могъ справиться, охочихъ переселенцевъ: *отъ отцовъ дѣтей, и отъ братьевъ и дядьевъ племянниковъ*. Дѣти и племянники изъ села Морши и Куликова живо собрались въ путь дорогу и пришли къ Степану. И начали дворами селиться, дворъ ко двору и гумно къ гумну, и пашню пахать и сѣно косить въ тѣхъ Разказовскихъ урочищахъ *вопче*. На 5 лѣтъ имъ дана была податная льгота и они живо и *порядливо* устроились. Это было въ 1698 году. Степанъ Разказъ скоро умеръ, но его товарищи были

хорошо *налажены* и умного и прибыльнаго дѣла не бросали.

Постепенно возрастая, Разказово еще въ первой половинѣ прошлаго вѣка сдѣлалось выдающимся пунктомъ мѣстной сельско-хозяйственной промышленности. Въ немъ появились винокурни и мельницы. Въ окрестныхъ Разказовскихъ лѣсахъ *вѣлики* хоромное, издѣльное и дровяное дерево. На Разказовскихъ поляхъ начали обрабатывать, кромѣ обычныхъ *хлѣбовъ*, ленъ и коноплю. Скоро начали строить въ Разказовѣ и суконныя фабрики, которыми это богатое село славится и теперь.

Около половины XVII вѣка окончательно заселилось село Бойкино, близъ Тамбова. Въ этомъ селѣ поселилось сразу 60 человекъ полковыхъ казаковъ съ семействами и 73 семейныхъ солдатъ. Къ хозяевамъ немедленно же присоединились *полвинищники, захребетники, бобыли и недоросли съ дѣтьми и братьями, племянниками, зятьями и шурьями и проч.*

Всѣмъ *хозяевамъ*, по царскому указу, дано было или по 25 четвертей въ полѣ и сѣнныхъ покосовъ по 50 копень (казакамъ), или по 12 четвертей и по 25 копень сѣна (солдатамъ). Если присоединить къ этимъ угодымъ право Бойкинскихъ обывателей на въѣздъ въ Цескій лѣсъ для рубки *хоромнаго и дровянаго лѣсу*, то получится картина совершенно удовлетворительнаго сельскаго быта Бойкинскихъ обывателей XVII вѣка. Бойкинская зажиточность выражалась, между прочимъ, въ томъ, что уже въ 1678 году село имѣло свою старую церковь, о которой въ писцовыхъ книгахъ князя В. В. Кропоткина написано такъ:

„Село Бойкино на рѣкѣ Цифѣ. А въ немъ церковь великаго Чудотворца Николая сдѣлано клецки, на возмостѣ. А въ церкви всякое строенье... иконы... Деисусъ...“

сѣни и столбцы... Предъ мѣстными иконами двѣ свѣчи писаны красками деревяныя... Сосуды деревяныя.. Покровы полотняныя.. Ризы, стихари и патрахили выбойчатые... Да книгъ полный кругъ. . Два колокола разбитыхъ..."

Послѣднее указаніе до нѣкоторой степени характеризуетъ нашъ безпокойный бытъ XVII вѣка, когда непрерывныя татарскія тревоги, иногда *до 200 разъ въ годъ*, заставляли обывателей усиленно *бить въ-сполохъ*...

Не смотря на мѣстное усиленное колонизаторское движеніе, весь Тамбовскій край въ XVII вѣкѣ все-таки *сравнительно* съ коренными русскими областями *пустова* и былъ населенъ слабо. Наши города и села, устроенныя большею частію по рѣкамъ, стояли другъ отъ друга на дальнихъ разстояніяхъ, раздѣляемые дикими лѣсами и *порозжими* степями. Тѣ лѣса и степи были не нынѣшніе: степямъ конца и мѣры не было, а лѣса были такіе, что въ нихъ, какъ сказаво выше, удобно и обильно водились соболи, бобры, лоси, лисицы и всякій иной звѣрь... А въ самыхъ глухихъ лѣсныхъ захолустьяхъ у насъ водились еще дикіе туры-зубры, и нѣкоторыя лѣсныя урочища такъ и назывались: *туровскіе лѣса*... Глушь въ этихъ урочищахъ была такая, что невольно наводила оторопь и суевѣрный страхъ на нашихъ бортниковъ и звѣролововъ. Вотъ почему мѣстныя урочища назывались у насъ иногда *миши* или *мигами*. Но иные наши колонизаторы были выше суевѣрнаго страха и храбро селились въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, особенно монахи.

Въ 1668 году въ глуши Темниковскихъ лѣсовъ возникъ у насъ Темниковскій Санаксарскій монастырь, основанный по благословенію и по грамотѣ патріарха Всероссійскаго Іоасафа, *за приписью дьяка Перфиляя Синельникова*. Монастырь (во имя Пресвятыя Богородицы Владимірскія)

построенъ былъ въ глухомъ лѣсу, на *Санаксарскомъ перевозѣ*, подлѣ *Санаксарской заводи* и *Полкинскаго истоку*, и его старцы и трудники сразу же принялись расчищать лѣсныхъ заросли на пашню и сѣнные покосы. Скоро у монастыря явился усердный и зажиточный вкладчикъ— *Темниковскіе приказные избы подъячей Лука Евсюковъ*, почитатель перваго санаксарскаго игумена *Θеодосія*, и монастырское хозяйство пошло бойче и шире.. Образовалось лѣсное хозяйство. Обмежеваны были рыбныя ловли и всякія угодыя. Санаксарскій монастырь зажилъ на славу. Но тутъ явились у него завистники и недоброжелатели, и въ 1688 году *учали владѣть монастырскими сѣнными покосы и розчистями*. Особенно донимали Санаксарцевъ темниковскіе посадскіе люди: *Игнатей съ братомъ, да Зотъ Елфиловъ, да Иванъ Стрегулинъ, да пушкаръ Семенъ Зотовъ съ товарищи...* Все монастырское сѣно они съ похвальбою покосили и перевезли къ себѣ *безъ остатку, хотя монастырю разореніе и разгонъ и пустоту учинить и всякую монастырскую скотину поморить...* „И намъ старцамъ, жаловались Санаксарскіе монахи, — отъ тѣхъ посадскихъ людей жить въ монастырѣ стало опасно, ночью порой и въ дневное время и гдѣ прилучится быють насъ и увѣчатъ и дѣлають всякое дурно, а старца Гурья срубили и не разыскано про то старцево убойство и по се число...“ Для Санаксари наступило такое тяжкое время, что строитель Трифонъ и попъ Исакій *сошли во иные монастыри*. Монастырское хозяйство разстроилось. *Многая скотина померла..* Тутъ-то и вступился за монастырь вкладчикъ Лука Евсюковъ и сумѣлъ отстоять правое монастырское дѣло...

Заканчивая историко-бытовое описаніе Тамбовскаго края XVII вѣка, я снова и на основаніи новыхъ архив-

ныхъ данныхъ напоминаю своимъ читателямъ, что народно-государственное оживленіе и упорядоченіе тамбовской окраины серьезно и безповоротно началось при первомъ царѣ изъ благословеннаго дома Романовыхъ.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ основалъ у насъ *обороны* города Тамбовъ и Козловъ и дѣятельно принялъ, кромѣ того, за сооруженіе грандіозной земляной, съ пробными и глухими башнями и съ надолбами, *черты* отъ Козлова до Усмани и отъ Шацка до Пензы... Легче вздохнулось тогда мѣстному люду. Было гдѣ укрыться отъ злого татарина. Было кому и чѣмъ встрѣтить непрощеннаго *гостя*, такъ какъ въ то время у насъ сравнительно въ достаточномъ количествѣ появились *стрѣльцы, пушкары, солдаты и рейтары*. Мѣстныя воинскія команды, повидимому, устраивались на иноземный ладъ... Между воинскими начальниками были не одни воеводы и стрѣлецкіе головы, но и полковники, ротмистры и капитаны, *иные съ тѣмечкими фамиліями*... (полковникъ Гуцъ).

О Тамбовѣ и строеніи *черты* я уже писалъ раньше. Теперь я скажу нѣсколько словъ о *строеніи* г. Козлова.

5 сентября 1636 года Царь и великій князь всея Русіи Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ своимъ ясельничамъ и воеводамъ Биркину и Спѣшневу ѣхать *въ поле* для строенья новаго города (Козлова). Мотивами для этого царственнаго повелѣнія послужили слѣдующія обстоятельства...

„Вѣдомо намъ учинилось, писалъ Царь, — что степью межъ Воронежскихъ и Ценскихъ верховъ, мимо Урлапова Городища, приходятъ въ Русь войною Крымскіе и Ногайскіе люди на Шацкіе и на Ряскіе и на Данковскіе мѣста и на Резань; и православныхъ крестьянъ побиваютъ и въ полонъ емлютъ; и назадъ отходятъ тою жъ степью...

А иные воинскіе люди приходятъ войною Изюмскою сакою... И Государь Царь . . указалъ для береженья отъ татарскіе войны межъ Воронежскихъ и Ценскихъ верховъ на Урлаповъ Городицѣ, или гдѣ пригоже... поставить городъ, а для городского строенья и береженья указалъ Государь... быти ратнымъ людямъ изъ Переславля Рязанскаго... съ Михайлова... изъ Пронска... изъ Ряскова... съ Сапожка... съ Воронежа, Лебедяни, Ельца и Шацково... всего 760 человекъ, а быти тѣмъ ратнымъ людѣмъ у городского дѣла и для береженья, опричь проѣзду, по шти недѣль; и тѣмъ ратнымъ людѣмъ велѣно быти всѣмъ съ пищальми; да у нихъ же велѣно быти по рогатницѣ и по топору, да по лошади съ телѣгою; да имъ же велѣно дати въ городахъ по фунту зелья да по фунту свинцу изъ Государевы казны... Да съ Иваномъ Биркинымъ и съ Михайлой Спѣшневымъ послано съ Москвы наряду: пищаль мѣдная — ядро въ 3 гривенки, другая пищаль — ядро 2 гривенки, двѣ пищали — ядро по гривenkѣ... да 50 пищалей съ замками... Да для церковнаго и городского строенья велѣно взять плотниковъ изъ Переславля Михайлова и Пронска; да съ Переславля жъ, изъ Ряскова, Ельца и Лебедяни кузнецовъ взять трехъ человекъ... Да съ Иваномъ же и съ Михайломъ отпущенъ въ новый городъ вѣстовой колоколь въ 10 пудъ.. А жилицкихъ служилыхъ людей указалъ Государь устроить... 500 человекъ, а прибрать ихъ изъ всякихъ изъ вольныхъ и изъ охочихъ людей... А земли за ними учинити... противъ Данковскихъ стрѣльцовъ .. по 40 чети, по 30 чети и по 20 чети... И всѣмъ тѣмъ служилымъ людямъ служить конную и пѣшую службу *безпрестани перемѣняясь*... А денегъ Государевыхъ съ Биркинымъ и Спѣшневымъ послано 400 рубль... Да запасу всѣмъ тѣмъ ратнымъ людямъ, чтобы идти на поле-на Урлапово Городище, велѣно взять съ со-

бою на 6 недѣль, oprичъ проѣзду... Очевидно, дѣло затѣвалось, по тому времени, не малое. Были утомительные, сложные и *склочные* сборы. Была и серьезная опасность для нашихъ царскихъ колонизаторовъ...

Поэтому Царь въ своемъ подробномъ Указѣ *опасливо* предостерегаетъ Биркина и Спѣшнева:

„А дорогою до Урлапова Городища идти вамъ со всѣми разными людьми *бережно и усторожливо* и станицы поредъ собою посылать частые и станомъ становиться въ крѣпкихъ мѣстахъ и сторожи держати и самимъ на сторожѣ доzirати, чтобы сторожи стояли во всю ночь крѣпко и усторожливо... чтобы татарове безвѣстно не пришли и не погромили...

Старая Русь, въ лучшихъ своихъ представителяхъ, отличалась строго православною церковностию. Всякое дѣло, большое и малое, она начинала и *вершила* молитвою... Этотъ прекрасный элементъ былой нашей народной жизни сказывается и въ данномъ случаѣ.

„А на томъ мѣстѣ, продолжаетъ Царская грамота, гдѣ повему городу *быти*, изготовить лѣсъ.. А изготови просить у Бога милости и у Пречистыя Богородицы помощи.. и у всѣхъ святыхъ.. и молебны пѣть...

Замѣчательна та тщательная и предупредительная заботливость, съ которою первый Царь изъ дома Романовыхъ относился къ строенію города Козлова.

„А Вы, Иванъ Биркинъ, да Михайло Спѣшневъ, пи-саль Онъ, — устройте въ новомъ городѣ на зелейную казну *погребъ дубовый и колодези покопайте и тайники подьлайте*, чтобы въ приходъ воинскихъ людей безъ воды не быть... Да вы жъ, Иванъ да Михайло, устройте въ новомъ городѣ храмъ во имя Покрова Пресвятыя Богородицы... съ придѣломъ...

Воеводы Биркинъ и Спѣшневъ исполнили Царскую волю въ томъ же 1636 году. Городъ Козловъ, одновременно съ Тамбовомъ, сталъ на стражѣ Тамбовской окраины... Кончилась спѣшная воеводская *строенная* работа, возникъ городъ Козловъ—далеко не послѣдній изъ современныхъ городовъ русскихъ. Много ли, мало ли—но краю стало легче. Было гдѣ укрыться отъ орды, было гдѣ по силѣ-мочи и судъ-управу найти... Городъ Козловъ постепенно росъ. Всѣмъ инороднымъ *охочимъ* людямъ въ торговые дни *бирючи* кликали про всякія земельныя *угодья*, и тѣ охочіе люди шли и шли въ новый край... Иные изъ нихъ устраивались на новомъ мѣстѣ *порядливо*, но были и такіе, что сразу начинали *баламутить*. Стало это извѣстно на *Москву* и Царь-Государь указалъ:

„А которые люди учнутъ какимъ воровствомъ воровать, или отъ кого учинится татьба и разбой, или которые люди учнутъ держать корчму, и б... и зернь и табакъ..., и тѣхъ людей отъ воровства накрѣпко унимать—бить батоги и кнутомъ, смотря по винѣ, и писати о тѣхъ къ Государю.“ *)

Козловскіе воеводы Биркинъ и Спѣшневъ, очевидно, были *истовые* Государевы люди. Своею службою они *прямил* Царю, а не лукавили... Это видно изъ слѣдующаго.

Козловскіе воеводы *строили, oprичь города, большіе остроги и малые острожки на двундесяти верстахъ*. Было гдѣ разгуляться *алчбъ и татьбъ*... Но вѣрныя царскіе слуги вели *дѣло* по совѣсти и *по смѣтѣ*. На остроги они извели 248,000 деревъ; а на надолобы и столбы—60,000. Сколько извели, столько и показали. Впослѣд-

*) Москов. арх. Мин. Юстиціи, по приказному столу № 1-й.

ствѣи воеводы убѣдились въ томъ, что *то острожное дѣло отъ пожару будетъ непрочно*, и они не скрыли этой невольной своей ошибки, а горячо настаивали на *земляномъ строеніи*... И Царь внялъ ихъ опытности, и въ Козловѣ съ окрестностями вмѣсто деревянныхъ скоро появились земляные городки, укрѣпленные валами и рвами. Инженеромъ при этомъ былъ *Галанецъ Янъ Кормиловъ*. Въ его распоряженіи *дѣловцовъ* было 1200 человекъ, кованныхъ и пѣшихъ; да 150 человекъ таковыхъ, кои *хворостомъ валъ прокладывали*... Всѣ эти *тяглецы* пришли къ намъ изъ *Рязанскихъ городовъ, съ Лебедяни и Ельца и Воронежа*. И было всѣмъ имъ *дано* Государева жалованья *по полтора рубли человеку въ мѣсяцъ*... А явились всѣ они въ г. Козловъ, по Указному велѣнію, съ полнымъ нарядомъ: *съ пищальми, рогатинами, топорами, лопатами, заступами и кирками*.. Начались работы *тотчасъ, наскоро съ великимъ постыженіемъ*... И были на той *нудной* работѣ всякіе люди: и боярскіе, и жилацкіе, и патриаршіе и монастырскіе... *Кои* работали заступами и кирками, а другіе *сторожу держали* и дѣлали развѣзды по степи, высматривая Татаръ и Ногайцевъ, которые и не заставили долго ждать себя... Тогда въ нашей степи начались непрерывныя, ожесточенныя схватки... Бились *вогненнымъ и всякимъ боемъ смертно*, другъ у друга *уши и языки вырѣзывали, въ полонъ имали*.. Послѣ того на короткій срокъ развѣзжались.. Не въ то ли время явилась поговорка: *гляди въ оба?*..

И дѣйствительно, мѣстныя воеводы, вѣрныя слуги Царскіе, глядѣли въ оба. Это видно изъ ихъ *памятей и отписокъ*.

Въ 1643 году Козловскій воевода князь Иванъ Ростовскій *отписывалъ* Государю: „... для береженья отъ

татарскаго приходу стояли мы на рѣкѣ на Польномъ Воронежѣ на *Насимовъ броду*.. и іюня въ 12 день... приходили татаровя, и полковые казаки на городскую сторону татаръ не перепустили, а татаровя Польной Воронежѣ *перелзли въ Стрѣлковъ бродъ и сторожей поимали* и лошадей отогнали... *И въ другіе и въ третіе* приходили къ намъ татаровя, въ августѣ и ноябрѣ; и былъ бой... А какъ ушли татары, и начали мы на перелазяхъ *сваи бити и колоды дубовыя класти, чтобъ тѣ перелазы отнять*“...

Въ это время всѣмъ жителямъ Козловскимъ заказано было *накрѣпко* сидѣть въ городѣ и острожкахъ, по рѣкѣ Польной Воронежѣ *не ѣздити, бродовъ не отыскивати и стежекъ по степи не накладывати*. А которые люди *самодуромъ* учали *дѣйствовать* и воеводѣ ослушивались, и тѣ были *въ жестокомъ наказаніи*... Тогда же усилены были степныя *сторожи* и вся мѣстная ратная сила призвана была къ оружію. Результатъ получился самый благоприятный. Воевода князь Ростовскій такъ доносилъ объ этомъ Царю: „служилыхъ людей въ избытокъ не было въ тѣ татарскіе приходы и стало всѣмъ безстрашно и надежно“.

Скоро въ Козловѣ и Царская милость пришла: всѣмъ служилымъ людямъ дано по золотому и на *дворовую селитбу да на заводъ по шти рублевъ*.

И начали *обзаводиться* наши *служильцы и жилецкіе люди*. Сходцевъ въ нашу сторону все прибывало и прибывало Ихъ манила необъятность тучныхъ тамбовскихъ дикихъ полей и замѣчательное обиліе всякихъ *угодій*. Новыя *селитбы* выросали одна за другой, окруженныя *тынами и надолобами*. Внутри ихъ воздвигались немедленно же храмы Божіи. Всѣ они были, какъ извѣ-

стно, деревянные, строились самими обывателями, художественной красоты въ нихъ не было и быть не могло, но вокругъ этихъ скромно созданныхъ православныхъ святынь созидалось и крѣпла наша излюбленная свято-русская земля....

Затѣмъ я перехожу къ изображенію тамбовскаго быта XVIII вѣка, съ начала котораго въ нашемъ отечествѣ произошли рѣзкія и существенныя бытовыя перемѣны.

II.

Тамбовскій бытъ XVIII вѣка.

Съ начала XVIII вѣка на нашу отчизну повѣяло *западнымъ вѣтромъ*. И были въ томъ буйномъ вѣтрѣ всякія вѣянія: и несомнѣнно добрыя, и недобрыя... Наскоро переодѣвшись въ западныя кафтаны, многіе изъ нашихъ предковъ совершенно позабыли, что и старая—до-Петровская Русь имѣла свои высокія государственно-національныя качества, давнымъ давно сложившіяся. До-петровцы *высоко, грозно и честно* держали свое русское знамя. Они глубоко, какъ слѣдуетъ, любили свое отечество и гордились имъ.. А тутъ пошла исключительная мода на все иноземное, худо ли, хорошо ли было оно. Русская самобытная, выразительная и прекрасная рѣчь испорчена была ненужными иностранными словами; церковная жизнь ослабѣла во всѣхъ отношеніяхъ... народъ надолго сталъ бѣднѣе... Приукрасились мы *снаружи*, схвативши верхушки западнаго просвѣщенія, а внутри, по существу народной жизни, не стали лучше, и такъ было долго-долго. Въ началѣ XVIII вѣка насъ особенно поражаетъ, при нѣкоторомъ внѣшнемъ лоскѣ, грубость мѣст-

ныхъ общественныхъ правовъ... Это видно изъ слѣдующаго челобитья нѣкоего Болтина на полковника Сухарева. Челобитье относится къ 1713 году. Содержаніе его таково...

Сухаревъ шелъ въ Тамбовъ съ полкомъ и, прибывъ въ село Рождественское, самъ остановился у своего зятя Сатина, а на дворикъ Болтина поставилъ адъютанта съ солдаты многочисломъ.

«И тотъ адъютантъ; плакался Болтинъ,—пришедъ на дворикъ мой, людишекъ моихъ и крестьянишекъ смертнымъ боемъ билъ, въ хоромишкахъ двери и окна выбилъ и жену мою билъ же и всякими нечестными словами ругалъ; и онъ же взялъ у меня съ конюшни лошадь-мерина чала и другихъ лошадей многое число»...

Буянствомъ въ то печальное время отличались и простые конвойные солдаты, мнившіе себя начальствомъ. Такъ, солдатъ Иванъ Смагинъ, конвоируя крестьянина Козьмина, среди поля, въ зимнюю пору снялъ съ него шубу баранью и *пустилъ его нага, отчего тотъ Козьминъ, шедъ къ дому своему, ознобилъ руки по локоть, ноги по колѣни, и всталъ естественомъ распухъ и все въ волдыряхъ... *)*

Въ то же время въ городѣ Елатъмѣ отличался своими *подвизами* отставной драгунъ Алѣевъ. Елатомскій соборный протопопъ о. Петровъ въ такихъ выраженіяхъ изображалъ Алѣева: „онъ драгунъ Гаврила Алѣевъ бранилъ меня и безчестилъ и билъ смертнымъ боемъ на дворѣ посадскаго челоуѣка Бобикова; и ухвативъ за волосы и за бороду дралъ меня нещадно и бороду выдралъ

*) Матеріал. Тамбов. ученой архивной комиссіи за 1730 годъ.

и хотѣлъ заколоть до смерти... и едва посторонніе люди отъ того колотья отняли“... *)

Очень характерно и трогательно письмо крестьянина Епифана Андреева къ его помѣщику Сатину. Письмо относится къ 1721 году. Содержаніе его таково: „присланъ ко мнѣ, государь, Григорій Степановичъ, изъ Воронежской губернской канцеляріи указъ, чтобъ къ греку Муцу выслать на работу указное число людей и съ лошадьми въ скорости, такожъ чтобъ и на овчарный дворъ подводы посылать сполна жъ, противъ указу; и оныхъ людей и подводъ гдѣ взять — не знаю, понеже г. судья Карѣвъ наряду работнымъ людямъ не отдаетъ..., а съ письмомъ къ нему никто не идетъ, боятся — бить станеть... И въ томъ я не знаю, что дѣлать; въ чемъ почти лишился своего ума, понеже я сталъ не знаю — къ которому краю, и не знаю, кого поставлять себѣ командира, *пбо со всѣхъ сторонъ боязнь штрафу, увѣчья и напасты, отчего я нынѣ и на квартиру мало живу, ибо отъ прежняго вездѣ кости болятъ... И во истину отъ этого состоянія у меня память нарушилась, въ чемъ уже желаю отъ Вышняго смерти. . И пропаду я, дѣтлиншики безпомочный и небогатый, хуже собаки или какого басурмана... и животу своему не радъ и въ конецъ сокрушаюсь и не знаю что дѣлать“...*

Драчливость въ тѣ поры была непомѣрная. Всѣ мѣстныя присутственныя мѣста переполнялись отъ глубины подваловъ и до чердачной высоты *явочными челобитными о проломленіи головъ*... Такъ бились не одни темные люди, но и привилегированные... Про одного воеводу, маіора Свѣчина, въ нашихъ документахъ написано такъ:

*) Ibid.

„онъ Свѣчинъ убилъ черкашенку вдову Прасковью *безъ умыслу, но отъ одного токмо жестокосердія и неистовой дурусти*“...

Въ царствованіе Петра Великаго тамбовскій край постепенно началъ утрачивать свой оборонно-украинный характеръ. Татары и иные кочевники все рѣже и рѣже стали беспокоить тамбовскія *селитбы*. Во всемъ укладѣ тамбовской жизни чувствовалась сильная рука Петра Великаго. Преемники Петра, особенно Екатерина II, продолжали его политику относительно нашихъ сосѣдей-кочевниковъ, сурово и безповоротно отбирали на себя ихъ степи и улусы, и, такимъ образомъ, во второй половинѣ прошлаго вѣка превратили нашъ край изъ украиннаго въ серединно-русскій.

Вмѣстѣ со всею Русью Тамбовская земля своевременно перенесла всѣ реформенныя *тяготы*, черезъ силу отбывала многочисленныя натуральныя, денежныя и иныя повинности, отсылала своихъ обывателей на корабельныя, крѣпостныя и городовыя постройки, переселяла ихъ, по указамъ, на новыя мѣста -- въ Ингрію и къ Азовскому морю и, вообще, представила изъ себя, изъ своихъ земскихъ элементовъ, видную служилую государственную силу... Еще при Петрѣ къ намъ присланы были *нѣмецкія косы съ граблями* и положено было начало производству стеклянному, парусному, канатному и суконному... По поводу *реформенной тяготы* начала XVIII вѣка я хочу сказать здѣсь нѣсколько словъ о тамбовскихъ земляхъ описываемой эпохи...

Не легко и современному русскому земству. Тяжелы его *пошлины*, трудны его цѣли и задачи. Работы передъ нимъ видимо - невидимо. Многія сотни нашихъ деревень погибаютъ въ косности, нищетѣ, нерашивости и въ са-

мыхъ антигигіеническихъ условіяхъ... Надо помогать всѣмъ этимъ голодающимъ, болѣющимъ умирающимъ братьямъ; и земства помогаютъ по возможности. Они учреждаютъ и содержатъ земскія больницы, вызываютъ врачей, фельдшеровъ, фельдшерицъ и акушеровъ... Правда, всего этого нужно было бы гораздо больше, но слава Богу и за то, что есть...

И иная бѣда неминуемая еще далеко не оставила земли нашей. Почти при полномъ невѣжествѣ и въ ужасныхъ суевѣріяхъ, граничащихъ съ язычествомъ, проводятъ вѣкъ свой милліоны нашихъ соотечественниковъ. И объ этомъ, вмѣстѣ съ другими общественно-государственными учреждениями, не малая забота нашему земству. И строить наши земцы школы, учителей нанимаютъ и кладутъ прочное начало великому просвѣтительному дѣлу. Правда, и школъ еще относительно слишкомъ мало, и учителей хорошихъ еще меньше, а все же и это пока хорошо...

На всѣ текущія земскія нужды идутъ суммы не малыя. Не особенно богатая наша земскія *селища*, конечно, тяготеетъ имъ.

Тамбовская губернія имѣетъ жителей около 2900000. Помимо всякихъ казенныхъ и городскихъ сборовъ, тамбовцы и въ свою земскую кассу платятъ ежегодно около 2500000 рублей. Эти платежи распределяются по тремъ рубрикамъ: на *народное здравіе, народное образованіе и прочіе обязательныя и необязательныя земскіе расходы*. Самый высокій земскій налогъ съ владѣльческой десятины 40 копеекъ.

Какъ земскіе суммы распределяются по рубрикамъ, это видно изъ ежегодныхъ уѣздныхъ земскихъ смѣтъ. Для примѣра я беру смѣту Тамбовскаго уѣзда за 1892 годъ. По тамбовской уѣздой смѣтѣ на народное здравіе приходится: 70416 р. 10 к.; на народное образованіе—34889 р.

44 к. и на прочіе расходы— 119078 р. 70 к. Другіе уѣзды, сообразно съ количествомъ и качествомъ ихъ земли, платятъ въ земскую кассу менѣе и по ихъ платежнымъ силамъ слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Козловскій уѣздъ. Борисоглѣбскій, Моршанскій, Кирсановскій, Темниковскій, Липецкій...

Если къ этимъ земскимъ налогамъ присоединить казенные окладные и неокладные сборы: первыхъ ежегодно, примѣрно, на сумму около 5400000 р. и вторыхъ на 8 милліоновъ, то въ общемъ итогѣ получится весьма значительная цифра, съ которой не легко справиться мѣстному небогатому населенію...

Такъ поставлено у насъ *платежное* дѣло теперь. Не таково оно было у насъ въ старину—въ XVIII вѣкѣ. Денегъ наши отдаленные предки платили на всякія подати гораздо меньше, чѣмъ теперь: *деньгами*, копейками, гривнами и очень рѣдко рублями. За то разныя натуральныя повинности были такъ разнообразны и велики, что вообще онѣ значительно превышаютъ современную земскую платежную тяготу. . Надо взять во вниманіе и то, что предки наши слишкомъ мало и слабо были обеспечены въ своемъ существованіи, между тѣмъ какъ теперь у насъ практикуется относительно бѣднѣйшаго населенія и даровое обученіе, и даровое лѣченіе; и пути сообщенія у насъ теперь не прежніе, и въ чрезвычайныхъ бѣдственныхъ случаяхъ, постигающихъ обывателей, въ широкихъ размѣрахъ проявляется государственная и земская *помощь* . .

Да, не легка была стародавняя жизнь наша. Тяжелую ношу несли на плечахъ своихъ наши предки и съ великими трудами и жертвами сопрягали свою земско-государственную службу родинѣ... Въ старо-русскихъ областяхъ было тяжело земцамъ, служилымъ людямъ, а на нашихъ сторожевыхъ окраи-

нахъ, представлявшихъ боевой народный авангардъ, было тяготы еще больше. Нужно было и обще-русскую землю *боронить*, и ассимилировать мѣстный инородческій край.. И все это наши тамбовскіе *сходцы, бродники, утеклецы и переведенцы* своевременно и безшумно сдѣлали и сослужили великому Русскому царству великую государственно-народную службу...

Нудно было тамбовскому населенію и въ XVII вѣкѣ. Но настоящая мѣстная народная *туга* пришла къ намъ при Императорѣ Петрѣ Великомъ. Такого напряженія всѣхъ народныхъ силъ во имя великой государственной идеи, какое было въ указанное время, русская исторія не знаетъ. И самъ царь работалъ *не покладаячи рукъ* и всѣмъ его вѣрноподданнымъ не было дано *ни отдыху ни сроку*. Всѣ повинности XVIII вѣка отбывались, какъ и прежде. Но явились и новыя, болѣе сложныя. Платежи натурою усилились до того, что съ мѣстныхъ обывателей собирали, кромѣ бывшихъ *посопныхъ* даней, *нитки, мочалу, сѣно* и всякую домашнюю живность... Личная государственная служба сдѣлалась обязательною для каждаго обывателя.. Мѣстные архивные документы изображаютъ тамбовскую жизнь Петровскаго періода въ самомъ неприглядномъ видѣ. Со всего нашего края, кромѣ многочисленныхъ и разнообразныхъ даней, собирали недоимки, накопившіяся за *совершенною* обывательскою *скудостію*. Невольныхъ неплательщиковъ содержали подъ карауломъ безъ *выпуску* и нещадно били. Все ихъ имущество продавали, и всетаки, край нашъ, богатый по природѣ, но поразительно бѣдный по инымъ условіямъ экономическаго быта, былъ въ неплатныхъ казенныхъ долгахъ. Не легки были для тамбовскаго населенія и прежніе подвиги правительственныхъ фискаловъ. Не очень силенъ былъ петербургскій канцеляр-

скій режимъ для поднятія культурнаго уровня нашихъ провинцій, зато силенъ онъ былъ въ дѣлѣ *всякихъ изнуреній*. Все наши натуральныя повинности совершалось *подъ страхомъ жесточайшаго истязанія и съ самокрайней скорости*. Въ работу брали даже стариковъ, больныхъ и увѣчныхъ, провожали ихъ до мѣста военной команды и часто *изнуряли голодомъ и побоями*. Работниковъ высылали къ Балтійскому и Азовскому морямъ *денно и ночью съ великимъ постыженіемъ*, партіями человекъ въ 1000 и болѣе, и шли съ ними суровые начальники: комиссары, счетчики и подьячіе...

То было время безпощадное. По разнообразнымъ платежамъ, денежнымъ и натуральнымъ, была *круговая порука*, а по уголовнымъ *вся семья отвѣчала*. Все приносилось въ жертву государству; всякая личность исчезла. Можетъ быть, и въ римскія времена не было такой всеобщей и подушной службы государственной идеѣ..

Со всѣхъ нашихъ сословій, подъ опасеніемъ *наимзесточайшихъ истязаній, смертной казни и штрафовъ*, собирали всѣхъ работниковъ, учениковъ и служилцевъ: бочаровъ, плотниковъ, каменщиковъ, кузнецовъ, слесарей, судорабочихъ, ямщиковъ, швцовъ. И всѣхъ ихъ *на собственномъ ихъ коштѣ* или отправляли въ чужезадальнія стороны безрочно, или же переселяли въ Петербургъ, Кронштадтъ и Азовъ *на свичья еремца*. А всякихъ недорослей дворянскаго и духовнаго чина силою *имали въ школы, солдаты и матросы*...

Въ 1715 году майоръ А. И. Ушаковъ командированъ былъ въ Шацкъ, при чемъ ему велѣно было *всѣхъ шацкихъ школьничковъ выслать въ С.-Петербургъ*. И тѣхъ школьничковъ *сыскивать всякими мѣры и какъ возможно панскорѣе, а сыскавъ прислать къ тому майору на ихъ подводахъ подѣ арестомъ*.

Таковыхъ школьниковъ малыхъ и великовозрастныхъ выслапо было изъ Шацка 118 человѣкъ. Везъ ихъ до Петербурга *нарочный курьеръ господинъ Шемакинъ*. Остальные школьники, рискуя имуществомъ и самою жизнью, кое-гдѣ *ухоронились*... А ухорониться было гдѣ: или въ землянкахъ лѣсовъ дремучихъ, или, въ болотахъ нашихъ неисходныхъ, или въ балкахъ нашихъ стеной безпредѣльныхъ.

А простой народъ нашъ обычно плакался въ то же время на житейскую бѣду свою слѣдующими словами: „всѣ мы помираемъ нынѣ голодною и студеною смертію“.

При такихъ условіяхъ укрывательство отъ личной службы и всякихъ повинностей приняло самыя широкіе размѣры. Весь край нашъ наполнился бѣглецами; многие изъ нихъ погибали сразу *голодною и зяблою смертію*; а иные умѣли какъ-то ухорониться отъ напрасной смерти и, одичавши, жили лѣтъ по 30 и болѣе въ разныхъ лѣсныхъ и степныхъ зимовьяхъ.

Уклоненіе отъ разныхъ государственно-общественныхъ повинностей доходило у насъ до того, что *пропадали* цѣлыя и обширныя села. Такъ, въ одномъ шацкомъ имѣніи князя Волконскаго было 100 дворовъ, и вдругъ не оказалось ни одного: т. е. дворы-то, *похилившіеся*, и были, но люди всѣ разбѣжались; а у помѣщика Кошаева въ *пятихъ* оказалось 160 дворовъ.

Но тамбовцы знали и твердо помнили, что вся эта туга-служба государству, и несли свою тяжелую ношу *вообще* безропотно. Гораздо обиднѣе были для нихъ всякія незаконныя канцелярскія *прищипки*...

Пытались завести у насъ въ началѣ прошлаго вѣка и *книжное дѣло*. Съ этою цѣлью Тамбовскій епископъ Леонтій поселилъ у насъ въ составѣ соборнаго причта діакона—

извѣстнаго Палладія Роговскаго. Но надобно сказать, что все училищно-просвѣтительныя предпріятія XVIII вѣка прививались къ мѣстнымъ жителямъ чрезвычайно медленно и слабо... Это вѣрно относительно всей Россіи. тѣмъ болѣе относительно Тамбовскаго края, долго и упорно хранившаго старо-русскіе обычаи и вкусы московско-украиннаго уклада... Это вѣрно, не смотря на то, что самъ Петръ подолгу проживалъ въ нашей Тамбовской землѣ и именно въ городѣ Липецкѣ, гдѣ у него былъ свой дворецъ и гдѣ имъ основанъ, кромѣ *Липскихъ* чугунолитейныхъ заводовъ, извѣстный курортъ, для котораго *правила* были написаны имъ самимъ. Бывалъ царь Петръ и въ иныхъ нашихъ городахъ, на примѣръ, въ Елатмѣ. Елатму Петръ посѣтилъ въ маѣ 1722 года. Онъ пробылъ тамъ недолго, около сутокъ, но и въ это короткое время сумѣлъ обнаружить обычную свою правительственную энергію. Памятникомъ этого царственнаго пребыванія въ нашемъ краѣ служитъ слѣдующій указъ Петра, данный въ Елатмѣ на имя Шацкаго воеводы Адріана Раевского отъ 24 мая 1722 года.

Указъ Шацкому воеводѣ Андрею Раевскому.

„Въ прибытіи наше въ Елатму, билъ челомъ намъ Шацкаго уѣзда села Богданова Новоспасскаго монастыря крестьянинъ Антонъ Ивановъ на старость и на выборныхъ того села; а именно, на мірскаго старосту Родіона Никитина съ товарищи; что они въ сборѣ лишнихъ податей (которые отъ него брали и берутъ) всякіе обиды и налоги ему учинили; такъ же, какъ онъ сказываетъ, что въ одинъ поборъ съ одного его двора взяли у него въ рекруты сына, да племянника, отчего де онъ пришелъ во всеконечное разореніе; того для о томъ розыщи накрѣпко и кто изъ нихъ въ томъ явятца виноваты, тѣмъ учини

жестокое наказаніе, чего они по указу будутъ достойны и кто изъ нихъ будетъ болѣе виновать, того пошли въ каторжную работу въ Петербурхъ вѣчно. Петръ“.

Мнѣ показался весьма интереснымъ и еще одинъ мѣстный документъ Петровской эпохи. Это — отпускная грамота извѣстнаго Меньшикова, данная Темниковскому помѣщику, драгуну князю Девлеткильдѣву. Грамота замѣчательна не содержаніемъ, а тою манерой, съ какою царскій любимецъ писалъ свои *указы*.

Она начинается такъ: „Мы Александръ Меньшиковъ, Римскаго и Россійскаго государствъ князь и герцогъ Ижерскій, наслѣдный господинъ Аранибурха и иныхъ, его Царскаго Величества всероссійскаго первый дѣйствительный тайный совѣтникъ, командующей фельдмаршалъ войскъ и генераль-губернаторъ губерніи Санкт-Петербургской и многихъ провинцій его Царскаго Величества, кавалеръ святаго Андрея и Слона и Бѣлаго и Чернаго орловъ, и прочая, и прочая, и прочая...“

„Объявляемъ симъ“ и т. д.

Какъ бы то ни было, не смотря на всю косность мѣстнаго населенія, *книжное дѣло* при Петрѣ Великомъ началось и у насъ. Въ Тамбовѣ открыта была гарнизонная школа, въ которой обучали букварю и заповѣдямъ, письму и пѣнію, слесарному мастерству, ариметикѣ, геометріи и фортификаціи. А дѣтей нашихъ духовныхъ лицъ начали отправлять въ Переяславскую семинарію и на ихъ содержаніе установленъ былъ въ Тамбовской провинціи особый *хлѣбный сборъ*.

Явились и мѣстные *авторы*, и я обращаю вниманіе читателей на слѣдующее курьезное прошеніе нѣкоего Звонаревскаго, поданное въ Тамбовскій нижній судъ въ 1727 году: „Внегда убо заходящу солнцу, наша о Христѣ“

братія придоша въ вить—вильницу, сирѣчь—въ кабаць, и купиша олава—страмира, сирѣчь—вина, сѣдохъ, піяхъ, ядохъ и гумильными словами бесѣдовахъ. Приде же злокозненный и богоненавистный отставной офицеръ, Сомовъ, рыкая, яко левъ, искій кого поглотити. Наша о Христѣ братія разсыпая, аки овцы отъ волка, одинъ изъ насъ, по имени Созонтій Великій—богословець, пролѣзь сквозь стѣну, сирѣчь—въ окно, и бѣгствомъ спашося... Азь же нижепоименованный и ниженачертанный, имѣя въ виду толикое разореніе и нашей о Христѣ братіи поруганіе, воспріялъ печной мечъ сирѣчь—кочергу, и вооружился, яко Давидъ на Голиафа. Онъ же злокозненный, исторже мечъ изъ рукъ моихъ, возложиша ми на лядвія мои и, взяша мя за возглавіе, таскахъ, яко Діоскоръ чистую Варвару, и сбиша мя подъ сѣдальницу, сирѣчь—подъ лавку, и азь сѣмо заснухъ. Утру же свѣтающу и солнцу восходящу наша о Христѣ братія наки собрашася вкупѣ и наки купиша олава страмира, сирѣчь—вина, сѣдохъ піяхъ, ядохъ и азь укрѣпихся: то прошу и молю судъ воздати злокозненному и богоненавистному по дѣломъ его“...

Тамбовская колонизація между тѣмъ усиленно развивалась и въ XVIII вѣкѣ, но уже не тѣмъ способомъ, какъ въ предыдущіе вѣка. Въмѣсто *вольныхъ перелетовъ*, къ намъ неволей шли крѣпостные подневольники—насельники многочисленныхъ повопожалованныхъ вотчинъ. При извѣстныхъ своихъ бытовыхъ условіяхъ, эти подневольные наши обыватели весьма часто порывали связи съ помѣщиками и собственными семействами, составляли внушительныя разбойничьи шайки, и наводили ужасъ на весь край...

Но этотъ мѣстный разбой имѣлъ уже не тотъ характеръ, какъ въ XVII вѣкѣ; онъ былъ вызываемъ исключительно мѣстными условіями жизни и практиковался

мѣстными же жителями.. Гулящей вольной голытьбы, издали приходившей въ нашъ край, какъ въ окраинно-казацкую землю, въ XVIII вѣкѣ у насъ уже не было...

Тѣмъ не менѣе и въ названномъ вѣкѣ, не смотря на сравнительно усиленный правительственный надзоръ за краемъ, тамбовскіе разбои принимали не рѣдко такіе размѣры, которымъ современная умиротворенная Русь съ трудомъ можетъ повѣрить. Разбойники собирались сотнями, выбирали себѣ атамановъ и эсауловъ и *военнымъ обычаемъ*, когда на стругахъ и лодкахъ, когда конные и пѣшіе, самоувѣренно громили пристани, села и боярскія усадьбы. А потомъ удалялись въ свои лѣсныя захоластья, въ землянки и городки для широкаго и безшабашнаго разгула.* Подобныхъ случаевъ было у насъ много. Здѣсь я привожу одинъ изъ нихъ.

Это было въ 1732 году. Разбойничья партія, числомъ болѣе ста человекъ, подъ видомъ рабочихъ, нанялась работать у купцовъ Вышенской пристани. Обычныя работы шли до шестаго апрѣля, но въ это число, приходившееся на первый день Пасхи, мнимые рабочіе *тою Вышенскую пристань разбили снежнымъ разбоемъ и взяли у купеческихъ людей и на кабаки и въ таможи денегъ тысячъ съ пять...* Подѣливши *дуванъ*, разбойники сѣли въ лодки и поѣхали внизъ по Вышѣ рѣкѣ Громко выкрикивали они свои удалыя пѣсни и смѣло, точно воюющая сторона, двигались все дальше и дальше.. Ночью шайка ворвалась въ имѣніе княгини Н. О. Ромадановской, село Салтыково, и не долго думая, разбила и разграбила всю вотчину,

*) Изъ тамбовскихъ *разбойныхъ* атамановъ начала восемнадцатаго вѣка особенно славился въ свое время некто Псафъ-діарь-бекъ Булатовъ — мѣстный татаринъ и бывшій арестантъ.

— 10 —

причемъ вотчиннаго управляющаго разбойники *мучили и жгли огнемъ*, а вотчинныхъ конюховъ умертвили. Въ Салтыковѣ, въ боярскихъ палатахъ, *удалые молодцы* прорвали до утра, затѣмъ пошли дальше и вошли въ рѣку Цву. Около полудня они были уже въ Конобѣвской вотчинѣ 'А. Л. Нарышкина. Въ это время они были сильно пьяны и потому совершенно беспощадны. Всѣ вотчинные начальники были ими перебиты, вся боярская рухлядь была уничтожена, или разграблена.. Изъ Конобѣва шайка двинулась на богатое село Сасово, которое въ свою очередь подверглось общей участи. Въ Сасовской таможнѣ похищено было казенныхъ денегъ *тысячъ съ пять и больше*. Близъ Сасова съ разбойниками вступили въ перестрѣлку шацкіе провинціальныя солдаты, но ихъ было мало, нѣкоторыхъ изъ нихъ сразу *подстрѣлили*, и правительственная команда, не дожидаясь окончательнаго пораженія, вынуждена была поспѣшно отступить. Уцѣлѣвшіе и *прибѣжавшіе* въ Шацкѣ солдаты объявили о своей неудачѣ мѣстному воеводѣ и тотъ, не имѣя войска для рѣшительныхъ дѣйствій, вступилъ по этому поводу въ усиленную и совершенно бесполезную канцелярскую переписку съ сосѣднимъ воеводами и военными командирами. А между тѣмъ Вышенскіе разбойники, чувствуя свою силу и безнаказанность, поѣхали изъ Сасова внизъ по Цвѣ и *обычно* дѣлали свое дѣло...

Все это, помимо Шацкаго и другихъ мѣстныхъ воеводъ, дошло до свѣдѣнія Сената и оттуда послѣдовалъ запросъ на имя командира расположеннаго въ Шацкой провинціи драгунскаго полка: „*что о искорененіи тѣхъ разбойниковъ въ Шацкой провинціи учинено и для чего о томъ въ Сенатъ не рапортовано?*“

Драгунскій командиръ отвѣчалъ:

„Посылалъ я въ Сасово (на разбойниковъ) драгунъ и солдатъ пять человѣкъ, понеже при мнѣ драгунъ и солдатъ малое число и тѣ всѣ почти въ разсылкѣ, а хотя подъ вѣдѣніемъ моимъ имѣется полкъ, тоцію разстояніемъ отъ Шацка до ста верстъ и до двѣстѣ и больши... И собиралъ я, въ помощь солдатамъ, ближнихъ деревень обывателей сколько человѣкъ принадлежить, съ ружьи и съ коньи, у кого какое оружіе имѣется, дабы тѣ разбойники не учинили утечки... И драгуны, въ селѣ Сасовѣ разбойниковъ *напхали*... и тѣ разбойники подъ драгуномъ прострѣлили у лошади заднюю ногу. и отъ того разбойническаго страху драгуны, испужався, едва ушли съ поля *)

Однако, тѣ же самые драгуны, такіе пугливые относительно разбойниковъ, не рѣдко совсѣмъ по иному поступали въ мирныхъ селахъ. Тамъ они дѣйствовали на всей своей волѣ и безъ удержа, и обывателямъ довольно трудно было рѣшить, отъ кого именно было имъ больше изъязну... Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго донесенія конобѣвскаго земскаго *дьячка* Теодора Хозяинова:

„Въ село Ялтуново прибыли капралъ Гавриловъ и драгуны и чинили они не малое разореніе обывателямъ: отбирали деньги, отбирали коробки, брали изъ нихъ холсты, платки, медъ, масло коровье; отбирали медвѣжки рогатины, рыболовныя сѣти и всякіе крестьянскіе пожитки и уводили лошадей... А какъ обирали, стрѣляли изъ ружей и убоясь того, всѣ ялтуновскіе крестьяне разбѣжались изъ домоу своихъ, а женъ и дѣтей ихъ оные капралъ и драгуны били плетьями. Да они жъ, драгуны, пріѣхали въ село Конобѣво безъ наказу, пьяные вошли въ приказную избу и земскаго дьячка били по щекамъ и плетьями и

*) Матеріалы Тамбов. архива, комиссіи, П. И. Пискарева.

послѣ этого ѣхали по селу съ обнаженными палашами и всѣхъ крестьянъ разогнали, а одного крестьянина, бивши плетьюми смертно, увезли съ собой невѣдомо куда“... *)

Разныя притѣсненія воинскихъ командъ и корыстные *примѣтки* къ обывателямъ мелкихъ провинціальныхъ начальниковъ нерѣдко вызывали мѣстное населеніе на серьезныя размышленія о способахъ *избавленія* отъ начальственной *опеки*. Въ 1757 году жители четырнадцати селъ Валѣскаго стана, Шацкаго уѣзда, сдѣлали общую сходку и приговорили выбрать ходоковъ и уполномочить ихъ ходатайствовать гдѣ слѣдуетъ *объ изысканіи способовъ къ устраненію пріѣздовъ къ нимъ командъ для искорененія воровъ и разбойниковъ, а также военныхъ чиновъ и служителей, лѣсныхъ смотрителей, провинціальныхъ солдатъ — разсмыльщиковъ и подъячихъ*... Мотивъ такого ходатайства ясно выраженъ въ слѣдующихъ словахъ мірскаго пригощора:

„Оныя начальники и команды дѣлають обывателямъ неумѣренныя и неповинныя побои, разныя *примѣтки*, притѣсненія и обиды... взятками припасовъ и денегъ“... **)

Дѣйствительно, положеніе нашихъ обывателей XVIII вѣка иногда бывало не изъ завидныхъ. Положимъ, въ окрестностяхъ извѣстной волости объявились воры и разбойники, грабившіе и убивавшіе проезжихъ. И вотъ, являюся въ волость мелкіе провинціальныя начальники и команды. Въѣзжаютъ они въ села, напуганныя разбойниками, и вмѣсто защиты сразу производятъ повальное опустошеніе. Съ угрозами и побоями они даромъ и очень сът-

*) Дѣло Тамбов. архив. Комиссія „объ оворствѣ капрала Гаврилова и драгунъ“.

**) Дѣло Тамбовской ученой архивной комиссія. 1757.

но питаются сельскимъ провіантомъ: мясомъ, рыбой, яйцами, грибами. Вдоволь пьютъ мірскую водку и брагу. Пресыщенные и пьяные ухаживаютъ за женами и дочерьми обывателей... Отбираютъ обывательскихъ лошадей, *якобы для погони за разбойниками*, и налагаютъ на всѣ избы опредѣленную денежную дань... Все это обыватели, *убоясь дальнѣйшихъ влокутъ и убытковъ*, большею частію переносили покорно и всячески ублажали провинціальныхъ, полевыхъ и лѣсовыхъ начальниковъ, выдавал имъ *въ поминокъ* съ каждой избы *рубля по 2 и больши...* А кому нечѣмъ было заплатить, тѣхъ начальники забирали съ собою и подъ карауломъ возили по уѣзду, *впредь до выкупа...* *)

Въ описываемое время въ сѣверныхъ уѣздахъ нынѣшней Тамбовской губерніи было много такъ называемыхъ ясачныхъ крестьянъ. Для *береженья* ихъ правительствомъ назначенъ былъ особый *управитель*. Такимъ образомъ участь нашихъ ясашниковъ, повидимому была хорошо обезпечена. Земли и всякихъ угодій у нихъ было вволю. Прямой защитникъ ихъ правъ и интересовъ былъ на лицо. Однако, кадомскіе ясашные крестьяне въ 1762 году цѣлымъ *міромъ* заявили высшему начальству о томъ, что *въ охраненіи и защищеніи ихъ управителемъ отъ обидъ быть они не желаютъ*.

Управитель, прапорщикъ Ждановъ, плакались наши ясашные мужички, — *самъ насъ обижаетъ. Онъ обложилъ насъ податью на себя по 65 копъекъ съ души и завладѣлъ нашими стѣнными покосами и рыбными ловлями по Виду и платимъ мы за нихъ оброчныя деньги спуская.*

*) Дѣло Тамбов. ученой архив. Комиссіи 1762 г.

*Да онъ же даромъ беретъ у насъ на себя и на своихъ дворовыхъ людей рыбу и медъ и всякіе припасы. *)*

Призванные, по смыслу законовъ верховной власти, къ упорядоченію мѣстной жизни и, между прочимъ, къ искорененію невѣжества и суевѣрій, нѣкоторые наши уѣздные начальники съ особеннымъ удовольствіемъ приступали къ слѣдствіямъ въ этомъ направленіи и умѣли и въ этихъ случаяхъ найти наживу.

Въ старыя времена, при замѣчательной безграмотности и темнотѣ населенія, была у насъ повальная увѣренность въ существованіи знахарей и колдуновъ. Въ каждомъ селѣ *кричали кликуши*. Порча ихъ не подвергалась никакому сомнѣнію. Многія наши женщины описываемаго времени страдали *тоской, тошнотой, щемленіемъ сердца, и криками по псовски и по птичью*. Въ безпамятствѣ онѣ умаливали своихъ враговъ объ *отпущеніи болѣзни* и наводили на всѣхъ жителей страхъ. А иные наши уѣздные начальники и въ этихъ ужасающихъ обстоятельствахъ умѣли находить свой интересъ. Допросами, волокитами и прищѣпками они донимали какъ *испорченныхъ*, такъ и *портившихъ*, и со всѣхъ брали известную дань и, должно быть, не малую, потому что, какъ намъ известно доподлинно, многіе изъ нихъ, при ничтожномъ жалованьи, сумѣли упрочить за собой значительныя состоянія.

Тяжелый бюрократизмъ прошлаго вѣка иногда обременялъ и самихъ чиновниковъ. Старшій чинъ побивалъ младшаго. Провинціальныя воеводы грубо донимали уѣздныхъ воеводъ. Въ 1732 году былъ у насъ такой случай. Кадомскій воевода Зѣловъ замедлилъ высылкою въ Шацкъ вѣдомости о числѣ душъ мужескаго пола въ Кадомскомъ

*) Ibid.

уѣздѣ. Тогда шацкій воевода послалъ въ Кадомъ разсылнаго солдата и велѣлъ ему, до отдачи вѣдомости, *держать Зьлова съ канцелярїи за карауломъ, а канцелярскихъ подъячїихъ — съ чеплахъ и желѣзахъ.* *)

Что за люди были наши тамбовскіе бюрократы XVIII вѣка, это, разумѣется, ясно само собой и безспорно опредѣляется даже и тѣми краткими и отрывочными фактами, которые я привелъ выше.

До извѣстной степени они, пожалуй, были люди не глупые, но весь имъ доступный разумъ изоцрѣлся только въ сферѣ наживы и канцелярскихъ изворотовъ. Дальше они не шли и не хотѣли идти. Объ идеалахъ общественной пользы и нравственности понятїя они не имѣли и не стремились къ этому понятїю, считая таковое стремленіе дѣломъ непрактичнымъ и даже глупымъ, и мѣряя мудрость человѣческую возделѣніями корысти, количествомъ наживы и *умньемъ хоронитъ концы...* Тѣмъ не менѣе, эти отжившіе тамбовскіе дѣльцы считали себя *солєю* тамбовской земли, мѣстными безпорными интеллигентами и въ своихъ безконечныхъ канцелярскихъ писанїяхъ пытались иногда витїйствовать, конечно, по-своему. Такъ одинъ засѣдатель, командированный на *мертвое утопшее тѣло*, озаглавилъ свое слѣдственное *дѣло* объ утопленникѣ такъ: „дѣло о нырнутїи въ воду и о самовольномъ невыхожденїи изъ оныя“... Иные ваши слѣдователи-писакї въ своемъ самодѣльно-литературномъ рвенїи, по поводу разныхъ порнографическихъ инцидентовъ впадали въ совершенно безцеремонный игривый тонъ и употребляли такїя невѣроятныя выраженїя, о которыхъ можно сказать только по секрету.

*) Дѣло Тамбов. ученой архива. Коммиссїи. 1732 года

Случалось, что нѣкоторые наши чиновники за разныя злоупотребленія попадали подъ слѣдствіе и судъ. При такихъ обстоятельствахъ они пускали въ ходъ все свое канцелярское краснорѣчіе. Однажды борисоглѣбскій казначей, смутно представляя себѣ границы собственнаго и казеннаго имущества, взялъ въ казначействѣ изъ казеннаго сундука нѣсколько тысячъ рублей и унесъ ихъ домой. Растрата вскорѣ обнаружилась. Казначей позвали къ допросу. На допросѣ онъ оправдывался такъ: „деньги въ казначействѣ, счетомъ двадцать двѣ тысячи, я точно взялъ въ сундукъ, а взялъ я ихъ, чтобы дома сосчитать повѣряте. И какъ шелъ я по улицѣ, *отъ усердія и думы* стала со мною *великая меланхолія* и отъ той меланхоліи и не помню я, куда пропали деньги. Вѣдомо недобрый человекъ подвернулся“...

Въ эпоху реформъ XVIII вѣка, какъ я замѣтилъ выше, и къ намъ начали проникать западныя *новшества*, но это проникновеніе совершалось крайне медленно и нерѣдко въ такихъ формахъ, которыя вызываютъ въ насъ невольное недоумѣніе. Особенно любопытна была у насъ медицинская часть.

Въ царствованіе императрицы Елизаветы на всю Шацкую провинцію у насъ былъ одинъ лѣкарь и притомъ крайне ненадежный въ научномъ отношеніи. Въ царствованіе Екатерины II край нашъ, повидимому, усовершенствовался относительно медицины. Кромѣ нѣсколькихъ казенныхъ врачей, появились и частные врачи. Можетъ быть, между ними гдѣ нибудь были образованные и гуманные люди, но они намъ, по документамъ, совершенно неизвѣстны. Люди же противоположнаго типа очень извѣстны. Таковъ былъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка лѣкарь Осипъ Осиповичъ Рагоцей. Онъ со-

вершенно забылъ свое спеціальное призваніе, вообразилъ себя какимъ-то начальникомъ и обывателей не лѣчилъ, а мучилъ и разорялъ. Между прочимъ, онъ обложилъ крестьянъ слѣдующею натуральною повинностію: съ каждаго тягла Рагоцей бралъ по десяти фунтовъ меду, по пяти фунтовъ воску и по фунту гусинаго пуху... Долго безотвѣтные тяглецы платили ему дани, наконецъ *стали докладывать ему* о своей бѣдности и сомнительности его лихоимственныхъ операцій. Кто-то изъ стариковъ сказалъ: есть ли у васъ письменное повелѣніе отъ нашего барина о такихъ сборахъ. Тогда Рагоцей закричалъ:

— Я барину вашему большой братъ, а васъ за непослушаніе въ ссылку сошлю и велю въ желѣзы сковать и въ городъ въ тюрьму отошлю.

Напуганные крестьяне помирились на старомъ и стали платить прежнія дани...

Въ 1716 году, отъ 23 февраля, Царь Петръ Великій послалъ въ Тамбовъ слѣдующій грозный указъ:

„Мы Петръ I-й. Царь и Самодержецъ Всероссийскій... Понеже многія лихоимства умножились... которыя уже наружу вышли... того ради запрещается всѣмъ чинамъ, которые у дѣлъ приставлены.. дабы не дерзали брать никакихъ посуловъ... кромѣ жалованья... опредѣленнаго за нашею рукою или всего сената подпискою. И кто дерзнетъ сіе учинить, тотъ весьма жестоко на тѣлѣ наказанъ будетъ, всего имѣнія будетъ лишенъ, шельмованъ и изъ числа добрыхъ людей изверженъ или—и смертію казнень будетъ. Тожъ слѣдовать будетъ и тѣмъ, которые ему въ томъ служили... и кто вѣдали, а не доносили, хотя подвластные или собственные ихъ люди“...

Но какъ ни строгъ былъ Царь Петръ I-й и какъ ни грозно было имя его по всей Русской землѣ, все же на-

ши общественныя бѣды и несовершенства и при немъ мало *унимались*. Государственная казна далеко не получала у насъ всѣхъ своихъ доходовъ. Такъ, съ 1711 по 1718 годъ вся тамбовская провинція ежегодно доставляла въ государственное казначейство окладныхъ и неокладныхъ сборовъ приблизительно только по 67 тысячъ рублей. Остальные десятки тысячъ быстро и ловко распреблялись по карманамъ лукавыхъ царскихъ слугъ... Вслѣдствіе этого канцелярскіе *спидняки*, получавшіе самое скудное жалованье или и вовсе не получавшіе, неожиданно богатѣли, становились *крупными* душевладельцами и такъ сказать силой вторгались въ ряды мѣстной родовой аристократіи...

Очевидно, это были *артисты* своего дѣла, отлично умѣвшіе *хоронить концы въ воду и изъ той воды выводить сухими*...

Не смотря на разныя суровыя мѣропріятія правительства прошлаго вѣка, понятія о законности были у насъ въ массѣ населенія самыя шаткія.

Это видно между прочимъ изъ слѣдующаго. Въ 1765 году подпоручикъ Богдановъ *измѣрялъ Шацкія земли и дикіе лѣса*. Уѣзднымъ обывателямъ это не понравилось и вотъ многіе шацкіе владѣльцы, вмѣсто разрѣшенія своихъ недоразумѣній законнымъ порядкомъ, *учинили съ Богдановымъ споръ и во измѣреніи остановку*. Служитель помѣщика Можарова, *ухватя Богданова за груди, съ земли спихнулъ, а опый Можаровъ вырвалъ у солдата мѣртельную цѣпь и бросилъ ее назадъ*... Остальные солдаты и крестьянскіе *отводчики* были сбиты съ ногъ, схвачены и отправлены въ село Путятино, гдѣ ихъ били *смертными побоями* и содержали въ *заключенныхъ кандалахъ*. Такимъ образомъ подпоручикъ Богдановъ своего служеб-

наго долга исполнить не могъ. *Дикихъ лѣсовъ и земель онъ не измѣрилъ. Измѣрили за него крестьяне разныхъ вотчинъ Шацкаго уѣзда. Собравшись во множественномъ числѣ съ дубьемъ и кольями, они сами себя отводъ учили.* Впослѣдствіи главные виновники указанного инцидента были, конечно, наказаны. Ихъ посадили въ Шацкую острожную избу, гдѣ и промаялись они, по собственной винѣ, нѣсколько лѣтъ. А житье ихъ въ этой избѣ было не легкое: потолки и крыши въ острогѣ были крайне ветхи, въ двухъ флигеляхъ и вовсе не было крышъ, и отъ того *бывала весьма превеликая моча и течь и отъ той мокроты и течи колодники претерпѣвали крайнюю нужду..*

Шаткость сознанія законности выражалась у насъ, между прочимъ, въ грубомъ произволѣ мелкихъ сельскихъ властей... Въ началѣ Екатерининскаго царствованія въ Шацкой татарской деревнѣ Тенишевкѣ проживалъ *сотникъ Смайлъ Милушевъ.* Ему захотѣлось прихватить къ своей землѣ половину пашни крестьянки Гуль-Салтанъ Девлеткильдѣевой и онъ, *ничтоже сумняся,* привелъ мужа ея на съѣзжій дворъ, *превеликою палкою тирански билъ его изъ своихъ рукъ,* заковалъ его въ кандалы и *морилъ голодомъ...* Не довольствуясь этимъ, онъ и крестьянку Гуль-Салтанъ на 10 недѣль посадилъ въ кандалы и *билъ смертно...*

Странны были также и чуждые законности *порядки* былого мѣстнаго общежитія, которые наблюдались нами по документамъ не рѣдко. Вотъ для примѣра фактъ. Однажды князь Девлеткильдѣевъ созвалъ къ себѣ гостей. На пирушку приглашены были, между прочими гостями, майоръ Борисовъ и подпоручикъ Макуловъ. Къ концу пира они поссорились. Тогда Макуловъ, *вшедъ въ пьяномъ своемъ обычѣ въ великій азартъ,* отправился домой, со-

бралъ 20 человекъ дворни и *наряднымъ дѣломъ* сталъ громить усадьбу Борисова. Въ это время Борисовъ былъ уже дома и только потому не былъ убитъ, что его спасли крестьяне *укрывательствомъ*...

Въ то же время (это было въ 1772 году) изъ деревни Резповки однажды отправился свадебный поѣздъ въ сельскую церковь, но подъ деревней Ивановкой *на поѣзжанъ* напали *невѣдомые люди* и, *связавъ, увезли неведомо куда*...

Мѣстные отжившіе буяны въ описываемое время доходили до того, что грозили *разбросать по бревну Сауровскую пустынь*. Бывало и такъ: однажды крестьянинъ Бошаевъ былъ съ семействомъ на покосѣ. Вернувшись вечеромъ домой, онъ увидѣлъ что *все хорошее строеніе его разбросано до основанія, бревна и крыша разметаны врозь, двери переколоты и весь скарбъ пограбленъ*... Такъ *пошутили* какіе-то *невѣдомые люди*...

Мѣстному начальству иногда удавалось захватывать преступниковъ на мѣстѣ преступленія. Такой случай былъ въ городѣ Темниковѣ въ базарный день. На этотъ разъ буяномъ оказался дьяконъ Семенъ Большой и его братъ церковникъ Семенъ. Поссорившись съ крестьяниномъ села Кондоровки Петровымъ, они немедленно, на виду у всего базара, отняли у него *рыжаго мерина*, цѣною въ 9 руб., а самого били *дубьемъ*, проломили ему голову и, *повалая на землю, таскали за волосы и топтунами топтали немилостиво*. Къ счастью, дневныхъ разбойниковъ арестовали и препроводили куда слѣдуетъ ..

Хорошъ былъ въ описываемое время и шацкій повѣренный питейныхъ сборовъ Елистратовъ. Вотъ что онъ однажды совершилъ. Въ глубокую зимнюю ночь, когда въ домѣ помѣщика Лопатина всѣ спали, старые и малые,

онъ съ 15 цѣловальниками подкатилъ къ Лопатинской усадьбѣ для ревизіи. Вся эта *орава* перелѣзла черезъ заборъ на дворъ, опустошила домашнюю винокурню, избила дворовую прислугу и ринулась въ самый домъ. Тутъ то и началось побоище. Въ дверяхъ дома *ораву* встрѣтилъ самъ хозяинъ, котораго сейчасъ же сбили съ ногъ, проломилъ ему голову *до мозги и немалое число волосъ выдрали*. 7-ми лѣтнюю дочь Лопатина, съ крикомъ бросившуюся къ отцу, Елистратовъ, *схвативъ*, ударилъ объ полъ, *отчего она только часа черезъ два въ памятьство пришла..* Затѣмъ началось разграбленіе имущества. Въ это время вся семья Лопатина отъ страха была *едва жива...*

Вскорѣ послѣ этого началась пугачевщина. Подонки тогдашняго мѣстнаго люда нашли временный пріютъ свой въ разныхъ атаманскихъ шайкахъ и *налютовались волю*. Но пришелъ часъ воли Божіей, пощадившей Русскую землю. Уняли разбойниковъ и началась правительственная расправа *коемуждо по дѣломъ его...* Въ эту *бѣду* попали не одни крестьяне и дворовые, а также купцы и даже священники, или уходившіе въ шайки, или встрѣчавшіе атамановъ мнимаго царя съ крестомъ и колокольнымъ звономъ. Долго потомъ по нашимъ городамъ и селамъ разѣзжали *запечные мастера* для вырванія ноздрей, рѣзанія ушей и нещаднаго сѣченія. А по большимъ дорогамъ стояли *глаголи, колеса и вистлицы* съ повѣшенными трупами бунтовщиковъ...

Мѣстные нравы и послѣ пугачевщины, въ которой выразилась вся былая разнузданность и дикость Тамбовскаго населенія, не вдругъ приняли должное направленіе. Въ 1778 году былъ, между прочимъ, такой случай. Секундъ-Маіоръ Глютовъ, имѣвшій неудачное тяжёбное дѣло съ Шацкой провинціальной канцеляріей, безъ доклада ворвал-

бя въ провинціальную судейскую камору съ палкой, *на подобіе преселикой клюки*, и будучи *въ немаломъ шумствѣ* началъ кричать:

— Долго ли мнѣ ждаты по моему дѣлу опредѣленія и читать незаконныя резолюціи?

Члены провинціальной каморы начали его успокоивать и урезонивать. Но Готовъ не унимался и продолжалъ бушевать, грозно постукивая своею *преселикою палкой*.

— Протоколисты! шумѣлъ онъ на всю камору, — запиши въ журналъ, что я здѣшняю канцелярію недоволенъ.

Тогда воевода Лопатинъ приказалъ сторожу отворить двери и попросилъ Глотова выдти вонъ.

Съ немалымъ упорствомъ и огурствомъ Готовъ вышелъ въ подъяческую и началъ *умножать тамъ свой озартный крикъ съ преселикимъ поношеніемъ воеводѣ...*

Лопатинъ приказалъ *сержанту* вывести его на улицу. И какъ *означенный сержантъ хотѣлъ за него прииятъся*, то онъ, Готовъ ударилъ его палкой и сказалъ: „пусть самъ воевода выведетъ меня, а другихъ всѣхъ перебыю“.

Произошло смятеніе. Судьи разошлись по домамъ. Глотова кое-какъ успѣли арестовать въ каморѣ..

О происшествіи дано было знать воронежскому губернатору Потапову, который и прислалъ въ Шацкъ слѣдующую резолюцію: „Шацкой канцеляріи предписать, да поступила бы она съ маіоромъ Готовымъ за *неучтивый* поступокъ по содержанію 1724 года генваря 21 дня указу, а при томъ подтвердить и впредь въ таковыхъ дѣлахъ, не предсавляя о семъ, *такожъ чинить*“...

Въ описываемое время очень часто совершались у насъ убійства. Но и кара за нихъ была изысканная. Убійць привязывали или приковывали къ ногамъ труповъ ихъ жертвъ и

такъ держали во все время продолжительныхъ слѣдствій... Многія убійства поражаютъ отсутствіемъ какихъ-либо серьезныхъ мотивовъ. Иные наши отжившіе обыватели собирались, напимѣрь, на пирушки, особенно во время праздниковъ, перепивались *вдрызгъ*, ссорились и съ ножами лѣзли другъ на друга. А послѣ оправдывались: „умыслу къ убійству никакого не было у насъ, и какъ то случилось — не вѣдаемъ“. Но ихъ, по обычаямъ былыхъ временъ, все-таки, приводили *въ застѣнокъ*, поднимали на *стряску* и пытали, пытали *вдругорядъ и многожды*...

Не весела, вообще, картина нашего тамбовскаго быта 18 вѣка... И тѣмъ радостнѣе, среди печальныхъ явленій былой мѣстной жизни, встрѣчаться съ свѣтлыми бытовыми явленіями... *Свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не обзятъ*...

Этому *свѣту*, съ чувствами живѣйшей радости старѣющаго архивиста, горячо и нелживо любящаго свою дорогую отчизну, я и постараюсь посвятить слѣдующія строки...

Хорошіе люди и у насъ несомнѣнно были. Здѣсь я останавливаю вниманіе на лучшемъ изъ нихъ — святителѣ Тихонѣ... Я пишу о немъ въ «Очеркахъ изъ исторіи Тамбовскаго края» потому, что онъ управлялъ *всею* западною стороною нынѣшней Тамбовской губерніи и слѣдовательно онъ *потоліку* нашъ, *поколіку* и Воронежскій.

Средство для осуществленія этого моего предпріятія у меня есть. Это — рукопись келейника святителя, В. Чеботарева, который записывалъ *слова и дѣла* св. Тихона съ особеннымъ вниманіемъ и благоговѣніемъ изъ года въ годъ *).

*) Рукопись келейника В. Чеботарева, съ нѣкоторыми вариантами сравнительно съ имѣющеюся у меня рукописью, была напечатана въ «Православномъ Обзорѣнн» въ 1861 году.

«Я убогій, пишетъ Чеботаровъ, при великомъ ономъ мужѣ началъ жить съ 1770 года и много слышанъ отъ его святительскихъ устъ..., но я жъ и зрителемъ былъ высокой его жизни» ..

Весною 1724 года на Короцкомъ погостѣ, Новгородской губерніи, Валдайскаго уѣзда, въ *поповской* слободкѣ у дьячка Саввы Кирилловича родился сынъ Тимошей. Не весело встрѣтила жизнь новорожденного мальчика. Обернули его въ грубыя самодѣльные тряпки и повѣсили его *люльку* въ душевой, тѣсной и дымной избѣ... Кто могъ подумать, что новорожденный убогій мальчикъ современемъ осіяетъ всю Русь славою своей святой и учительской жизни, нетлѣніемъ св. мощей и сильнымъ представительствомъ у Божьяго престола за прославленную имъ русскую землю? Скоро послѣ того скромный бѣднякъ Савва Кирилловичъ, къ огорченію всего прихода, скончался и для его семьи наступили дни ужасающей нищеты. Прошло нѣсколько лѣтъ несконднаго горя. Маленькаго Тимошея, обутаго въ лапти домашней работы и одѣтаго въ ветхую сермяжку, стали посылать въ чужія поля пахать — боронить. Обливаясь потомъ и натуживая свои слабыя силы, старательный *Тима* дѣлалъ свое дѣло исправно и радъ былъ, если на его долю выпадалъ кусокъ чернаго хлѣба и кувшинъ воды. А *между дѣлъ* онъ учился грамотѣ у старшаго брата Ефима—отцовскаго замѣстителя. Въ воскресные дни и праздники маленькій Тимошей, разрядившись въ новенькіе лапотки, раньше всѣхъ являлся въ Короцкую церковь и бывалъ очень счастливъ, если ему удавалось или какъ нибудь услужить священнику въ алтарѣ, или что либо прочитать и пропѣть въ церкви. Могли ли подумать Короцкіе крестьяне, внимавшіе чтенію и пѣнію убогаго дьячковскаго сына—*Тимы*, какъ всѣ

его звали, что это будущій свѣтильникъ Христовой церкви, *святъ котораго просвѣтитъ передъ всеми людьми?*

Маленькій *Тима* сразу сдѣлался любимцемъ всего Короцкаго прихода. Тихій, ласковый, услужливый, не по дѣтамъ начитанный и вдумчивый — онъ обыкновенно избѣгалъ дѣтскихъ игръ и любилъ говорить только о Божественномъ, при чемъ его отзывчивая душа горячо воспринимала всякую бѣду людскую: и лихую *болѣзнь*, и нищету нескондную, и всякую неправду... Это *болѣзное* сердце отличало святителя во всѣ дни его жизни и выразилось въ его поученіяхъ, полныхъ состраданія къ *бѣднотѣ* человѣческой, и въ совершенной щедрости и даже раздачѣ всего имуществва бѣднякамъ и нищимъ...

Святитель Тихонъ самъ рассказывалъ своему келейнику про свое дѣтство въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «какъ началъ я себя помнить, говорилъ онъ, насъ было четыре брата, изъ коихъ средній взятъ въ военную службу, да двѣ сестры; и жили мы въ великой бѣдности, хотя большой братъ Ефимъ и отправлялъ дьячковскую должность, такъ что и дневную пищу не всегда имѣли, и мать няня много о томъ плакала...

Узнали объ этой ихъ бѣдѣ Короцкіе крестьяне и многие изъ нихъ жалѣли нищую семью, а иные прихаживали къ нимъ и во имя Христова *подавали*, кто чѣмъ могъ: кто холстиной, кто хлѣбомъ, кто живностию. Чаше другихъ навѣдывался въ убогую дьячковскую избу одинъ бездѣтный зажиточный ящикъ. Маленькій Тимоей, смущенный и ласковый, особенно полюбился доброму мужику изъ всей мирной и богобоязливой семьи. И вотъ онъ однажды сказалъ матери св. Тихова.

— Отдай мнѣ Тимку своего. Я его возьму замѣсто сына и все мое имущество его будетъ.

Долго крѣпилась сердобольная мать, но горькая нуж-

да взяла свое и она наконецъ рѣшилась отвести своего *Тиму* къ ямщику. Помолившись Богу, вдосталь наплакались и пошли въ путь-дорогу... Въ это время вернулся домой изъ прихода старшій братъ Ефимъ, узнавъ въ чемъ дѣло и побѣжалъ догонять мать. Догнавши онъ упалъ передъ нею на колѣни и сталъ умаливать:

— Куда вы ведете брата? Ямщику отдадите, ямщикомъ онъ и будетъ... Но я не хочу, чтобы братъ ямщикомъ былъ. Я лучше съ сумою по міру пойду, но брата не отдамъ ямщику. Лучше опредѣлимъ его къ какой либо церкви...

Мать послушалась старшаго сына и вернулась съ *Тимой* домой. Но такъ какъ дома нечего было ѣсть, то малютку снова стали посылать на полевые работы къ богатымъ крестьянамъ *изъ одного хлѣба*.

— Вотъ въ какой нуждѣ воспитывался я, говорилъ впоследствии св. Тихонъ своему келейнику Чеботареву...

Нѣтъ сомнѣнія, что ужасающая бѣдность семьи святителя съ избыткомъ возмѣщалась общимъ домашнимъ согласіемъ. Весь семейный складъ этой семьи былъ истинно-христіанскій. А отсюда являлись и неистощимое терпѣніе и непоколебимая духовная радость...

Когда Тимоѳею исполнилось 14 лѣтъ, мать пошла съ нимъ въ Новгородъ для опредѣленія его во *вновь учрежденную семинарію*. Тамъ она скоро и скончалась къ величайшей скорби сиротки-сына и всей семьи. Сироту приняли въ семинарію на казенный *коштъ*. Но это избавило его отъ великой бѣдности.

— Началъ я продолжать ученіе на казенномъ коштѣ рассказывалъ святитель,—и терпѣлъ великую нужду... И какъ бывало когда получу казенный хлѣбъ, то изъ онаго половину оставляю для продовольствія себя, а другую по-

ловину продамъ и куплю свѣчку и съ оною сяду за печку и читаю книжку.. Тогда богатыхъ отцовъ дѣтисоученики мои играючи найдутъ *отопки* и начнутъ смѣяться надо мною и оными махать на меня, говоря: величаемъ тя... Но какъ я потомъ посвященъ былъ въ викарнаго епископа и пріѣхалъ въ Новгородъ, то оныя-жъ и пришли ко мнѣ для принятія благословенія и я имъ сказалъ: вы, братцы, прежде смѣялись надо мною, какъ мы были въ семинаріи малолѣтними дѣтьми, истоптанными лаптями махали на меня, а теперь и кадилами будете кадить.. Смущенные Новгородскіе іереи стали просить у владыки прощенія, а онъ имъ отвѣтилъ:

— Ничего, я шутечи говорю вамъ, братцы.

Окончивши курсъ въ Новгородской семинаріи съ особеннымъ отличіемъ, послѣ 15-лѣтняго неутомимаго ученія, Т. С. былъ нѣсколько лѣтъ образцовымъ учителемъ родной семинаріи, а затѣмъ, по принятіи монашества, ректоромъ тверской семинаріи.

Служебная карьера будущаго святителя шла твердо и быстро. Но не эти успѣхи занимали его. Истинно смиренный—онъ помышлялъ не объ ожидавшемъ его святительствѣ, а о томъ, чтобы скромно поселиться въ какой либо уединенной пустыни и всю жизнь свою отдать Богу... Такую мысль онъ не рѣдко выражалъ и въ Задонскѣ своему келейнику Чеботареву:

— Я и теперь снялъ бы съ себя рясу и клубукъ, говорилъ онъ,—и укрылся бы въ пустынный монастырь... но этого сдѣлать никакъ невозможно..

Когда святитель Тихонъ, сдѣлавшись викарнымъ епископомъ, съ церемоніей вѣзжалъ въ Новгородъ, его встрѣтило духовенство, власти и народъ. Стеченіе народа было огромное. Всѣмъ очень любопытно было видѣть въ

великомъ архіерейскомъ санѣ бывшаго убогаго новгородскаго семинариста. Стояла въ толпѣ и вдова—родная сестра владыки и неудержимо плакала отъ радости, а подойти къ брату не смѣла, хотя и пользовалась его помощію уже нѣсколько лѣтъ... Святитель увидѣлся съ сестрой на другой день. Объ этомъ свиданіи онъ самъ рассказывалъ такъ.

— Послалъ я за сестрою коляску, а она бѣдная, пріѣхавши, и не смѣетъ войти въ келью. Я отворилъ дверь и говорю: пожалуй, сестрица! А она вся слезами залилась. Я и говорю ей: что ты плачешь, сестрица?

— Отъ великой радости, братецъ. Вы помните, въ какой мы бѣдности при матушкѣ воспитывались, но теперь я вижу васъ въ какомъ высококомъ санѣ...

Я и говорю ей:

— Сестрица, ты ко мнѣ ѣзди почаще...

А она сказала: благодарствую, братецъ! Но иногда наскучу вамъ частымъ пріѣздомъ...

Черезъ мѣсяць послѣ того сестра св. Тихона скончалась. Погребалъ ея тѣло самъ святитель. Вступивъ въ храмъ и приложившись къ святымъ иконамъ, святой Тихонъ пошелъ къ гробу, открылъ покрывку и благословилъ тѣло.

— А оно будто и улыбнулось на меня, рассказывалъ впоследствии святитель,—и одинъ Богъ знаетъ, что это, вообразилось ли въ глазахъ моихъ...

Всю службу св. Тихонъ плакалъ и *едва могъ отслужить отъ горчайшихъ слезъ, и былъ отъ себя отъ великой жалости.*

Очевидно, передъ его духовнымъ взоромъ отчетливо пронеслись всѣ тяготы ихъ былой нищенской трудовой

жизни и вся глубоко-скорбная житейская доля сестры-горемыки...

Святитель Тихонъ, еще до иночества и святительства, въ бытность свою учителемъ семинаріи и мірскимъ человекомъ, велъ *созерцательную* жизнь и цѣлыя ночи проводилъ безъ сна, въ чтеніи и размышленіи. И было ему, мірскому человеку, однажды *видѣніе*, о которомъ онъ рассказывалъ такъ:

— Въ маѣ мѣсяцѣ (годъ не указанъ) ночь была весьма пріятная. тихая и свѣтлая... Вышелъ я изъ кельи на крыльцо и *стоячи* размышлялъ о вѣчномъ блаженствѣ.. То вдругъ небеса разверзлись и тамъ такое сіяніе и свѣтлость, что браннымъ языкомъ сказать и умомъ понять никакъ невозможно. Но только сіе было кратко, почти одну минуту, и паки небеса натурально въ своемъ видѣ стали... И долго послѣ онаго чуднаго видѣнія я восхищался умомъ, да и нынѣ, когда вспомню, то ощущаю въ сердцѣ моемъ нѣкое веселіе и радость...

Уединившись въ Задонскѣ, святитель весь отдался подвигамъ милосердія и благочестія. Всю свою архіерейскую пенсію (500 руб.) раздавалъ нищимъ и убогимъ, разыскивая ихъ самъ. Любовь святителя ко всѣмъ людямъ была такова, что онъ часто говаривалъ:

— Я временемъ въ мысляхъ своихъ чувствую, что всѣхъ бы людей обнималъ и цѣловалъ.

Во время скудныхъ своихъ обѣдовъ св. Тихонъ приказывалъ келейнику Чеботареву читать священное писаніе ветхаго завѣта и слушалъ *много*, а вкушалъ *мало*. Этотъ самый Чеботаревъ вотъ какъ вспоминаетъ о святителѣ.

— Онъ рѣдко обѣдывалъ безъ умиленныхъ слезъ, а

паче когда читали пророка Исаію. Самъ пакъ прикажетъ читать и, положиа ложку на столъ, начнетъ плакать... И еще говаривалъ святитель: славу Богу, вотъ какая у меня хорошая пища! А братія моя иной въ темницѣ сидитъ, иной и безъ соли ѣст!

Почти каждую ночь святитель слушалъ новый заветъ и ложился въ постель уже на разсвѣтѣ. Чтеніе повозвѣстныхъ главъ прерывалось молитвами и поклонами. И то были молитвы во истину святительскія! Молясь, св. Тихонъ чаще всего *гласно вопіялъ: Господи помилуй, Господи пощади, Кормилецъ, — помилуй... Самъ же главою ударялся объ полъ.. Утомившись отъ колѣнопреклоненія и поклоновъ, святитель выхаживалъ въ переднюю келью и тихо и умирительно пѣлъ псалмы... Это былъ его отдыхъ!*

Отдыхалъ онъ немного, съ часъ, и послѣ обѣда. А вставши читывалъ житія святыхъ. Послѣ того, если было лѣто, святитель гулялъ въ монастырскомъ саду или за монастыремъ, при чемъ читалъ или пѣлъ псалмы *наизустъ.*

Святитель Тихонъ ежедневно ходилъ къ литургіи и пѣвалъ на клиросѣ. Пѣлъ онъ часто со слезами, такъ какъ мысль его непрерывно направлена была къ Богу. Улыбался же онъ рѣдко и *въ ту же минуту скажетъ:*

Господи прости, я согрѣшилъ передъ тобою...

Въ свободное время любимыми темами его бесѣдъ были: смерть, страшный судъ Христовъ, вѣчныя муки и вѣчное блаженство... О свѣтскихъ дѣлахъ святитель разговаривалъ рѣдко.

Вслѣдствіе сильной болѣзненности святитель не рѣдко крайне нуждался въ отдыхѣ. Тогда онъ отбѣзжалъ въ село Липовку, имѣніе Бахтѣевыхъ, на нѣсколько недѣль,

поселялся въ свободномъ помѣщичьемъ домѣ и ежедневно самъ служилъ вечерни, утрени и часы. А передъ службами писалъ извѣстные свои сочиненія. Отъѣзжалъ онъ также не рѣдко и въ Толшевскій монастырь, который онъ любилъ больше Задонскаго. Въ этомъ монастырѣ во всѣ воскресные дни и праздники онъ *ходилъ въ трапезу и съ монахами обѣдывалъ; въ Задонскомъ же никогда въ трапезу не былъ и не обѣдалъ тамъ ни единожды...*

Кромѣ чтенія и молитвы св. Тихонъ не рѣдко упражнялся и въ физическихъ трудахъ. Любимая его работа была рубка дровъ. Объ этомъ Чеботаревъ пишетъ такъ:

— Бывало святитель прикажетъ мнѣ: наточи топоръ хорошенько и рукавицы принеси мнѣ, я дровъ нарублю на печку свсю, авось либо поразобью кровь себѣ и поздоровѣе буду...

Свою келейную жизнь святитель велъ сурово. Въ его кельяхъ никакого убранства и украшенія не было, кромѣ святыхъ иконъ. Спалъ онъ на подержанномъ коврикѣ и безъ одѣяла. Шубу въ зимнюю пору носилъ ветхую овчинную, крытую китайкой. Ряса у него была одна — суконная гарусная. Обувался онъ въ *коты* и толстые суконные чулки, *кои ремнями подвязывалъ*. Въ кельѣ же и въ лаптяхъ ходилъ. Если же къ нему прѣзжали посетители, то онъ поспѣшно снималъ лапти, обувался въ коты, надѣвалъ свою суконную рясу и панатію и только тогда выходилъ въ свою пріемную... Впослѣдствіи Воронежскій епископъ Тихонъ 3-й подарилъ святителю (съ убѣдительною просьбою) шелковую штофную рясу и съ тѣхъ поръ, ради братской любви, св. Тихонъ Задонскій являлся въ церковь украшенный братскимъ даромъ...

Былъ при святителѣ Тихонѣ, кромѣ Чеботарева, и еще послушникъ — Теофанъ. Святитель звалъ его Теофа-

нушкой и былъ очень доволенъ его простою рѣчью и грубоватымъ обращеніемъ. Въ своихъ обращеніяхъ къ святителю Теофанъ обыкновенно называлъ его безъ всякой церемоніи и титуловъ: бачька! Теофанъ былъ уже далеко не молодой человѣкъ и не разъ обращался къ святителю съ просьбой о постриженіи въ монашество, *въ мантию*. Но владыка всегда отклонялъ его просьбы и говорилъ ему:

— Эхъ, Теофанушка! Ходи ка ты въ чемъ ходишь. Ей, лучше. Я правду говорю... Вѣдь давно когда-съ были монахи, но не нынѣ. Вотъ я живу на свѣтѣ около 60 лѣтъ, но не видалъ еще истиннаго монаха... Монастырская жизнь чего требуетъ? Необходимаго для жизни человѣческой: квасъ, да вода, да слезы — вотъ монашеское сладкое *пой.лицо!* А нынѣ и міръ въ монастырь вкрался... и уныніе... и праздность... Знай, Теофанушка, что монастырскія стѣны и монашеское одѣяніе не спасаютъ... И я хвалю тѣхъ монаховъ, которые сами *орутъ* землю, хлѣбъ сѣютъ и сами нищу себѣ готовятъ, да еще же бѣдныхъ и странныхъ питаютъ и упокоиваютъ... Забыли мы древнихъ нашихъ російскихъ чудотворцевъ, преподобнаго отца нашего Сергія Радонезскаго и прочихъ, которые во обителяхъ своихъ не имѣли по 3 дня и хлѣба; а они не пущали братію выходить изъ монастыря для испрашиванія нужной нищи и говорили: терпите, братія, Богъ не оставитъ и утѣшитъ насъ!..

Слава святителя скоро распространилась изъ Задонска по всей русской землѣ. Многіе благочестивые люди стали присылать владыкѣ, на его усмотрѣніе, значительныя суммы денегъ, но онъ *все раздавалъ нищимъ и убожеству*. Иные благотворители посылали святителю бѣлье, одежду, провіантъ... Онъ и эго раздавалъ окружавшей его и пришлой бѣднотѣ. Когда всѣ эти вещи выходили, онъ

покупалъ ихъ самъ и снова безъ остатку отдавалъ нищимъ и бѣднымъ. Если же случались у него деньги въ болѣе значительномъ количествѣ, то онъ покупалъ нуждающимся домашнюю скотину или же строилъ имъ избы. Многихъ убогихъ просителей своихъ, особенно стариковъ, святитель Тихонъ принималъ у себя съ особенною ласкою и *смиреномудріемъ*. Онъ *саживалъ* ихъ при себѣ и много разговаривалъ объ ихъ жизни. Если же приходили къ нему вдовы и сироты, то онъ со слезами выслушивалъ ихъ и, по возможности, содержалъ ихъ *на своемъ коштѣ*. А за иныхъ и *подушныя и прочія казенныя подати платилъ*. Многіе странники, особенно заблѣвшіе на дорогѣ, у него же въ кельѣ и и пріютъ себѣ находили...

Особенно полюбили святителя окрестныя малыя дѣти. И когда святитель, послѣ обѣдни, возвращался въ келью, то они (всегда большою толпою) шли за нимъ. Святитель въ дверь, и они за нимъ въ келью. Тутъ дѣти, по разъ заведенному порядку, клали три земныхъ поклона и проговаривали: Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ!

Тогда начинался какъ бы урокъ по Закону Божию. Святитель Тихонъ спрашивалъ дѣтей: гдѣ Богъ нашъ? А они, повѣствуя, *Чеботаревъ, единогласно и громко скажутъ: Богъ нашъ на небеси и на земли. То онъ, святитель, погладитъ рукою по главамъ всѣхъ и скажетъ: вотъ хорошия дѣти! И дастъ имъ по копѣйкѣ и по куску благо хлѣба, льтомъ же и по яблоку, и отпуститъ ихъ.*

Въ 1768 году былъ страшный пожаръ въ городѣ Ливнахъ. Многіе погорѣльцы остались безъ крова и пищи. Въ слѣдующемъ году тоже самое случилось въ городѣ Ельцѣ. Тысячи совершенно разоренныхъ бѣдняковъ были безпомощны. Тогда св. Тихонъ самъ отправился въ Воро-

нежь и Острогожскъ и сталъ ходить по домамъ заки- точныхъ гражданъ, *испрашивая милостыни*. Трогательное милосердіе святителя вызвало усиленные пожертвования и всѣмъ бѣднымъ погорѣльцамъ оказана была достаточная помощь...

Бывая въ разныхъ городахъ, святитель непремѣнно посѣщаль тюрьмы и раздавалъ щедрую милостыню узни- камъ, и *иныхъ узниковъ содержалъ на своемъ коштѣ*. Но главная святительская милостыня заключалась въ томъ, что онъ въ тюремныя стѣны вносилъ *свѣтъ, и миръ, и радость*... Подъ влияніемъ святительскаго слова грубыя сердца арестантовъ смягчались, уныніе замѣнялось духов- ною радостію, ожесточеніе—искреннимъ покаяніемъ и со- вершенною покорностію волѣ Божіей.

Св. Тихонъ никогда не забывалъ своихъ бѣдныхъ Короцкихъ земляковъ и посылалъ имъ, черезъ брата Ефи- ма, деньги. А иногда посылалъ въ Короцкъ своего ке- лейника Чеботарева. Чеботаревъ отправлялся на родину святителя *тышкомъ*. Суммы, которыя онъ носилъ съ со- бою въ даръ бѣднякамъ, были довольно значительныя и на долго покрывали всѣ нужды ихъ...

Глубоко милосердный и отзывчивый на всякое че- ловѣческое горе, св. Тихонъ отличался также необыкно- веннымъ смиреніемъ и терпѣніемъ. Настоятель Задонска- го монастыря не любилъ его и часто обижалъ и говаря- валь: *Тихонъ у меня въ монастырь хуже монахи жи- ветъ*. Когда слухи объ этомъ доходили до святителя, то онъ, не обижаясь, призывалъ къ себѣ Чеботарева и на- казывалъ ему:

— Возьми голову сахару, либо вина винограднаго бо- ченокъ—и носи къ архимандриту.

Подражая своему начальнику, святителя не рѣдко

обижали монахи и даже монастырскіе служки. Бывали такіе случаи, что св. Тихонъ гуляетъ по монастырскому двору, а монахи и служки *смѣются въ слѣдъ его*... Но великій святитель на это не обижался. Онъ какъ бы ничего не слышалъ. А послѣ говорилъ Чеботареву.

— Богу такъ угодно, что и служители смѣются надо мною. Но я жъ и достоинъ этого за грѣхи мои; но еще и сего мало!.. Ну, долго ли мнѣ самому обидѣть ихъ, въ томъ числѣ и начальнику я скоро отомстятъ бы, но не хочу никому мстить!.. Прощеніе лучше мщенія...

Вмѣсто мщенія святитель относился къ своимъ неразумнымъ и коснымъ обидчикамъ съ любовію. Онъ милостиво благословлялъ ихъ, помогалъ имъ при случаѣ изъ своихъ средствъ, и если кто изъ нихъ заболѣвалъ, — онъ спѣшно, не смотря на собственныя немощи, заходилъ къ нимъ и утѣшалъ ихъ...

Истинно смиренный, св. Тихонъ не возносился своимъ подвижничествомъ. Ему казалось, что онъ то и есть грѣшникъ, а праведники другіе... Былъ въ любимомъ святителемъ городѣ Ельцѣ купецъ Григорій Федоровичъ Ростовцевъ. Именно его и приводилъ святитель въ примѣръ всемъ и себѣ и говорилъ о немъ.

— Намъ чернецамъ учиться добродѣтельной жизни надо изъ дому Григорія Федоровича Ростовцева. Онъ мужъ весьма воздержной и набожной жизни... И дѣти у него такія же...

Съ декабря 1779 года преосвященный Тихонъ за-творился въ кельѣ, почти никого не принималъ и пребывалъ *въ глубокомъ молчаніи и прискорбномъ видѣ*. Святая душа его, предчувствуя разлученіе съ тѣломъ, болѣла о грѣхахъ людскихъ и ихъ *невѣжествіяхъ*... Въ глубокомъ смиреніи, доступномъ однимъ избранникамъ Божі

имъ, св. Тихонъ и самого себя считалъ великимъ грѣшникомъ и говорилъ:

Епископскій омофоръ очень тяжелъ для меня. Я ни поднять, ни носить не могу онаго. И еслибъ можно было, я и санъ бы съ себя сложилъ, но не только санъ, но и клобукъ и рясу снялъ бы съ себя и пошелъ бы въ самый пустынный и уединенный монастырь въ *хлбину* и сказалъ бы себѣ: я *простой мужикъ*; и употребилъ бы себя въ работу: дрова рубить, муку сѣять и хлѣбъ печь...

У постели святителя на стѣнѣ висѣла картина, изображающая старца, лежащаго въ гробу. На эту картину св. Тихонъ смотрѣлъ очень часто и говорилъ:

— Скажи мнѣ, Господи, кончину мою и число дней моихъ, кое есть... А самъ въ это время плакалъ. И слезы его были лучшею жертвою Создателю...

Чеботаревъ заключаетъ свою рукопись слѣдующими словами: Достигъ великій преосвященный мужъ не такъ глубокой старости... и позванъ былъ на покой вѣчный ко оному блаженству... Тѣло его честно погребено бысть преосвященнымъ Тихономъ 3-мъ. *)

Вторая половина прошлаго вѣка ознаменована была въ нашемъ краѣ, между прочимъ, участіемъ нашихъ словенныхъ представителей въ извѣстной Московской комисіи 1767 года. Здѣсь я привожу наиболѣе существенныя выдержки изъ депутатскихъ *наказовъ*...

Наказъ Темниковскихъ дворянъ данъ былъ депутату *отставному лейбъ-гвардіи капралу Ильѣ Василевичу князю Еникъеву*.

Темниковскіе дворяне обычно стремились къ упроче-

*) Святитель скончался 13 августа 1783 года. Могила его открыта 13 августа 1861 года.

нію своихъ сословныхъ интересовъ. Они хлопотали о томъ, чтобы къ воеводскому управленію приданъ былъ избираемый *дворянскій опекунъ къ лучшему между дворяны разобранію по прошеніямъ разныхъ обидъ, не допуская до суда... И дабы съ дворянскихъ челобитенъ пошлины взимаемы были въ силу прежнихъ узаконеній...*

Темниковскіе дворяне жаловались, между прочимъ, на своихъ уѣздныхъ воровъ и разбойниковъ... *И иные злодѣи, писали они,—видя себя безстрашіе... въ розскасахъ шацкой провинціи, часъ отъ часу умножаются, и вездѣ происходятъ великія татѣи, разбои и воровства; и бывають добраго отечества людямъ тиранскія мученія побоями и сженіемъ огнемъ... не милостивно... И не дозволено ли будетъ съ оными злодѣи поступить по прежнимъ строгимъ узаконеніямъ... смѣловать ихъ пристрастными распросы и пытками... дабы, на то смотря, другіе того чинить не могли.. и въ томъ же безстрашиное благоденственное житіе и мы возымѣли...*

«Въ древнія времена, жаловались Темниковскіе дворяне,—здѣшняя мордва присовокупили себѣ приуроченныя земляныя дачи.. великими обширностями... И не дозволено ли будетъ въ тѣ приуроченныя земли помѣщичьимъ крестьянамъ вѣздъ имѣть... Тако жъ изъ тѣхъ обширныхъ земель м сумѣжныхъ съ ними разровнявъ... отдѣлить..., дабы не нести нужды и недостатка».

„Понеже въ Темниковскомъ уѣздѣ жительствующіе мурзы и татары имѣють множественныя жалованныя дѣса и земли, говорится далѣе,—... то не дозволено ли будетъ купить тѣ земли“...

Въ былые годы нашихъ помѣщиковъ сильно волновалъ вопросъ о подушныхъ податяхъ, которыя брались со всѣхъ лицъ мужскаго пола: малолѣтнихъ и престарѣлыхъ.

Поэтому Темниковскіе дворяне ходатайствовали: „не соизволено ль будетъ съ малолѣтнихъ и сильно престарѣлыхъ, а также слѣпыхъ и увѣчныхъ, нечаятельныхъ къ платежу, о выключеніи изъ подушнаго оклада“.

Въ описываемое время дворяне-помѣщики имѣли у себя въ имѣніяхъ *заклейменные кубы и казаны про домовья нужды вино курить. Точно за отлучкою изъ домовъ въ собою брать не свыше пяти ведръ*... Таковымъ порядкомъ Темниковскіе дворяне были недовольны.. „Случаются, писали они,—приходящіе къ намъ гости и за неимѣніемъ вина остаются безъ удовольствія... Того ради не дозволено ли будетъ кубы клеймить и винное куреніе производить и въ городскихъ дворянскихъ домѣхъ“...

„Въ древнія времена, писали Темниковцы,—дворянскіе предки жалованы были водами и рыбными ловли, и бобровыми гоны и перевесы по урочищамъ, и то владѣніе было общее... А нынѣ изъ оныхъ тѣ воды берутъ изоброчивъ и всѣхъ дворянъ до владѣнія не допускаютъ, отговариваясь платежомъ оброка... И о томъ просить: не повелѣно ль будетъ разверстать тѣ урочища безоброчно, дабы ссоръ и дракъ не происходило“...

Въ то же время Темниковскіе городскіе жители давали *наказъ* своему депутату, купцу Михаилу Тараканову.

Прежде всего Темниковское купечество ходатайствовало *о милостивомъ разсмотрѣніи: не дозволено ли будетъ Темниковскаго купечества малолѣтнихъ и сильно престарѣлыхъ и слѣпыхъ и движенія не имѣющихъ... изъ оклада выключить*.

Темниковскаго уѣзда татарскіе мурзы и мордва, жаловалось далѣе Темниковское городское общество,—имѣютъ лѣса великими обширностями... и тѣхъ лѣсовъ тем-

никовскому купечеству въ дачу не произведено... и въ тѣ лѣса не впускають и чинятъ всегдашній запретъ.. И о томъ просить, дабы дозволено было Темниковскому купечеству и всѣмъ городскимъ жителямъ въ тѣ приуроченные лѣса... въѣздъ имѣть для дровянаго и хоронпаго дѣла... для лубья и дранья... на 20 верстъ въ сторону по урочищамъ.

Далѣ Темниковское купеческое ходатайство выражается такъ; „подъ городомъ Темниковымъ имѣется животинный выпускъ... по рѣкѣ Мокшѣ... и на той рѣкѣ рыбныя ловли... и всѣмъ тѣмъ владѣють немногіе дворяне... И не дозволено ли будетъ.. то владѣніе отдать города Темникова купечеству въ безспорное владѣніе“...

Темниковскіе купцы и мѣщане, очевидно, *насъдали* на окрестныя городовыя земли. Поэтому въ своемъ депутатскомъ *наказѣ* они продолжали: „подъ Темниковымъ городомъ имѣется стрѣleckое поле, и тѣмъ полемъ, пахатнымъ и непахатнымъ, владѣють однодворцы; и не дозволено ли будетъ изъ той великой обширности земли.. часть отдѣлить ко владѣнію купечеству.. и на оное требовать милостиваго разсмотрѣнія и повелительнаго владѣннаго указа“.

Сильно и слезно плакались Темниковскіе купцы на мѣстныхъ *воровъ, разбойниковъ и смертоубійцъ*.

„Отъ оныхъ злодѣевъ, писали они,—неповинно бывають мучительныя побои, и огнемъ немилостиво жгутъ.. И безъ пристрастныхъ допросовъ о томъ, кто съ ними въ непотребствахъ были, не показываютъ, чинятъ заперательства; и производяють объ нихъ обыски, яко они прежде того въ воровствахъ не бывали..., отъ чего имѣемъ отъ такихъ злодѣевъ дневныя и ночныя страхи, и въ проѣздахъ съ товарами по трактамъ претерпѣваемъ немалое

опасеніе и великую нужду съ ожиданіемъ крайняго отъ тѣхъ разоренія и кровопролитія и лишенія живота мучительною смертію... И не поведѣно ли будетъ съ оными злодѣи поступать по прежнимъ строгимъ узаконеніямъ“...

Темниковцы-купцы стремились также и къ тому, чтобы всякіе подряды и фабрики и заводы, *опричь дворянства и помѣщиковъ и прочихъ..*, усвоены были исключительно купечеству, *дабы купечеству крайняго недостатка и обиды не происходило.*

Темниковскіе бывые купцы, вѣроятно, были или феноменально здоровы, или же очень ограниченны. Со всего Темниковскаго купечества *положено было на уѣзднаго лѣкаря по тридцати рублевъ въ годъ..* А они упорно отказывались отъ врачебной помощи, *дабы напрасно не нести отягощенія.*

Въ своемъ *наказѣ* темниковскіе купцы горько жаловались на своихъ городскихъ выборныхъ, присутствовавшихъ въ ратушѣ ради *одного лакомства, отъ котораго происходило крайнее всѣмъ разореніе.* Темниковскіе купцы просили всѣ городскія *недомжки и недоборы возложить на выборныхъ, дабы оное все безстрашиа ихъ впередъ чинить не отваживались...*

Темниковскіе купцы, не смотря на ихъ умственное убожество и безграмотность, были люди *себѣ на умѣ.* Ума настоящаго у нихъ не было, а хитрости было вволю, хоть отбавляй. И вотъ эта сытая *чернядь* просить: „не соизволено ли будетъ позволить купцамъ дворовыхъ людей *купить* и въ домахъ для исправленія экономіи держать, мужска и женска пола, въ препорціи,... дабы свобода и пространство себѣ получить.“

Темниковскіе купцы *добирались* и до татаръ и ихъ мурзъ, имѣвшихъ въ нашихъ сѣверныхъ уѣздахъ *множест-*

венныя жалованныя земляныя дачи и всякія угодыя...

Всѣ эти татары изстари, какъ и теперь, склонны были къ торговлѣ. Это очень не нравилось темниковцамъ-купцамъ изъ русскихъ и они уполномочивали своего депутата ходатайствовать въ Комиссіи о *всеконечномъ* запрещеніи татарской торговли, *дабы темниковскому купечеству обиженнымъ не быти...* Къ этому ходатайству была добавка:... „и дабы принуждающіе изъ другихъ городовъ съ торги для покупки хлеба розницею, возами и мтрами оный брали бы покупкою у купцовъ“...

Въ то же время и Кадомскіе дворяне сильно хлопотали о своихъ земельныхъ льготахъ, на счетъ ясажныхъ и экономическихъ крестьянъ, однодворцевъ и иновѣрцевъ., Кадомское дворянство, писали они,—принуждены претерпѣвать нужды, особливо.. отъ бутниковъ поташныхъ заводовъ, коимъ лѣса и земли отведены не малые; а нынѣ оная съ нихъ бутниковъ работа сложена, а землю и лѣсами они пользуются и по нынѣ“...

Преслѣдуя исключительно свои интересы, Кадомскіе дворяне ходатайствовали и о томъ, чтобы ихъ крестьянъ никуда *въ проводники казенной денежной казны и съ колодниками безо всякой заплаты не наряжали.* По этому поводу они выражались о своихъ крестьянахъ такъ: „многіе изъ нихъ пропитаніе имѣютъ весьма бѣдное.. и пришли въ великое убожество... и безъ соли пищу употребляютъ“...

Кадомцы - дворяне, добиваясь всевозможныхъ льготъ, просили о сложеніи съ нихъ даже и банныхъ пошлинъ (по рублю въ годъ). *кои принуждены платить съ немалую нуждою...*

Они же - Кадомцы-дворяне усленно хлопотали о томъ, *дабы ихъ уполномоченные допущены были въ воеводскую канцелярію, съ правомъ единиче отъ себя главной командъ репортовать и сатисфакцію получить.*

Въ томъ же эгоистическомъ духѣ *работали* и Елатомцы.

Въ наказѣ Елатомскихъ гражданъ депутату Ивану Щукину сказано: „недостаточно при городѣ Елатъмѣ выгонной земли.. и въ томъ жители имѣють крайнюю нужду... И дабы разночинцы купеческимъ торгамъ помѣшательства не производили.. И дабы *подлме* люди покупали хлѣбъ именно у купцовъ“..

Въ нашихъ архивскихъ документахъ имѣется *наказъ* 1767 года и нашихъ сосѣдей — Касимовскихъ дворянъ. Наказъ данъ былъ полковнику Платону Оболдуеву.

Здѣсь говорится о томъ же, о чемъ и выше сказано было; и о земляхъ инородческихъ, и о дворянскихъ полномочіяхъ въ воеводской канцеляріи. и о *винной* монополіи...

Касимовскіе граждане говорили своему депутату Ивану Попову-Молчанову въ томъ же духѣ; они жаловались на недостатокъ городской выгонной земли (115 десятинъ при составѣ купечества въ 1183 души) и сѣнокосовъ (15 дес.), и *рыбныхъ ловель* Они же хлопотали о выводѣ изъ Касимова татаръ и о торговой монополіи, и о купеческой полиціи, и о правѣ покупать крѣпостныхъ...

Между прочимъ Касимовцы ходатайствовали: „купечеству на мостахъ и перевозахъ бываютъ великія препятствія... и грабежи... и дабы дозволено было купечеству въ своихъ обидахъ прошенія посылать прямо въ Правительствующій Сенатъ“.

Въ городѣ Касимовѣ въ описываемое время былъ только одинъ врачъ, на городъ и на уѣздъ. Жалованье полагалось ему, конечно, маленькое. При этомъ была также и маленькая квартирка отъ Касимовцевъ. И этому то бѣдному ученому труженнику Касимовскіе *несселасы* позавидовали и пожелали его, какъ *ненужнаго* чедовѣка,

сбыть..., На Касимовское купечество, писали Касимовцы, —наложенъ весьма тягостный поборъ въ платежъ жалованья лѣкарю и на содержаніе лѣкарской квартиры... И купечество съ такого побора претерпѣваетъ крайнюю тягость... а во ономъ лѣкарѣ никакого преимущества не имѣемъ. и чтобъ повелѣно было оный поборъ рѣченному лѣкарю съ Касимовскаго купечества отмѣнить“...

Лѣкаря Касимовцамъ было не жаль, а себя они жалели и просили удвоить городскіе торги — прибавить къ прежнему торгу день поведѣльничный, ибо то *споществуетъ купецкимъ и ремесленнымъ людямъ въ торгахъ и промыслахъ... и въ народъ происходитъ будетъ всякое удовольствие...*

Къ этому Касимовцы добавляли:., не соблаговолено ли будетъ купцамъ строить лавки, анбары, погреба, харчевни и кузницы безъ платежа оброковъ и платежныхъ денегъ?.. И не повелѣно ли будетъ привъзжающему народу хлѣбъ въ розницу не покупать, а покупать у Касимовскаго купечества изъ анбаровъ“...

Керенскіе дворяне давали такой наказъ своему депутату ротмистру Ломоносову... „чтобъ православная вѣра была во всей своей силѣ... чтобъ священники посвящаемы были благоговѣйнаго житія и ученые, и простой народъ не допускали бы до раскольниковъ, ибо оныхъ весьма умножилось и оныя, яко ханжи, таскаясь по селамъ, всячески прельщаютъ подлый народъ, а сельскіе священники и церковники нерадивые, и нѣкоторые стараются употреблять себя въ воровство; и оныхъ бродягъ, ежели гдѣ пойманы будутъ, —сѣчь кнутомъ и отсылать въ монастыри и употреблять въ тягчайшую работу и давать имъ только хлѣбъ и воду“...

„Которые судьи и секретари и канцелярскіе служители,

наказывали далѣ Керенцы.—за болѣзнію въ присутствіи не будутъ болѣ мѣсяца, у таковыхъ вычитать на *шпиталь* половину жалованья. . А когда черезъ 4 мѣсяца будутъ репортовать себя больными, и таковыхъ смѣнять по выбору другими дворяны жъ... А которые безчиновные, не изъ дворянъ, въ дѣлахъ дѣлаютъ остановки... и тѣхъ сѣчь кнутомъ. . а убытки взыскивать вдвое“...

Керенцы, между прочимъ, задумали *сократить* въ своихъ фабрикантовъ, *ибо оныя заводчики и фабриканты показываютъ всякія обиды, а паче и разоренія, и принимаютъ всякаго званія непотребныхъ и бѣглыхъ людей... И дабы тѣмъ фабрикантамъ привелегіевъ не давать... и крестьянъ-мастеровъ именовать казенными, а не партикулярными... А управителей и прикащиковъ, ежели они не имлющіе чиновъ офицерскихъ, за провинности битъ кнутомъ нещадно исылать съ женами и дѣтьми вѣчно въ ссылку...*

Относительно крѣпостныхъ рекрутовъ въ Керенскомъ депутатскомъ наказѣ сказано довольно человѣколюбиво, именно такъ: „когда оныя окажутся къ службѣ неспособными, таковыхъ въ инвалидныя команды не опредѣлять, а отпускать на прежнее жилище... И помѣщики содержали бы ихъ въ отѣмности отъ крестьянъ и довольствовались бы провіантомъ, одеждою и обувью, а въ работу крестьянскую не употребляли бы, кромѣ самой легкой домашней прислуги... А ежели при нихъ будутъ дѣти, въ службѣ прижитыя, (сыновья) и ихъ отдавать въ гарнизонныя школы, а коихъ приживутъ по отставкѣ, тѣ останутся помѣщикамъ“...

Воровство и разбои въ описываемое время крайне донимали Керенцевъ: „И то воровство, писали они — въ здѣшнихъ мѣстахъ весьма умножилось отъ слабости горо-

довыхъ судей... и для тишины и благоденственнаго пребыванія жителей... учредить дворянскихъ комисаровъ, дабы оны имѣли въ порученномъ имъ дѣлѣ прилежаніе и справедливость“...

„А дворянству, продолжали Керенскіе дворяне,—своихъ крѣпостныхъ содержать на прежнемъ основаніи въ своей власти и полномочіи... *ибо российской имперіи народъ сравненія не имѣетъ въ качествахъ съ европейскими*“...

Керенцы-дворяне крѣпко держались своихъ сословныхъ правъ. Поэтому они ходатайствовали: ...«А въ воинской службѣ, кромѣ дворянъ, въ оберъ-офицеры не производить, *хотя бы и иностранцы были да не изъ дворянъ*,... и кои не изъ дворянъ, тѣхъ производить только до сержанта»...

Керенское дворянское усердіе дошло до того, что его сословныя вождедѣнія выразились и такъ: «Не соблаговолено ли будетъ экономическихъ крестьянъ продать дворянамъ, кои военную службу продолжали добропорядочно, только каждому не болѣе 1000 душъ мужска полу... И которые достатка не имѣютъ онаго числа душъ купить... и тѣхъ не отженять отъ покупки... и велѣть имъ вносить ежегодные проценты... И тѣ заслужившіе чины... могутъ себя поправить и фамилію свою безъ упадку имѣть»...

Керенскіе дворяне, очевидно, православно-русскимъ патриотизмомъ не особенно отличались. Къ православному духовенству они, по разнымъ причинамъ относились свысока. Этимъ именно и объясняется слѣдующая просьба Керенскаго дворянства:

«Церковниковъ и прочихъ духовнаго чина людей писать въ военную службу, а негодныхъ—въ подушный окладъ.. или на поселеніе въ Сибирь и казенные заводы, дабы чрезъ то воровство и разбой пресѣчены быть могли»...

«Кои не изъ дворянъ, настаивали Керенцы, — а получили чины офицерскіе... изъ подъячнхъ, и у тѣхъ у всѣхъ вотчины отписать на Государя»... *)

Желая дополнить Тамбовскую бытовую исторію, я предлагаю вниманію читателей краткій очеркъ „изъ исторіи нашего русскаго и инородческаго землевладѣнія“.

При этомъ я не могу не отмѣтить извѣстной великодушной и глубоко симпатичной черты *терпимости* и, даже, *дружелюбія*, съ которыми мѣстное населеніе, наравнѣ со всею Русью, относилось къ мѣстному же инородческому населенію. Какъ имѣющій счастье принадлежать къ великому русскому народу, любвию, снисхожденіемъ и ласкою непоказною обнимающему *всѣхъ и вся*, я вполнѣ сочувственно, всею мыслию и всѣмъ сердцемъ, дѣлаю читателямъ свой историческій докладъ въ вышеуказанномъ смыслѣ...

III.

Изъ исторіи инородческаго и русскаго землевладѣнія въ Тамбовскомъ краѣ.

Въ 1889 году тамбовская архивная комиссія получила изъ сенатскаго архива нѣсколько мѣстныхъ спорныхъ *межевыхъ дѣлъ*, производившихся въ началѣ текущаго столѣтія. Такъ какъ въ указанныхъ дѣлахъ встрѣчаются многочисленныя ссылки на писцовые документы XVI—XVII в.в., то я, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, постараюсь дать въ предлагаемой статьѣ нѣкоторыя исто-

*) Въ эти депутатскіе указы полностью недавно доставлены въ Тамбовскую ученую архивную Комиссію, но въ «Извѣстіяхъ» этой комиссіи еще не напечатаны.

рическія указанія на размѣры и условія нашего стариннаго землевладѣнія.

Большинство Тамбовскихъ вотчинъ, XVI—XVII в. принадлежало инородцамъ: Мордвѣ, Мещерѣ, Буртасамъ и Татарамъ. Въ то время нашихъ инородцевъ особенно много проживало въ Кадомскомъ и Шацкомъ уѣздахъ. Всѣ они пользовались своими угодьями или въ силу родового права, или же въ силу царскихъ пожалованій *за многія и великія службы, за крѣпкое стояніе, за нужу и увѣчья.*

Между инородческими фамиліями описываемой эпохи встрѣчаются въ нашихъ документахъ слѣдующія: Тенибяковы, Ахмаметевы, Девлеткильдѣвы, Анчурины, Маманлаевы, Кудашевы, Разгильдѣвы, Бигловы, Тарбѣвы, Дивѣвы и др. Ихъ вотчины и земли лежали по рѣкамъ Саватьмѣ, Малой Еремшѣ и Большой Еремшѣ, Мердушѣ, Ширяевкѣ, Кріушѣ, Мокшѣ и Ваду, и многія изъ нихъ отличались такими обширными размѣрами, о которыхъ большинство современныхъ богачей — землевладѣльцевъ и помышлять не можетъ. Такъ, въ кадомской писцовой *записи* 1625 года о лѣсныхъ владѣніяхъ князя Колубая Тенибякова сказано такъ: „у князя Колубая лѣсъ большой, хоромный и дровяной и бортиныя ухожья, а сколько мѣры тому лѣсу, того не записано“. Про другаго кадомскаго владѣльца, мещерянина Флора Слѣпцова въ писцовой книгѣ имѣется такая записъ: „у того Слѣпцова лѣсъ хоромной за рѣкой Еремшей и тотъ лѣсъ по красную сосну и за оною на 20 верстѣ“.

Натуральныя богатства отдѣльныхъ лицъ описываемого времени были таковы, что землевладѣльцы, имѣвшіе у себя строеваго лѣса въ длину 1½ версты, а въ ширину около версты, что въ настоящую пору составило

бы цѣлое состояніе, считались у Кадомцевъ бѣдняками. Правда, что всѣ эти обширныя угодья большею частію лежали *впусть*, удовлетворяя только домашнимъ и вотчиннымъ потребностямъ, и не вызывали *никого* изъ инородческихъ владѣльцевъ на какое либо торгово-промышленное предпріятіе. Обширнѣйшіе и драгоцѣннѣйшіе лѣса наши укрывали въ своихъ темныхъ захолустяхъ массу всякаго дикаго крупнаго и мелкаго звѣря; въ нихъ *зря* изъ года въ годъ пропадали безъ употребленія всякіе плоды лѣсные; надъ этими лѣсами не умолкая носился таинственный шумъ лѣснаго вѣтра и подъ этотъ снотворный шумъ безпробудно спали и дремали мѣстныя культурныя силы, которыя могъ пробудить, и то отчасти только, Императоръ Петръ Великій...

Нѣкоторые изъ вышеуказанныхъ инородческихъ вотчинниковъ основывали въ своихъ владѣніяхъ, еще въ XVI вѣкѣ, села и деревни, на примѣръ: Аносово, Булышевъ Починокъ, Оедосову Поляну, Новинки, Высокія Поляны, Анаево, Селищи, Ялтуново, Ширингушу, Чернитоно, Томниково (съ бортинымъ ухожемъ на 41000 д.), Ярково, Кяргу, Атюрево и Теньгуши. Близъ одной изъ этихъ вотчинъ, въ имѣніи Османа Анчурина, было урочище особенно уважаемое Мордвой и теперь совершенно забытое. Тамъ между старыми деревьями было грубое каменное изваяніе медвѣдя, а называлось оно: *камень-медведь*. Въ былые годы мордовско-мещерскаго язычества *камень медведю* оказывались божескія почести. Близъ него приносились мордовскія жертвы и было великое бражное пированье... А мордва умѣла варить крѣпкую розымчивую брагу издавна. Мордовская *поза* можетъ свалить человека съ ногъ не хуже портера.

Между нашими инородческими землевладѣльцами

XVI—XVII вв. не мало было выходцев и изъ Крыма. Иные Крымцы селились у насъ *неволею*, попадая въ наши *украшныя* мѣста въ качествѣ *полоняниковъ*, и впоследствии получали земли и разныя угодья *за крѣпкое стояніе* противъ тѣхъ же Татаръ, изъ среды которыхъ сами вышли. Другіе приходили къ намъ *доброю волею*, избѣгая крымскихъ междоусобій и тяготѣя къ мѣстнымъ своимъ родичамъ, житье которыхъ, какъ это было имъ хорошо извѣстно, отличалось широкимъ привольемъ, относительно согласіемъ съ господствующимъ населеніемъ и полнымъ достаткомъ.

У крымскихъ переселенцевъ, за ихъ *многія и великія службы*, скоро появились русскіе крестьяне *въ тяглы и на дворовыхъ побѣгушкахъ*: разныя Васьки, Харитонки, Лучки, Ваньки, Власки... и новопожалованные помѣщики стали помыкать ими не мягче другихъ и съ опытностью исконныхъ владѣльцевъ. Отъ этого въ татарскихъ вотчинахъ происходили разныя замѣшательства и частые крестьянскіе побѣги. А лѣсовъ и всякихъ *пустошей* было у насъ тогда вволю и нашимъ горемычнымъ *бродникамъ* было гдѣ укрыться отъ поисковъ. Не могли они укрыться только отъ холода лютаго и отъ безкормицы и часто погибали въ лѣсныхъ и степныхъ захолустьяхъ...

Крымскіе переселенцы не сразу входили въ обычное теченіе русской жизни и нерѣдко донимали нашъ край своими степными, хищническими привычками. На это обстоятельство отчасти указываютъ тѣ своеобразныя и характерныя названія мѣстныхъ рѣчекъ и урочищъ, которыя сохранились въ Кадомскихъ и Шацкихъ писцовыхъ книгахъ. Эти названія таковы: пустошь Каверза, Уломское Раменье, рѣчка Воронка и Кистеневка, Дураковская пустошь... Но съ теченіемъ времени крымскіе *иги и мурзы*

увлекались общимъ характеромъ и направлениемъ русской жизни и втягивались въ обще-русскую житейскую колею. Постепенно они принимали православную вѣру, забывали свой родъ-племя и становились *истовыми, прирожденными* слугами блага царя, и только ихъ русскія фамиліи (Крымовы, Крымскіе) смутно напоминали ихъ прошлое.

Большинство нашихъ татарскихъ насельниковъ *остало* на нашей Тамбовской землѣ, конечно, въ эпоху Батыева нашествія. Это было въ 1237 году...

Въ писцовыхъ книгахъ первой половины XVII в. есть указанія на усиленное развитіе въ Тамбовскомъ краѣ и русскаго землевладѣнія. Въ это время князь Борисъ Репнинъ владѣлъ въ Шацкомъ уѣздѣ, въ Замокшенскомъ стану, многими селами, деревнями и починками. Въ нѣкоторыхъ его вотчинахъ, на примѣръ, въ селѣ Вознесенскомъ, были построены обширныя боярскія хоромы со всякими *угодьями*, а близъ хоромъ возвышались церкви Божіи, усердіемъ боярскимъ устроенныя, съ богатымъ *Божіимъ милосердіемъ*, съ полнымъ *кругомъ* церковныхъ книгъ и съ *краснымъ* звономъ. Заботливость боярина о церковныхъ нуждахъ простиралась до того, что онъ устроилъ во многихъ своихъ вотчинахъ, для зимняго времени, теплые придѣлы.

До какой степени богатъ былъ Репнинъ, видно изъ слѣдующей писцовой приписки: „а лѣса у князя Бориса Александровича большіе и измѣрить ихъ нельзя... и его урочища безъ мѣры“.

Еще обширнѣе Рѣпнинскихъ владѣній были вотчины *великой иноки* Марѣы Ивановны, боярина Ивана Никитича Романова и боярина Льва Корилловича Нарышкина (села съ приселками: Канобѣво и Тархань) Вокругъ этихъ тамбовскихъ столповъ русскаго землевладѣнія *оспадали*, строились и хозяйничали и другіе Русскіе большою

частью мѣстные служилые люди: Дубовицкіе, Сабуровы, Сатины, Небольсины, Чихачевы, Молчановы, Ярцовы, Ерины, Свищовы, Брюхатовы, Вышеславцевы, Боборыкины, Лихаревы и вообще всѣ тѣ фамиліи, представители которыхъ воеводствовали или же правительствовали на разныхъ служилыхъ поприщахъ...

Къ концу XVII вѣка среди тамбовскихъ вотчинниковъ, кромѣ Репнинныхъ, Романовыхъ и Нарышкиныхъ, появились и другіе именитые роды. Они устроились по Окѣ, Цѣ, Ваду, Дону, Хопру и Воронѣ. Изъ нихъ особенно выдавались обширностію вотчинъ Салтыковы, Хрущевы, Прозоровскіе, Воротынскіе, Воронцовы, Долгорукіе, Одоевскіе. Всѣ ихъ помѣстья созидались на мѣстѣ *дикихъ и порозжихъ* полей, въ такихъ лѣсныхъ труппахъ и степныхъ пустыряхъ, въ которыхъ русскій человекъ до толѣ былъ только рѣдкимъ гостемъ и охотникомъ. Богомольные вотчинники, по обычаю, строили на своихъ усадьбахъ церкви, исключительно деревянныя, изъ бревенчатаго лѣсу, и снѣшили собирать къ себѣ, на свои привольныя пустоши, вольныхъ и подневольныхъ насельниковъ, налагая на нихъ натуральныя вотчинныя повинности и легкій *медвяный, куличный и денежный* оброкъ.. Нѣкоторые лѣсные землевладѣльцы, напримѣръ Хрущовъ, не довольствуясь своими землями, захватывали *порозжія* земли, смаивали къ себѣ пришлую бездомную *голытбу*, приходившую со всѣхъ концовъ русскихъ, тщательно укрывали ее отъ воеводскихъ розысковъ и хозяйничали на *широкую ногу*. Такъ, еще въ началѣ XVII в. названный Хрущовъ устроилъ у себя обширныя *винныя заводы* и въ связи съ этимъ дѣломъ организовалъ, впрочемъ на хищническихъ началахъ, лѣсныя порубки и лѣсопильни.

Бывали въ XVI—XVII в.в. и такіе случаи, что на

земляхъ извѣстныхъ владѣльцевъ насельники селились самовольно, и когда ихъ начинали сживать съ облюбованныхъ ими мѣстъ, то они горячо и въ сознаниіи мнимыхъ правъ своихъ на *Богоданную* землю, отстаивали себя и свои пепелища.. Тогда начинались затяжныя спорныя *дѣла*, которыя были *на руку* приказнымъ избамъ и воеводамъ и *волочили* десятки и болѣе лѣтъ. Чаше всего самовольныхъ насельниковъ стоняли съ чужихъ земель и они шли на новыя мѣста, получая иногда надѣлу изъ казенныхъ земель *десятинъ по 15* на душу; но бывала и для нихъ удача, если имъ попадался, на ихъ счастье, *ловкій* и денежный *ходокъ*...

Довольно значительнымъ количествомъ писцевой земли владѣли въ описываемое время также и духовныя лица. Кормилица-земля въ былые годы была главнымъ источникомъ доходовъ нашихъ причтовъ, такъ какъ *ручные доходы* ихъ были, вообще, ничтожны—за скудостію денегъ во всемъ краѣ. Наши церковники болшею частію селились близъ церквей *на погостахъ*. Ихъ избы окружены были убогими хатками церковныхъ бобылей, и всѣ эти поселки отличались малодворностію, уединенностію и глубокимъ затишьемъ.

Нельзя умолчать и еще объ однихъ нашихъ земле-владѣльцахъ, укоренившихся въ Тамбовскомъ краѣ именно въ XVII вѣкѣ. Это— боярскія дѣти, полковые казаки, солдаты и ясашные крестьяне. Потомки тамбовскихъ боярскихъ дѣтей, впоследствии, съ измѣненіемъ ихъ бытовыхъ условій, именовались *однодворцами*, а теперь почти всѣ они—крестьяне. Этими боярскими дѣтьми въ XVII вѣкѣ населено было цѣлое *Сокольское Усаднище*, нынѣшняго Липецкаго уѣзда, и каждый изъ нихъ получилъ въ надѣлъ *по 60 четвертей въ полѣ*. Боярскія дѣти поселены были

также въ селѣ Малыхъ Пупкахъ, Козловскаго уѣзда, по ихъ надѣль былъ почему-то мельче: отъ 40 до 10 четвертей въ полѣ... Что касается полковыхъ казаковъ и солдатъ, то они въ XVII вѣкѣ жили, напримѣръ, въ селѣ Татановѣ, въ слободѣ Донской, въ селѣ Двойнѣ и вообще близъ такъ-называемой *черты* и около городовъ, городковъ и остроговъ. Это были прототипы Аракчеевскихъ военныхъ поселенцевъ, но, разумѣется, ихъ обыденные порядки, не смотря на украинныя тревоги тамбовскаго быта въ XVII вѣкѣ, были неизмѣримо легче, и самая матеріальная обстановка ихъ отличалась довольствомъ и достаткомъ, такъ какъ, напримѣръ, Татановскіе казаки и солдаты получали въ надѣль по 25 четвертей въ полѣ и по 50 копенъ сѣна. Ясашные же крестьяне, большинство которыхъ устроилось на сѣверѣ, были меньше обеспечены землей и получали на душу только по 8 четвертей въ полѣ...

Вотъ и весь земледѣльческій контингентъ, отмѣченный въ нашихъ архивныхъ документахъ, постепенно и трудолюбиво создавшій настоящее экономическое положеніе Тамбовской губерніи. Къ сожалѣнію, въ этихъ документахъ нѣтъ указаній на главную нашу рабочую, черноземную силу, на черносошныхъ крестьянъ. О нихъ мы скажемъ послѣ, на основаніи несомнѣнно ожидаемыхъ архивскихъ дѣлъ, и тогда дополнимъ то, о чемъ не договорили...

Кромѣ земледѣлія, какъ основы мѣстнаго экономическаго благосостоянія, въ нашемъ краѣ были и иные промыслы, напримѣръ, *льсной, звериный, овчинный, медовый, шерстобитный и торги*. Послѣдніе учреждались въ каждомъ городѣ и значительномъ селѣ...

Справляясь съ многочисленными мѣстными истори-

ческими документами, отобранными для хранения тамбовскою архивною комиссіею, мы не можем не придти къ убѣжденію, что тамбовскій экономическій бытъ XVI—XVII вѣковъ развивался при весьма неблагоприятныхъ условіяхъ. Сильное препятствіе мѣстному землевладѣнію оказывали разные наши *украинные вороги*, о которыхъ я писалъ уже не разъ... Вотъ почему наши богатые вотчинники воздвигали у себя въ имѣніяхъ цѣлыя остроги и крѣпости. Такъ, на примѣръ, въ Лебедянскомъ селѣ Мокромъ Боеракѣ, принадлежавшемъ сперва боярину Ивану Никитичу Романову, а послѣ него зятю его князю Воротынскому, боярская усадьба находилась въ слѣдующемъ состояніи.

«Въ селѣ Мокромъ Боеракѣ городъ, острогъ стоячій дубовый съ обламами, по острогу башни дубовыя. Да башня осмиугольная проѣзжая, надъ воротами образъ въ кіотѣ Спасителевъ. Въ башнѣ пушка ломовая, восемь гривенокъ ядро, мѣрою въ длину 4 аршина безъ чети; да на среднемъ и верхнемъ мостахъ по полковой пушкѣ, по двѣ гривенки ядро. Да на другихъ башняхъ многія пушки и 25 пищалей навѣсныхъ... А въ томъ городѣ всякое хоромное и дворовое строеніе: три житницы, приказная изба, *двойня* и хоромы, да изба *подземная* и мыльня съ сѣвьями»...

Въ подобныхъ вотчинахъ не рѣдко селились у насъ сами вотчинники, особенно тѣ изъ нихъ, которыхъ почему либо не жаловали въ Москвѣ. Жили они *на всей своей волѣ*, воеводѣ не признавали и наводили страхъ на всѣхъ своихъ сосѣдей. Бывало и такъ, что сосѣди-вотчинники грубо ссорились между собою и производили значительные безпорядки въ тогдашней мѣстной общественной жизни. Одинъ изъ такихъ фактовъ въ половинѣ

XVI вѣка совершился въ Верхоценской волости. Князь Михаилъ Одоевскій, владѣлецъ села Истобнаго, поссорился съ княземъ Иваномъ Голицынымъ, и вотъ что вышло изъ этой ссоры. Когда *князь—Михайловы крестьяне притѣжали въ Голицынскую вотчину на торгъ, ихъ, по приказу князя Ивана, били и грабили и продажное у нихъ отымали за полицны, безъ всякаго торгу... *)*

Къ числу неблагопріятныхъ условій нашего отжившаго землевладѣнія относятся также и пожары, которые въ прежнія времена губили наши поселенія и житницы еще болѣе, чѣмъ теперь. Противъ нихъ правительство принимало охранительныя мѣры, какъ это видно изъ слѣдующей *памяти* 1661 года, приводимой мною въ сокращенномъ видѣ.

«...И вамъ, козловскій боярскій сынъ Минай Еньковъ и площадный дьячекъ Ларька Хвоценскій, заказъ крѣпкій съ великимъ запрещеніемъ, чтобы всякихъ чиновъ люди въ нынѣшнее лѣтнее время избѣ и бань не топили николи, для ради береженья отъ пожару, и избѣ и бани у всѣхъ людей запечатать. А для ради хлѣбнаго печенья велѣть людямъ сдѣлать печи на пустыхъ мѣстахъ, у рѣкъ и на огородахъ далече. А для береженья отъ пожару велѣть всякому человѣку на всякой избѣ поставить кадки и бочки съ водою и метлы и помелы. Да вамъ бы, Минаю и Ларькѣ, смотрѣть накрѣпко, чтобъ по улицамъ ночью были сторожи, да самимъ бы вамъ смотрѣть въ день и въ ночь безпрестанно. А будетъ вы сыщете, кто избу или баню топить и печати портить, и быть тѣмъ людямъ въ жестокомъ наказаньи. А будетъ вы, Минай и

*) Собраніе матеріаловъ для исторіи западнаго края Тамбовской губерціи и епархіи. Тамбовъ 1878 г. стр. 12.

Ларька, учтите кому поровить и поминки и посулы и гостинцы имать, и вамъ быти въ великой оналѣ подѣ смертною казнію»...

Пожары губили у насъ не одни поселенія. Часто они обнимали наши степи, на которыхъ въ былые годы росла высокая сплошная трава, приближались къ тамбовскимъ и козловскимъ *валовымъ крѣпостямъ* и истребляли деревянные городки и башни. Опасность отъ степныхъ пожаровъ была такъ велика, что нашимъ воеводамъ и стрѣleckимъ головамъ ввѣнено было въ обязанность особенно зорко слѣдить за степью и выжигать траву около валовъ, танувшихся отъ Козлова до Усмани, *чтобы пожаръ не подошелъ къ валу и не пожегъ крѣпостей. Памяти* нашимъ воеводамъ по этому поводу отличались особенною настойчивостью. Въ 1662 году изъ Приказа Козловскому воеводѣ Дихареву и головѣ Муромцеву писано было такъ: «какъ къ вамъ ся память придетъ и вы бѣ ѣздили по валу въ день и въ ночь и берегли бы его накрѣпко, и сотеннымъ головамъ приказывали бѣ съ большимъ пристрастіемъ, дабы они, стоя съ сотенными людьми на валу, берегли его отъ пожаровъ. А какъ не будетъ вѣтру и вамъ съ береженьемъ обжечь траву у валу». *)

По тамбовскимъ городкамъ, валамъ и *чертамъ* въ описываемое время правилась усиленная сторожевая служба, отвлекавшая массу мѣстнаго люда отъ хозяйственныхъ занятій. Но иные стрѣleckіе, полковые и сотенные головы въ своихъ интересахъ, за большія взятки, распускали служилыхъ людей по домамъ и убыль сваливали на

*) Этотъ текстъ списанъ съ черновой *памяти*, помѣченной 19-мъ числомъ марта.

итчиковъ и бѣглыхъ. Правительству приходилось считаться и съ этимъ зломъ, чтобъ *какого дурна и поружи не учинилось отъ приходу воинскихъ людей*. Воеводамъ посылались грозныя памяти примѣрно въ такомъ родѣ: «и ты, голова Неупокой Михайловъ, присланъ въ Бѣльскаго городокъ службу служить, а не блудить для своей бездѣльной корысти. Скоро голова хочешь быть богатымъ, чего тебѣ не указано... И какъ къ тебѣ ся память придетъ, и тебѣ впредь не плутать и итчиковъ не справлять и не укрывать и по домамъ не отпускатъ... А жить тебѣ въ Бѣльскомъ городкѣ безъ всякіе гордости, бережно и осторожно, чтобъ воинскіе люди—татарова къ Козловскому валу безвѣстно не пришли и дурна и поружи надъ государевыми людьми и надъ крѣпостями не учинили»... **)

Въ 1661 году землевладѣнію угрожала новая опасность. Гетманъ Хмѣльницкій измѣнилъ Москвѣ и собирався идти на ея украины. 22 ноября названнаго года козловскому приставу Сергѣю Бедрину по этому поводу дана была изъ Москвы слѣдующая *память*: „Приставу Сережкѣ Бедрину. Кликати бѣ тебѣ въ Козловѣ въ торгу и всѣмъ людѣмъ прочесть ся память вслухъ... А великому Государю вѣдомо учинилось подлинно, что Хмѣльницкій и казаки измѣнили и, сложася съ ляхами и татарами, хотять приходить на государевы украины. И козловцы, всякихъ чиновъ люди, ставили бѣ въ городѣ избы и клѣти и возили свои запасы и конскіе кормы, и сами бѣжали бѣ въ осаду съ женами и съ дѣтьми и со всѣми своими животы. А вина бѣ и браги и пива отнюдь не варили, чтобъ для осаднаго времени отъ пьянства уняли-

*) Приведенная *память* послана въ Бѣльскій городокъ 21 мая 1661 г.

ся. А кто станетъ пьянства держаться и на тѣхъ людѣхъ доправить пени по 10 рублей на человѣкѣ и быть тѣмъ людѣмъ въ жестокомъ наказаньи“... *)

Всѣ наши полевая работы производились до самаго начала 18 вѣка, какъ извѣстно, военнымъ способомъ. Работники выѣзжали на поля и луга вооруженные. Одни изъ нихъ работали, а другіе стояли *сторожею съ нищальми и съ рогатины и со всякими бои* и зорко по-сматривали во всѣ стороны изъ своихъ укрѣпленныхъ обозовъ. И всѣмъ имъ бывалъ одинъ неизмѣнный наказъ: *„стоять на степи крѣпко и остерожливо, а ставъ на стану смотрѣть накрѣпко татарскіе сакмы“*... Полевая работы обыкновенно производились подъ надзоромъ особо назначенныхъ головъ и атамановъ, которымъ воеводы давали инструкціи въ такомъ родѣ: „.... а какъ изъ кустовъ или ложковъ нападутъ на васъ воинскіе люди и вамъ бы татаръ боемъ отбить или утечь. А для береженья, въ полѣ и на сѣнныхъ покосѣхъ, посадить вамъ на высокихъ мѣстахъ и на деревьяхъ сторожей, а подъ деревьями стояли бѣ товарищи ихъ съ лошадьми, осѣдлавъ лошадей наготовѣ, чтобъ воинскіе люди изъ степи не пришли безвѣстно и ксцовъ не побили бѣ и въ полонъ не поймали“... Каждый рабочій день на нашей степи оканчивался раньше сумерокъ. Около этого времени атаманы разѣзжали по полю и сбивали народъ въ укрѣпленный телѣжный обозъ... *) Случалось, что татары и ногайцы нападали на обозы, но бывали и фальшивыя тревоги. Это видно изъ письма Вѣльскаго головы Муромцева къ Козловскому воеводѣ Василю Лихареву:

*) *Память* приведена мною сокращенно, по въ главныхъ и существенныхъ чертахъ.

**) *Память* Козловскому боярскому сыну Ульяну Васильеву, 5-го іюля 1663 года.

«Государю воеводѣ голова Муромцевъ челомъ бьетъ. А буди, государь, здоровъ на многія лѣта Да писалъ ты, государь, что въ ночи билъ я въ колоколъ и изъ ружья стрѣлялъ. И у меня всполохъ учинился отъ лошади: ходила въ степи больная лошадь подбрела подъ карауль, а караульщикамъ покажись, что человекъ подходитъ, и прибѣжали ко мнѣ, а я въ колоколъ билъ и изъ ружья стрѣлялъ для ради береженья»...

1681 годъ былъ особенно тяжелымъ годомъ для Тамбовскаго земледѣльческаго края. Кромѣ обычныхъ нашихъ враговъ, намъ угрожали въ то время *измѣнникъ Юраско Хмельницкій* и моровое повѣтріе, надвигавшееся со стороны Польши. При такихъ обстоятельствахъ царь Феодоръ Алексѣевичъ приказалъ образовать Тамбовскій Городовой Разрядъ, въ который вошли 21 городъ, въ томъ числѣ Воронежъ. А разряднымъ воеводой, съ главною квартирой въ Козловѣ, царь повелѣлъ быть воеводѣ и стольнику Борису Петровичу Шереметеву, подъ начальствомъ котораго собраны были три рейтарскіе полка и семь солдатскихъ, не считая конейщиковъ, стрѣльцовъ, пушкарей, казаковъ, станичниковъ и подъемщиковъ.

Чтобы сильнѣе расположить въ свою пользу Донскихъ Казаковъ, царь приказалъ Шереметеву изготовить на Воронежъ струги и на тѣхъ стругахъ отправить на Днѣ слѣдующіе дары: *4500 рублей денегъ, 400 половинокъ суконъ анбурскихъ, 200 пудъ зелья ручнаго и пушечнаго, 100 пудъ свинцу, да хлѣбныхъ запасовъ 6000 чети и 400 ведръ вина.* Это была первая посылка. Въ то же время начали готовиться по всѣмъ тамбовскимъ городамъ и уѣздамъ и еще къ новымъ Донскимъ поминкамъ.

Всякое жалованье *солдатскимъ полковникамъ* въ опи-

сываемое время доставлялось изъ Козлова. Почти всѣ солдатскіе полковники были иностранцы, на примѣръ, Юрій Франкъ, Андрей Шильдеръ и Яганъ Боровъ. Отсюда же разсылались по полкамъ и командамъ и лекарства, которыя были присланы тогда въ нашъ край изъ Московскаго аптекарскаго приказа въ первый разъ. Руководить мѣстною медициной прибылъ лѣкаръ Андрей Бекаръ *со ученики и лѣкарствы*. Изъ лѣкарской *рописи* видно, что лѣкарствъ прислано было къ намъ 8 названій пластырей и 55 названій мазей на 154 руб. 4 деньги. Про другія лѣкарства въ *рописи* не говорится ни слова, да и эти пластыри на другой же годъ, *за ненадобностію*, возвращены были въ Москву... *)

При такихъ то условіяхъ развивалось землевладѣніе въ нашемъ краѣ. Къ концу XVII вѣка оно стало, безспорно, господствующимъ—русскимъ. Мѣстные инородцы, особенно Татары, далеко не радовались усиленію у насъ русскаго элемента и по возможности, конечно, вредили ему..

Отъ предыдущихъ бытовыхъ описаній я перехожу теперь къ новому (тоже) бытовому описанію. Я хочу сказать нѣсколько словъ о тамбовской бывшей школьной *учительности и книжности*.. Это моя излюбленная тема... Старѣющій педагогъ, всю жизнь свою посвятившій просвѣтительному дѣлу, любящій всѣмъ сердцемъ и это дѣло, и дорогую школьную молодежь, и, смѣю сказать, отеческимъ сердцемъ вѣрующій въ эту молодежь—я напомню своимъ читателямъ о томъ неприглядномъ прошломъ, какое было и, слава Богу, проходить... Дѣло педагога, какъ всякій долженъ понимать, великое, святое дѣло. Истин-

*) Лѣкарства отосланы были въ Козловъ 8 марта 1681 года.

ный педагогъ первый другъ родителей и первый же другъ самихъ дѣтей. И *благо* будетъ педагогическое *иго* и *бремя* педагогическое *легко* будетъ, если вести дѣло по Божьему, по настоящему. Педагогъ знающій свое дѣло и любящій его, педагогъ отчески любящій порученныхъ ему дѣтей, малыхъ и большихъ—все равно, несомнѣнно одинъ изъ самыхъ видныхъ общественно-государственныхъ дѣятелей нашего дорогаго отечества, столь нуждающагося *въ свѣтъ*... И съ высоты Престола царскаго давно уже сказано: да будетъ свѣтъ И свѣтъ этотъ и теперь уже во тьмѣ массовой болѣе или менѣе ярко *свѣтитъ*... То есть теперь, а прежде было вотъ что... --

IV.

Первые опыты училищнаго дѣла въ Тамбовскомъ краѣ.

Дѣло разумно-систематическаго обученія и воспитанія юношества, безъ всякаго сомнѣнiя, какъ сказано выше, величайшее государственное дѣло, къ которому должны быть направлены преимущественно симпатiи и энергiя государства, общества и частныхъ людей. Что посянешь, то и пожнешь, говоритъ мудрая русская пословица... И если бы мы настойчиво, умѣло, а главное—съ неустанною любовью воспитывали своихъ дѣтей, то внѣ всякаго сомнѣнiя, огромное большинство ихъ представило бы изъ себя контингентъ людей разумныхъ и честныхъ, вѣрныхъ и драгоцѣнныхъ слугъ государства и общества. Темными, невѣжественными людьми кишитъ наша земля. Суды наши завалены безчисленными дѣлами о преступленiяхъ противъ государства, общества и церкви... Откуда вся эта масса погибшихъ людей? Справьтесь, и вы почти всегда найдете

разгадку отрицательныхъ явленій нашей жизни въ условіяхъ воспитанія нашей молодежи, къ которымъ не всё мы относимся съ должнымъ вниманіемъ и разумѣніемъ... Государство и общество давно уже поняли эту великую и простую истину и посильно дѣлаютъ свое просвѣтительное дѣло; систематическое просвѣтительное дѣло началось у насъ съ относительною силою въ послѣднія три царствованія... Но все-таки, этому дѣлу слишкомъ далеко до конца. Великая правительственно-общественная работа только въ началѣ.. Сразу ея не осилишь. Такъ много накопилось у насъ матеріала для просвѣтительной работы, и такъ мало еще искусныхъ работниковъ просвѣщенія...

Если теперь, при сравнительно огромныхъ успѣхахъ русскаго народнаго просвѣщенія, являются *сомнѣнія* въ его совершенствахъ и горячія желанія дальнѣйшаго его развитія, то что сказать о прошлой нашей жизни, крайне убогой въ просвѣтительномъ отношеніи, и о прежнихъ условіяхъ нашего народнаго воспитанія?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ послужить слѣдующая моя историческая справка, составленная по архивнымъ документамъ, изображающимъ такія условія былой русской жизни въ одной изъ срединныхъ ея областей, при которыхъ эта жизнь, конечно, не могла имѣть должнаго развитія.

До начала русско-христіанской колонизаціи въ Тамбовскомъ краѣ, т. е. до половины XII вѣка, на всемъ пространствѣ нынѣшней Тамбовской губерніи *не было ни одного грамотнаго человека*, какъ я уже писалъ объ этомъ во второмъ своемъ выпускѣ. Только немногіе мѣстные обыватели, промышленники да сборщики податей и пошлинъ, прѣбавлялись въ силу необходимости обычными *чертами и рѣзами*... Въмѣсто религіи было сплошное и дикое

языческое суевѣріе. вмѣсто ума человѣческаго съ его идеалами и широкимъ практическимъ кругозоромъ являлась житейская узкая хитрость. вмѣсто чистой нравственности являлся практической эгоизмъ. Тьма была великая по всей нашей Тамбовской землѣ... Когда же въ концѣ XII вѣка возникли у насъ христіанскія приходскія церкви и монастыри, то вмѣстѣ съ тѣмъ въ духовенствѣ и монашествѣ даны были мѣстному населенію и первые учителя грамотности. Но и при этихъ новыхъ условіяхъ мѣстной жизни книжное дѣло шло у насъ съ величайшею медленностію и ограниченностію развитія, такъ какъ церквей до самаго конца XVII вѣка въ нашемъ краѣ было очень мало, но нѣскользу десятковъ на каждый нынѣшній уѣздъ. Слѣдовательно и учителей грамотности было у насъ мало, да и охочихъ до грамоты людей взять было не откуда, и самое обученіе шло механически, возбуждая въ нашихъ немногочисленныхъ *питомцахъ* сознаніе школьной *муки-мученической*, и только!...

Среди разноплеменнаго мѣстнаго населенія и въ виду постоянныхъ набѣговъ разныхъ кочевниковъ, наши первые русскіе поселенцы принуждены были думать ежедневно не о грамотности, а о личной своей безопасности, и это одна изъ самыхъ главныхъ причинъ ихъ умственной косности. Что же касается правительства, обыкновенно стоявшаго во главѣ русскаго просвѣщенія, то до самаго начала XVII вѣка оно заботилось относительно нашего края отчасти о его охранѣ, но еще болѣе о собираніи государственныхъ пошлинъ. Въ то время, какъ старорусскія и даже сибирскія области имѣли своихъ многочисленныхъ лѣтописцевъ, сказателей и авторовъ религіозныхъ и отреченно-литературныхъ опытовъ, въ предѣлахъ Тамбовскаго края не было ни одного серьезнаго лѣтописца или иного

какого либо выдающагося автора до самаго конца XVIII вѣка. Мы знаемъ только двѣ тамбовскія лѣтописи. Изъ которыхъ одна трактуетъ о всемъ краѣ, а другая о Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ, и обѣ онѣ, отличаеся отрывочностію, обнимаютъ самый краткій историческій періодъ. Затѣмъ намъ извѣстны нѣкоторыя церковныя книги, дошедшія до насъ отъ XVII вѣка съ лѣтописными замѣтками неизвѣстныхъ лицъ, боярскія отписныя грамоты, фамильныя грамоты и многочисленныя канцелярскіе документы...

При такихъ условіяхъ грамотные люди являлись въ Тамбовскомъ краѣ, въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII-го, въ видѣ рѣдкихъ исключеній, и всѣ они, за совершеннымъ отсутствіемъ настоящей литературы, про-бавлялись преимущественно чтеніемъ отреченныхъ рукописей, о которыхъ я уже писалъ въ своихъ первыхъ выпускахъ. Здѣсь я привожу отрывокъ изъ одного *отреченнаго* народнаго лѣчебника, недавно поступившаго въ бібліотеку Тамбовской ученой архивной комиссіи.

„Трава есть верба именуема, иже всѣмъ травамъ мать, есть она и матка пчелиная, безъ нее пчельныя матки молодыя не застѣваютъ никако, помощь ея человѣку, кто варить ее съ виномъ фряжскимъ и пьеть, тотъ человѣкъ того дни не боится надучія немощи, на всякъ день пей ту траву, или клади траву въ воду и умывайся съ нею и пей на всякъ день, кто немочевъ надучею болѣзнію, кого бѣсъ мучить и онъ бы умывался съ травы и пьючи говорилъ себѣ „Отче нашъ“ весь до конца трожды: аще кто грамоты не умѣеть и онъ бы говорилъ умывающисъ и пьючи „Господи помилуй“ 40 разъ. И тое травы мѣсяца іюня отъ купальницы выкопати съ кореніемъ въ воскресный день, вставъ рано до солнечнаго восходу и

умылся, а былъ бы чистъ человѣкъ за три дни и не гнѣ-
вентъ и податливъ ко всякому требующему отъ него, а
копаль бы безъ дерева и безъ желѣза, а копаючи тоя
траву дремя персты правыя руки и лѣвыя, первый боль-
шой персть, а копаючи говорить грамотному человѣку
псаломъ петьдесятной „Помилуй мя Боже“ весь до конца,
а кто грамоты не умѣетъ и онъ говори „Господи поми-
луй“ 100 разъ... И выкопавъ вынуть траву изъ земли и
прекрести лицо свое трожды, да поцѣлуй траву трожды,
корень трожды жъ и говори „сохрани мя Господи и по-
милуй ради имени Твоего Святаго, ты еси мать трава,
всѣмъ травамъ отъ Бога сотворена, а отъ земли рождена,
соблуди мя раба Божія отъ діавольскаго мечтанія и на-
пастей всѣхъ злоковенныхъ и отъ сопостатъ моихъ зло-
мыслящихъ спаси мя, ради Святыя Богородицы и свя-
тыхъ ангелъ и архангелъ и всѣхъ свитыхъ угодившихъ
Христу Богу нашему. Аминь“. И обвей шолкомъ корень,
а сверху скорлатнымъ лоскутомъ или оксамитомъ или зо-
лотнымъ какимъ нибудь лоскутомъ, бархатнымъ или ат-
ласнымъ или камчатнымъ. и держи то въ дому своемъ и
остерегися притчи всякія, емли съ собою и на бой въ
войнѣ и въ судѣ судиться съ недругомъ и въ пирь отъ
вѣдуновъ и отъ вѣдуній, и не будещи испорченъ нико-
лиже; аще въ дому она сохраняетъ дѣти малыя; не дра-
чущь ихъ никогда, или сдѣлай водку или соку выжми
изъ травы и то въ очи пуцай, кои больны, вельми узд-
равнишь, тѣмъ сіе весьма изыскано и испытано отъ царя
Китовраса самого, и отъ царя Соломона, и отъ Дарія Лу-
копера, и отъ всѣхъ философовъ, эллинскихъ и грече-
скихъ христіанъ“...

Въ распоряженіи Тамбовской ученой архивной ком-
миссіи есть очень интересная книга-рукопись 1658 года,

которою были Тамбовцы зачитывались. Книга отличается несомненным апокрифическим характером и представляет следовательно интерес не учительный, а историко-литературный. С писателем ея былъ нѣкто *простозюдинъ Никита*. Въ книгѣ, послѣ разныхъ предисловіи молитвенно-лирическаго характера, подробно говорится о чудесахъ Богородицы. Нѣсколько примѣровъ этихъ чудесъ, первоначально записанныхъ въ такъ называемой *Бѣлорусской книгѣ, отъ нея же переведенъ и сія книга, я изложу сей часъ.*

„Учитель нѣкій подвизалъ всенародное множество на молитву къ Владычицѣ нашей Богородицѣ... тогда изыде отъ множества человекъ, еретическа духа напоенный, и нача песьми свои усгы на учителя хулу приносить, паче же и угрызати за сіе. Тогда внезапно того еретика наказаніе Богоматере постиже: толико множество силы дьявольскія внидоша въ него, мною яко весь адъ со всѣми бѣсы вселися въ него... и тогда нача окаянный зубы скрежетати и пѣны изо устъ точити, тѣло свое ногтями драсти... Людіе же учителя молиша, да поможетъ ему своими молитвами... И заклѣ учитель бѣсовъ именемъ Божіимъ, кѣихъ отъ христіанскаго рода больше идетъ въ адъ... И притужно бысть имъ сіе вопрошеніе... и начача повѣдати, сице глаголя: „множайшее число отъ вельможъ и отъ судей въ слѣдъ нашъ идутъ; простыхъ же и подначальствуемыхъ не толико... Купцевъ же и мытоимцевъ весьма много имама... имъ же обще криво притяжаніе и неправда и радость міра сего... Но и духовнаго чину въ адѣ множество обрѣтается, иже не по духовенству своему житіе имѣли“...

Сказаніе заключается такъ. По молитвамъ учителя, съ сонмомъ Ангеловъ, явилась Пресвятая Богородица, ере-

тика исцѣлила, а бѣсовъ прогнала во адъ. И тогда мно-
гое множество въ свѣру Христову обратившеся и молит-
ву Пресвятой Богородицы воздаша Ангельское поздрав-
леніе: *Богородице Дѣво, радуйся!*

Другое чудо: „Жена нѣкая, именемъ Гликерія, взята
бысть погаными изъ земли Шпанскіе въ плѣвъ... И съ
великою нуждою отведеса въ землю ихъ, непраздна сущи...
Егда же пріспѣ время родити ей, въ печали бысть: како
родитъ и въ коемъ мѣстѣ... И вниде въ хлѣвъ юнчій и,
въ гною падши, роди съ плачемъ, вопія: Богородице
Дѣво, радуйся!.. И приде сама, не гнушаяся такого мѣ-
ста и вещи, помощь дая рабѣ своей, пріятъ на пречистыя
своя рудѣ родимое отъ нея и очисти е... Спаситель же
нашъ Христосъ самъ крести отроча се... По семь днемъ
нѣкимъ минувшимъ, приде Ангель Господень, воззва ю
въ церковь на очищеніе... Егда же придоша въ церковь,
видя паки Пречистую Богородицу въ церкви стоящу и
Самого Христа, святую литургію служаще... Отъ него же
причастися страшныхъ тапствъ... и въ тотъ часъ обрѣ-
теся въ дому своемъ, отъ него же плѣнена бысть...“

Третье: чудо: „Нѣкая дѣва, именемъ Варвара, пото-
нула... Тѣло ея нашли и принесли домой и всѣ родные
очень плакали, *молитву Богородице о ней приношаху...*
И се внезапно дѣва она, мертва сущи, нача двизатися и
возста, яко отъ сна, глаголя: азъ многогрѣшная на судъ
Божій водима бысть и осуждена на мученіе; аще не бы Пре-
святая Богородица избави мя, злѣ погибла быхъ. Она зас-
тупница моя рече бѣсовомъ, у нихъ же была въ рукахъ:
что хочете сей дѣвѣ сотворити? Моя бо есть служебни-
ца... Моя бо есть раба сія.. Тогда бѣсы отступиди и дѣ-
вица Варвара ожива, *съ плачемъ и радостію вопіяше:*
Богородице Дѣво, радуйся!...“

Четвертое чудо: „У нѣкоего отца и матери бысть отроча едино въ малыхъ лѣтѣхъ... наученъ отъ матери по вся дни... глаголати — Богородице Дѣво, радуйся... И случися имъ идти чрезъ мостъ рѣки нѣкія .. и вѣтромъ сверже отроча оно въ рѣку и обрѣтоша его на днѣ лежаща, руже крестообразно сложивша... И твориху родитиліе молитву Пресвятой Богородицѣ и внезапно... воскресе дѣтище“...

Подобныя чудеса въ указанной мною книгѣ разсказываются въ значительномъ количествѣ и относятся авторомъ къ разнымъ странамъ: къ римской, шпанской, чешской, галанской, французской, индѣйской, нѣмецкой. Все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о *западномъ* происхожденіи приводимыхъ мною апокрифическихъ *сказовъ*...

Въ нашей рукописи очень много разсказовъ о томъ, какъ нѣкоторые грѣшники продавали свои души дьяволу и при этомъ выдавали своему ужасному кредитору росписки, векселя, собственною кровью писанные .. Напримѣръ:

„Жена нѣкая .. самовольно отдадеса дьяволу... и рукописаніе кровью своею написавъ даде ему... И по нѣкоемъ времени уразумѣ свое страшное согрѣшеніе... И нача молитву приносить Пресвятой Богородицѣ, и тогда бѣсть премилостивой Госпожѣ рукописаніе жены оной явно принесе и великимъ стыдомъ посрамленный отыде“.

Очень часто въ рукописи говорится объ изгнаніи бѣсовъ. Напримѣръ: «Случися женѣ нѣкой въ лютый недугъ впасти... Узрѣ же мужъ ея, яко уже близъ смерти жена его, возвѣстиша отцу ея... Отецъ же обрѣте ю живу, разума же не имущу... И повелѣ всѣмъ поганцомъ, при одрѣ ея стоящимъ, отступить... Самъ же, пріемши лѣствицу, нача молитися... И удари дщерь свою по плече“.

чамъ лѣствицею, глаголя діаволу: изыди отъ чловѣка сего! Онъ же отвѣща: не изыду. Отецъ же, возложивъ лѣствицу на шею дщери, рекъ: хотя и не хотя — изыдеши... Бѣсъ же уболся отыде»...

Всѣ чудеса, излагаемая въ рекомендуемой мною книгѣ-рукописи, совершались исключительно по молитвамъ Пресвятой Богородицы, которая, являясь къ своимъ бѣдствовавшимъ молитвенникамъ, нерѣдко утѣшала ихъ слѣдующими трогательными словами: «не бойся, сыну мой любезный, не утрашися, друже мой, азъ бо есть съ тобою»...

Чудодѣйственная помощь Богородицы, по словамъ нашей рукописи, обнаруживалась и на полѣ брани. Такъ, на примѣръ:

„Воинъ нѣкій, именемъ Юліанъ, во вся дни полтора ста *Богородице Дѣво, радуйся* глаголаше... И побѣждено бысть воинство его отъ супостать... И началъ Юліанъ молитву творити.. И се внезапно ста передъ нимъ Пресвятая Богородица, каменное стрѣляющее на враги его пуцая“...

Дальнѣйшія чудеса Пресвятой Богородицы такъ многочисленны и разнообразны, что я затрудняюсь приводить ихъ здѣсь болѣе. Для характеристики книги-рукописи довольно, по моему мнѣнію, и сказаннаго...

Во времена Петра I-го по всему Русскому царству начались извѣстныя образовательныя реформы, коснувшіяся и нашего захолустья. Великій русскій царь слишкомъ настойчиво дѣлалъ свое просвѣтительное дѣло и не забывалъ Тамбовской земли, лично извѣстной ему по липецкимъ и слатомскимъ впечатлѣніямъ... Смутились тогда косные отцы тамбовскіе, и былъ великій гласъ рыданій матерей тамбовскихъ. То была еда ли не самая злая

рекрутчина тамбовская... Призадумались косные тамбовцы и въ слѣдующіе годы Петрова царствованія, неволею разомъ открыли двѣ школы: при воеводской канцеляріи и гарнизонную.. Обѣ школы учебный курсъ имѣли первоначальный, добивались одной механической выучки и отличались величайшею убогостью обстановки и свирѣпостью педагогическихъ взысканій. Гарнизоннымъ школьникамъ полагалось у насъ жалованье. Пока они *обучали* заповѣди, имъ выдавалось въ мѣсяць по 11¹/₄ копеекъ. Когда же вступали *въ письменную науку*, писали *склады и обучались* *тѣтъ и ариметикѣ*, и *музыкѣ* и *слесарному мастерству* и *писарской должности*, жалованье имъ возвышалось до 13¹/₄ копеекъ. «А которые школьники. — сказано въ нашихъ документахъ. — по окончаніи ариметики будутъ обучаться геометріи и фортификаціи, и имъ давать до 17¹/₄ копеекъ человѣку на мѣсяць, да соли 2 фунта»... Впослѣдствіи попытались улучшить бытъ гарнизонныхъ школьниковъ: имъ стали выдавать по 30 копеекъ и, кромѣ того, муки по четверику...

Въ гарнизонную школу принимались мальчики отъ 7 до 15 лѣтъ *Словесной и письменной наукъ и тѣтъ* ихъ обучали ротные писаря, ариметикѣ — офицеры, солдатской экзерциціи — унтеръ-офицеры. Школа эта была въ высшей степени суровая; поэтому родители укрывали отъ нея своихъ дѣтей, но ихъ *сыскивали*, били и подъ коновоемъ представляли воеводамъ...

При такихъ условіяхъ всенародно-тамбовской темноты и косности и практическія дѣла наши нерѣдко плохо ладились. Такъ напримѣръ. Тамбовская губернія въ началѣ прошлаго вѣка славилась своими пчельниками, но тамбовцы-пчеловоды и не думали рационально совершенствовать свое хозяйство, они все свое упованіе возлагали на *разныя заговорныя слова*...

Въ то же время въ массѣ тамбовскаго простонародія ходили безирерывные упорные слухи о пришествіи антихриста... Слухи эти поддерживались преимущественно раскольниками и сектантами, и нѣкоторые изъ нихъ доходили до такого страннаго состоянія религіознаго экстаза и фанатизма, что врывались въ православныя церкви и съ грубою бранью разгоняли священнослужителей, а сами потомъ приходили въ свои молитвенные дома, истерически ржали по лошадиному и лаяли... *)

Въ 1731 году отъ Шацкой провинціальной канцеляріи потребованы были изъ Петербурга вѣдомости о томъ, *сколько въ Шацкой провинціи училось въ цифирныхъ школахъ дѣтей, съ которыхъ годовъ учатся и до которыхъ наукъ произошли.* Въ отвѣтъ на это требованіе шацкій воевода донесъ, что *въ Шацкѣ о цифирныхъ школахъ указа въ присылкѣ не бывало...*

Попытка образованія кое-какихъ училищъ происходила у насъ и въ духовномъ вѣдомствѣ. До 1779 года всѣ тамбовскіе церковники, до наукъ охочіе, могли обучаться только въ одномъ учебномъ заведеніи: въ рязанской славяно-латинской семинаріи.

На содержаніе семинаріи опредѣлено было собирать съ церковныхъ земель тридцатую часть урожая, при чемъ духовенство обязывалось само доставлять хлѣбъ въ школьныя житницы. Эта доставка, за отдаленностью многихъ селъ отъ епархіальнаго города, была очень не аккуратна. А шацкое духовенство и вовсе не собирало и не посыла-ло школьнаго хлѣба въ теченіе всѣхъ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка. Въ то время нашимъ епархіальнымъ архіереемъ былъ Рязанскій архіепископъ Алексѣй. Онъ го-

*) Архивъ Тамбовской духовной консисторіи, №№ 36 и 230.

рячо принялъ къ сердцу неисполнительность шацкихъ священно-служителей и послалъ въ шацкую провинцію нарочныхъ для сбора хлѣба, но посланные подавали ему донесенія въ такомъ смыслѣ, что плательщики или укрывались отъ нихъ, или же прямо отказывались давать требуемый хлѣбъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ нѣкоторыхъ селахъ собирались сходы. Изъ кабаковъ выносили старикамъ и всему *миру* обильное угощеніе, и дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что архіерейскихъ пословъ били и выговяли... Тогда, въ 1749 году, архіерей принялъ болѣе рѣшительныя мѣры. Онъ потребовалъ изъ шацкой провинціальной канцеляріи солдатъ и рассыльчиковъ и сталъ собирать накопившіяся недоимки *военною рукою*, при чемъ однажды произошелъ такой случай.

30 апрѣля 1749 года солдатскія команда съ архіерейскими боярскими дѣтьми прибыла въ село Новое Томниково. Священникъ былъ дома, но лишь только узналъ о прибытіи незваныхъ гостей, немедленно убѣжалъ въ дѣсь, а многочисленные дѣти и племянники его, въ числѣ 15 человекъ, вооружились кольями и дубьемъ и бросились на архіерейскую команду... Во время происшедшей свалки солдаты требовали помощи отъ сельскаго старосты и показывали ему указъ шацкой канцеляріи, но староста отъ вмѣшательства въ драку уклонился и объявилъ: «дайте мнѣ память отъ господскаго прикащика, а шацкой канцеляріи слушаться мнѣ не вмѣстно». Такъ ни съ чѣмъ и уѣхали изъ Томникова архіерейскіе посланцы...

Такой же случай и въ томъ же году былъ въ селѣ Боркахъ, Шацкаго уѣзда. 4-го мая во дворъ старшаго священника вѣхала телѣга, съ которой слѣзли и поднялись на крыльцо двое архіерейскихъ боярскихъ дѣтей и два солдата. Сынъ дьякона того села подошелъ къ нимъ и спросилъ:

— Зачѣмъ вы пріѣхали къ попу? Что вамъ у него дѣлать?

— За хлѣбомъ и штрафными деньгами,— отвѣчалъ солдатъ.

— Напрасно,—возвысилъ голосъ дьяконскій сынъ,— васъ со двора дубьемъ прогонять.

Однако уполномоченные вошли въ домъ и нашли тамъ самаго священника, который такъ перепугался, что сейчасъ же выбѣжалъ вонъ за село. Вслѣдъ за нимъ бѣжалъ его товарищъ и оба они скрылись въ оврагѣ, поросшемъ кустарникомъ. Между тѣмъ собрались церковники и крестьяне и палками выгнали посланныхъ изъ села...

Отчего же шацкое духовенство такъ безучастно относилось къ своей единственной семинаріи?

Оттого, что, по своему невѣжеству, оно не видѣло практической пользы отъ семинаріи. такъ какъ въ *попы* и во дьяконы очень часто ставили у насъ даже и такихъ церковниковъ, которые съ трудомъ разбирали печатное, а писать и вовсе не умѣли, такъ что въ дѣловыхъ бумагахъ за нихъ подписывались другіе... И еще оттого наше духовенство безучастно относилось къ семинаріи, что въ былые годы оно было очень бѣдно и поневолѣ дорезало всякою лишнею копейкою и лишнимъ гарнцемъ жита... Какъ старательно наши духовные отцы уклонили своихъ дѣтей отъ школьнаго ученія, видно изъ епархіальной вѣдомости 1744 года. Въ это время духовенство цѣлой Шацкой провинціи воспитывало въ семинаріи только 9 человекъ... Да и эти 9 школьниковъ были большею частію люди безпріютные, дьячковскіе и пономарскіе сироты, и попали на школьный хлѣбъ *по наряду и ради нищенства*...

Во второй половинѣ прошлаго вѣка потребность въ образованіи дѣтей духовенства стала у насъ немного усиливаться. Это явленіе особенно замѣтно было у насъ въ западной половинѣ губерніи, принадлежавшей къ епархіи святителя Тихона Задонскаго.

Въ 1763 году святитель Тихонъ, управленію котораго подлежали наши города: Липецкъ, Лебедянь, Усмань, Добрый, Демшинскъ и Романовъ, замѣтилъ, что къ нему являются такіе ставленники, которые *мало что умѣютъ по книгамъ читать, а иные и вовсе не знаютъ*. На этомъ основаніи онъ приказывалъ во всѣхъ городахъ своей епархіи учредить *словенскія школы*. Такая школа, сколько намъ извѣстно, была заведена только въ Лебедяни и именно съ цѣлью обученія молодыхъ церковниковъ *книгочтенію, пѣнію и писанію въ твердость*.

Учителями въ Лебедянской школѣ, *для всегдашняго вообученія* *наблюдательства и старательства*, опредѣлены были выборные священники и діаконъ. Всѣмъ имъ святитель Тихонъ далъ инструкцію, которая напечатана въ V моемъ выпускѣ.

Почти единовременно съ духовенствомъ и у мѣстнаго дворянства явилась мысль о необходимости школьнаго просвѣщенія. Выразителемъ этого просвѣтительнаго стремленія былъ у насъ пасторъ Яганъ Фуксъ, начавшій свою педагогическую дѣятельность открытіемъ частной дворянской школы въ городѣ Тамбовѣ. Это было въ маѣ 1778 года. Пасторъ Фуксъ прибылъ въ нашъ городъ по приглашенію нѣкоторыхъ дворянъ и открылъ училище на 15 дворянскихъ дѣтей. Онъ преподавалъ тамбовскому благородному юношеству латинскій, французскій и нѣмецкій языки, ариметику, геометрію, артиллерію, фортификацію, исторію, географію, политику, логику, физику и филосо-

фію... За выучку бралъ съ каждаго ученика по 15 рублей въ годъ. Дѣти учились у него до обѣда и послѣ обѣда. Нѣкоторые изъ нихъ за особую плату жили у него.

Въ годъ открытія своего тамбовскаго училища Фуксъ публиковалъ, что намѣренъ учредить пансіонъ и для дворянскихъ дѣвицъ и что съ этою цѣлью онъ выписываетъ *мадаму съ известными достоинствами и съ настоящимъ удостовѣреніемъ о ея знаніи въ разсужденіи обученія дѣвицъ*. Но было ли открыто Фуксомъ женское училище въ Тамбовѣ — неизвѣстно. Что же касается мужскаго его училища, то оно просуществовало очень недолго, такъ какъ при Г. Р. Державинѣ во время открытія народныхъ училищъ о немъ не было ни слуху, ни духу... Такимъ образомъ дѣятельность Фукса оказалась у насъ не по сезону и не по мѣсту.. *)

Въ концѣ царствованія Александра I-го главные народныя училища, въ томъ числѣ и Тамбовское, переименованы были въ губернскія гимназін. вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнены и расширены были учебныя программы, количество классовъ умножилось и составъ преподавателей существенно улучшился. Тогда и въ нашемъ захолустьѣ наступила новая учебная эпоха. Среди гимназическихъ преподавателей нерѣдко бывали у насъ люди ученые, талантливые, честные и вслѣдствіе этого нравственно всецѣло владѣвшіе своими учениками. Многіе тамбовскіе старожилы, бывшіе мѣстные гимназисты, обучавшіеся въ тридцатыхъ годахъ, и теперь еще живо помнятъ и дѣтски восторгаются бывшимъ своимъ учителемъ исторіи Сумароковымъ...

*) Коротенькая рукопись о Фуксѣ хранится въ архивѣ Тамбовской ученой архивной Комиссіи.

Такимъ образомъ, постепенно и непрерывно край нашъ улучшался въ просвѣтительномъ отношеніи. Многого, очень многого надо еще желать ему... Но хорошо уже и то, что теперь есть. Не показный, не богатый и не промышленный, нашъ губернской городъ представляется намъ въ настоящее время *городомъ по преимуществу педагогическимъ*. Въ немъ есть такія учебныя заведенія, которыми не всякій губернской городъ можетъ похвалиться, напимѣрь, Екатерининскій учительскій институтъ, институтъ благородныхъ дѣвицъ и Носовское ремесленное училище. А остальные наши учебныя заведенія, духовныя и свѣтскія, среднія и низшія и городскія школы безспорно—одни изъ самыхъ многочисленныхъ во всей Имперіи.

Всѣ эти школы выпустили изъ своей среды многихъ честныхъ, добросовѣстныхъ и трудолюбивыхъ дѣятелей. Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстны всей Россіи... Конечно, бывали у насъ и весьма *курьезные* школьные субъекты.

Такъ, одинъ изъ нашихъ семинарскихъ *птеновъ* однажды такъ отличился на питейномъ поприщѣ, что его потребовали къ самому епископу Теофилу *на показъ*. Грозный епископъ велѣлъ посадить буйнаго бурсака *на стулъ съ чепью*. Но когда виновника повели въ консисторскую арестантскую камору, онъ громкимъ басомъ, на весь Казанскій монастырь, заплѣлъ: «Безумное велѣніе злочестиваго мучителя».. Это *птено* отлично слышалъ и самъ Теофиль.. Вслѣдствіе этого, конечно, послѣдовали дальнѣйшія *мнропріятія* болѣе суроваго свойства.

Въ настоящее время огромное государственнo-общественное значеніе имѣетъ у насъ давно назрѣвшій воп-

рось, въ связи съ общимъ народнымъ просвѣщеніемъ,—о церковно-приходскихъ школахъ. При условіяхъ дѣйствительнаго соотвѣтствія церковно-учительской теоріи съ практикою, дѣло церковно-приходскаго учительства, несомнѣнно, высоко патріотическое и просвѣтительное. Поэтому, въ виду несомнѣнной серьезности всероссійскаго церковно-приходскаго учительства, я дополняю свою статью слѣдующими фактическими данными...

Дѣлаю это, между прочимъ, и въ силу того религіозно-нравственнаго братства, которое *должно* соединять обѣ народныя, государствомъ взлелѣянныя, Св. Синодомъ и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія направленныя, общественно-просвѣтительныя силы: церковную и земскую школы...

Начало XIX вѣка у насъ, какъ извѣстно, отличалось самыми искренними и широкими просвѣтительными стремленіями, вызвавшими отчасти болѣе или менѣе дѣятельное сочувствіе нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ лицъ русскаго общества. Къ той же порѣ относятся и первые тамбовскіе опыты церковно-приходскаго учительства, понимаемые въ ихъ современномъ смыслѣ. Руководителемъ въ дѣлѣ этой мѣстной реформы былъ извѣстный епископъ Теофиль.

Епископъ Теофиль, управлявшій нашею епархіею съ мая 1788 года до половины декабря 1811 года, оставилъ по себѣ самую прочную память. Особенно онъ отличался административными и хозяйственными способностями, хотя не чуждъ былъ и того научнаго движенія, которое было доступно его современникамъ. Последнее онъ доказалъ тѣмъ, что въ теченіе своего тамбовскаго епископства, дававшего ему значительныя денежныя средства, собралъ цѣнную бібліотеку изъ лучшихъ въ его время

богословскихъ и философскихъ сочиненій на разныхъ языкахъ, преимущественно на латинскомъ, который онъ, какъ бывший кievскій студентъ, зналъ въ совершенствѣ.

Тамбовская епархія временъ Теофила во всѣхъ отношеніяхъ была крайне неустроенная. Послѣ своихъ предшественниковъ, слишкомъ суроваго Похомія и сравнительно добродушнаго Θεодосія, нашъ епископъ принялъ тяжелое наслѣдство. Но онъ былъ полонъ силъ и энергіи и взялся за епархіальное управленіе умѣлыми хозяйскими руками. Не рассчитывая на дѣйствіе одного архипастырскаго слова, онъ зорко слѣдилъ за всѣми ближними и дальними своими подчиненными и сурово, *отечески* каралъ всѣхъ епархіальныхъ ослушниковъ въ духѣ своего времени: кого монастырскимъ заключеніемъ и *изнуреніемъ*, кого консисторскимъ *сидѣніемъ въ стуль съ желѣзами*, кого батогами или розгами. Вотъ одна изъ его энергичныхъ резолюцій: «дьячка Никитина за его своеволие и прекословіе священнику плотно наказать дозою въ присутствіи благочиннаго и всего причта». При всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ властный епископъ старался именно о томъ, чтобы навести на своихъ *огурщиковъ* грозу и въ то же время всячески *оборонялъ* благосостояніе своего духовенства, упрочивая его матеріальный бытъ и защищая его отъ всѣхъ постороннихъ напастей.

Епископъ Теофиль проявлялъ свою выдающуюся энергію, какъ я сказалъ выше, въ надзорѣ надъ поведеніемъ своихъ подчиненныхъ. Въ этомъ отношеніи работы было ему не мало. Взяточничество, буйство и пьянство, можно сказать, свирѣствовали въ нашей епархіи въ началѣ его епископства. Теофиль своею суровою администраціею все это смягчилъ, насколько было возможно. При этомъ онъ обратилъ вниманіе на своихъ пѣвчихъ,

кахъ, по нотнымъ *книжицамъ*, *тщательно и порядочно*, молодыми церковническими голосами распѣвались церковныя службы.. Такъ было въ Тамбовскихъ приходяхъ до 1806 года. Въ этомъ году епископъ Теофилъ сталъ заводить организованныя церковно-приходскія училища. Такъ какъ въ его распоряженіи специально подготовленныхъ учителей еще не было и не могло быть то онъ, руководствуясь синодскимъ указомъ отъ 13 марта 1805 года, временно поручилъ воспитаніе дѣтей, подъ надзоромъ священниковъ, тѣмъ діаконамъ и причетникамъ, которые учились въ семинаріи и *испытаны были въ честномъ и добромъ поведеніи*. „*Въ разсужденіи же должнаго повиновенія и послушанія учащихся*“, — циркулировалъ Теофилъ по всей епархіи, — *поручить училища въ надзираніе почетнѣйшихъ жителей*.

Нельзя сказать, чтобы это распоряженіе Теофила быстро и умѣло исполнялось. Дѣло остановилось за тѣмъ, что у насъ оказалось очень мало такихъ священно-церковно-служителей, которые желали и умѣли учить. Какъ бы то ни было, училищное обученіе *когда-то и какъ-то* началось, поощряемое разными привилегіями и посулами, оновѣщенными епархіальною властью.

Чтобы не обременять членовъ причтовъ матеріальными тратами, епископъ Теофилъ добивался того, чтобы *училища въ домахъ духовенства не учреждать, а отводить для сего особаго дома отъ свѣтскаго правительства, и чтобы всѣ училищныя расходы производились помимо священ о-церковно-служителей*. Но всѣ эти просвѣщенныя желанія умнаго епископа не вызывали въ тамбовскихъ свѣтскихъ людяхъ желаннаго отклика. Училищныхъ домовъ никто не дарилъ и не строилъ. Книжки мальчишкамъ никто не покупалъ. Большой расходъ былъ

только на одни розги. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ отцы-педагоги ничуть не стѣснялись даже относительно собственныхъ дѣтей.

О крайне суровыхъ педагогическихъ мѣропріятіяхъ, совершавшихся въ домахъ и училищахъ, и до нѣкоторой степени напоминавшихъ извѣстное избіеніе младенцевъ, Теофилъ, конечно, зналъ, по духу своего времени смотрѣть на увлеченія самодѣльныхъ педагоговъ сквозь пальцы, хотя и не былъ по природѣ жестокимъ человѣкомъ и на этомъ основаніи даже унималъ (словами) слишкомъ ретивыхъ дѣльцовъ современной ему Тамбовской педагогіи.

Въ виду многочисленности инородческаго элемента въ Тамбовской губерніи сдѣлано было Теофиломъ такое распоряженіе. *Въ татарскихъ и мордовскихъ училищахъ назначенія производить на татарскомъ и мордовскомъ языкахъ, доколь всѣ сіи прихожане отъ мала и до велика совершенно разуметь будутъ російскій языкъ. Книги при обученіи употреблять съ двумя текстами: русскимъ и инородческимъ (такія книжки были изданы Св. Синодомъ). Учителей-церковниковъ назначать съ инородческіе приходы изъ мѣстныхъ уроженцевъ, знающихъ инородческіе языки.* Но и это распоряженіе встрѣтило значительное препятствіе на практикѣ какъ со стороны закоснѣлыхъ въ неграмотности инородцевъ, такъ и со стороны самихъ церковниковъ...

За недостаткомъ хоть какъ-нибудь подготовленныхъ къ учительству церковниковъ, Теофилъ приказалъ, чтобы ученые священники собирали въ свои училища неученыхъ діаконѳвъ и причетниковъ и обучали ихъ наряду съ учениками и такимъ образомъ, приготавливали бы ихъ на помощь себѣ, а современемъ и на перемѣну. *Все сіе, — думалъ нашъ епископъ, — исполнится можетъ очень въ короткое*

время, ибо читать и писать каждый церковникъ знаетъ; остается только показать каждому начальныя дѣйствія ариметики. Въ то же время при Тамбовской духовной семинаріи открыты были особыя занятія для образованія *будущихъ церковно-приходскихъ учителей*

До какой степени слаба была школьная подготовка внезапно призванныхъ къ учительству дѣятелей, видно изъ слѣдующаго. Во всей нашей многоцерковной и многолюдной епархіи діаконѣвъ и причетниковѣвъ, побывавшихъ въ духовныхъ училищахъ, въ 1806 году было *только 138 человекъ.*

Первые учителя нашихъ церковно-приходскихъ училищъ должны были обучать своихъ учениковъ слѣдующимъ предметамъ: *чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариметики, главнымъ началамъ закона Божія и благоправію.* Цѣль обученія заключалось въ томъ, чтобы мальчики (о дѣвочкахъ въ то время и рѣчи не могло быть) знакомились съ обязанностями относительно государя, начальства и ближнихъ и чтобы, вообще, *имѣли правильное понятіе о вещахъ.*

Епископу Теофілу особенно хотѣлось привлечь къ дѣлу народнаго учительства епархіальныхъ діаконѣвъ, но и при осуществленіи этой мысли онъ встрѣтилъ препятствія почти неодолимыя.

Дѣло въ томъ, что наши о.о. діаконы въ огромномъ большинствѣ не были подготовлены къ новому своему призванію ни умственно, ни нравственно. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующей резолюціи Теофіла, данной 16 октября 1806 года: „давно уже примѣчаемъ мы, что діакона по епархіи нашей въ своихъ должностяхъ весьма своевольствуютъ: первое:— что не прилежатъ къ тому, что имъ должно знать по должности ихъ, а именно—эктеши въ

твердость, съ порядочнымъ выговоромъ; второе—что евангеліе прочитаетъ искусно рѣдкій знаетъ; третье—что никогда почти они не причащаются. А какъ чинъ церковный искусствомъ діаконства весьма украшается... того ради консисторіи, для прекращенія такового разстройство и своеволія въ церкви, немедленно послать во всѣ духовныя правленія указы и велѣть чрезъ благочинныхъ повсюду обязать подписками: 1) чтобы священники наблюдали за діаконами, дабы каждый изъ нихъ въ каждый воскресный день непременно причащался св. Божіихъ Таинъ. 2) А какъ для такового святаго совершенства... потребно приготовить... то предписать, чтобы каждый чредной священникъ купно съ діакономъ, не исходя изъ церкви, читаль должное правило... Если же кто изъ діаконовъ будетъ дѣлать упущеніе, то у таковыхъ за каждую литургію *вычитатъ изъ дохода полтину*“...

Въ силу этой резолюціи, по всей нашей епархіи начались сборы штрафовъ. А между тѣмъ духовенство наше вообще было бѣдное и штрафы чувствительно ложились на его домашній бюджетъ. Явились недоимки; можно было думать, что требовательный и строгій владыка отіесется къ недоимщикамъ сурово. Однако, Теофиль умѣлъ и миловать. На прошеніи одного недоимщика, діакона села Заметчины Якова Иванова, просившаго о суженіи недоимки, онъ написалъ такое рѣшеніе отъ 10 сентября 1807 года: „не кожу же съ просителей снять: оштрафовать ихъ положеніемъ въ разныхъ церквахъ по 50 поклоновъ земныхъ.“

При крайне ничтожномъ количествѣ способныхъ и усердныхъ церковно-приходскихъ учителей, результатъ отиѣченной школьной реформы былъ, конечно, въ соотвѣтствіи съ ея условіями. Въ средѣ самого духовенства

постепенно накоплялась масса безграмотныхъ церковниковъ. Тогда послѣдовалъ указъ о разборъ духовныхъ дѣтей для обращенія неграмотныхъ изъ нихъ и имѣвшихъ свыше 15 лѣтъ въ военную службу. вмѣстѣ съ ними, по смыслу того же указа отъ 15 декабря 1806 года, забирали въ солдаты и тѣхъ причетниковъ, кои были *поведенія непо-рядочнаго*...

Такимъ образомъ, школьная правительственная реформа гуманно и основательно задуманная, не была серьезно осуществлена, между прочимъ и потому, что встрѣчала мало подготовленныхъ силъ и нравственной поддержки въ средѣ самаго духовенства, къ которому преимущественно и обращалось правительство, какъ главной ожидаемой силѣ для всенароднаго наученія...

Итакъ, худо ли хорошо ли великое дѣло школьно приходскаго народнаго учительства началось у насъ въ самомъ началѣ текущаго столѣтія, при епископѣ Теофилѣ. Но Теофилъ скоро скончался (въ декабрѣ 1811 года), и епархія сама того не сознавая и своеобразно цѣня его только по его энергическимъ мѣропріятіямъ, лишилась въ немъ неутомимаго и крѣпкаго просвѣтителя; а затѣмъ, послѣ Отечественной войны, и всѣ другія условія народнаго просвѣщенія измѣнились... И только въ послѣднія десятилѣтія вопросъ о народной школѣ ожилъ снова, ожилъ съ необывалою силою, подъ особеннымъ покровительствомъ верховной власти.

Кончина епископа Теофила была вмѣстѣ съ тѣмъ *кончиною* вопросовъ о развитіи народной школы. Его преемникъ Иона, впоследствии митрополитъ и экзархъ Грузіи, дѣйствовалъ уже въ иномъ направленіи. Онъ утверждалъ и распространялъ мѣстное *духовное* просвѣщеніе и такимъ образомъ, только косвенно содѣйствовалъ

развитію начального народнаго просвѣщенія посредствомъ *домашнихъ школъ грамотности.*

Самъ Іона не былъ ни замѣчательнымъ ученымъ, ни выдающимся церковнымъ проповѣдникомъ, но онъ вліялъ на другихъ, воодушевлялъ ихъ, направлялъ, и въ этомъ заключается его огромная церковно-историческая заслуга. Каждому свое... Кто лично трудится на пользу науки, кто подвигаетъ на это дѣло другихъ и можетъ быть, эти послѣдніе дѣятели бываютъ многоплоднѣе первыхъ... Ихъ призваніе—педагогическое. Ихъ роль—учительная. Ихъ слава—скромная слава... Но въ скромной и многоплодной дѣятельности и заключается истинное нравственное величіе. Къ типу подобныхъ общественныхъ дѣятелей, на основаніи самыхъ достовѣрныхъ документовъ, я отношу и нашего тамбовскаго епископа Іону.

Во время своего убогаго дѣтства Іона перѣдко доходилъ до того, что просилъ милостыню ради себя и своей безпомощной и безпріютной старушки—бабушки, о чемъ я уже писалъ въ III своемъ выпускѣ. Такимъ образомъ онъ привыкъ вникать въ чужую бѣду и отзываться на нее дѣйствительною помощію. Ближе всѣхъ стояли къ нему бѣдныя дѣти духовенства, и вотъ именно ихъ-то онъ и началъ выводить изъ состоянія нравственной и матеріальной безпомощности посредствомъ училищъ. Іонинскія училища, открытыя имъ въ Елатьмѣ, Лебедяни, Темниковѣ, Шацкѣ, и Борисоглѣбскѣ, разумѣется, далеко не блистали ни обстановкой, ни педагогіей. Напротивъ, они отличались выдающеюся нищетою, научною скудостью и крайнею суровостію всего училищнаго склада. *) Таковы были времена...

*) Семипарская скудость выражалась, напримѣръ, въ томъ, что даже на большихъ учениковъ, которыхъ сравнительно баловали, было выдаваемо по 35 коп. на недѣлю.

Но было бы большою историческою ошибкою видѣть въ нашихъ отжившихъ духовныхъ училищахъ только однѣ отрицательныя стороны. Была въ нихъ одна высоко-гуманная черта. Туда, не справляясь со средствами и не стѣсняясь штатами, охотно принимали рѣшительно всѣхъ духовныхъ дѣтей, какого бы они ни были возраста, развитія и состоянія. Этихъ дѣтей, можно сказать, подбирали съ улицъ и усиленно, съ крайнею спусходительностію къ ихъ успѣхамъ, старались доводить до окончанія курса.

Преосвященный Іона первый ввелъ у насъ обязательное училищное обученіе всѣхъ духовныхъ дѣтей, дѣйствуя въ данномъ случаѣ рѣшительно и безповоротно. И онъ достигъ своей цѣли. Самымъ грамотнымъ сословіемъ при немъ было, безъ сомнѣнія, духовное. Къ нему-то обязательно и обращались всѣ родители съ просьбой *о выучкѣ дѣтей*.

Учебныя программы въ духовной семинаріи при Іонѣ отличались обширностію и разнообразіемъ, но исполненіе ихъ встрѣчало неодолимыя препятствія по поводу отсутствія подготовленныхъ и усердныхъ педагоговъ и пособій. Напримѣръ, въ 1815 году, нѣмецкій языкъ порученъ былъ въ семинаріи нѣкому Новопокровскому, который своего предмета не зналъ, умѣя только читать, а не переводить. Въ подобныхъ случаяхъ педагогамъ есть нѣкоторый выходъ изъ ихъ тяжелаго положенія. Они должны тщательно подготовляться къ каждому уроку и во время самаго урока отнюдь не выходить изъ предѣловъ приготовленнаго. Можетъ быть и Новопокровскій хотѣлъ держаться этого порядка, но вотъ бѣда: *учебника Фабіана, по которому онъ обязался преподавать въ семинаріи, въ классъ не было ни одного, ни у учениковъ, ни у самого учителя..* Любопытно знать, какъ же проходились нѣмецкіе уроки въ Тамбовской семинаріи...

Іона поощрялъ между семинаристами чтеніе разныхъ книгъ въ свободное отъ учебныхъ занятій время. Многія книги онъ покупалъ самъ и передавалъ ихъ, по своей цѣнѣ, въ семинарскую бібліотеку. Между этими книгами, кромѣ учебниковъ и журналовъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія сочиненія, характеризующія эпоху: „Величіе души“, „Вопль истины противъ соблазна міра“, „Политика, изъ священнаго писанія почерпнутая“, „Чтеніе въ бесѣдѣ любителей русскаго слова“, „Другъ юношества“, „Письма матери къ сыну о истинахъ христіанской религіи“, „Зритель Божіихъ дѣлъ“ и „Книга о біблейскихъ обществахъ“.

Бытъ тамбовскихъ семинаристовъ, будущихъ церковно-просвѣдительныхъ дѣятелей, во времена Іоны обращаетъ на себя вниманіе по поводу одного обстоятельства, значительно смягчавшаго семинарскую нищету. Многіе ученики нашихъ духовныхъ училищъ съ младшихъ классовъ пользовались приходскими мѣстами, сдавали ихъ за извѣстную плату наемнымъ лицамъ и на остальные отъ доходовъ деньги жили во весь семинарскій курсъ безбѣдно, такъ что иные, напримѣръ студентъ богословія Высоцкій, имѣли у себя за разъ рублей по 200. Именно эту сумму названный ученикъ имѣлъ въ виду употребить *на покупку для отца служанки*. Договорныя мѣстническія обязательства писались у благочинныхъ, а деньги семинаристамъ доставлялись чрезъ консисторію, но въ какомъ именно количествѣ, объ этомъ наши документы умалчиваютъ...

Съ философскаго класса семинаристы именовались студентами. Съ этой поры, особенно же съ богословскаго класса, ихъ привлекали къ педагогіи и семинарской администраціи. Семинаристы *комиссары* вѣдали хозяйственныя и канцелярскія дѣла. Семинаристы — *подлъкаря* со-

Кончая свой многолѣтній трудъ, я относительно его вислолько не обманываю себя и далеко не считаю своихъ работъ чѣмъ нибудь законченнымъ. Наша историческая работа еще впереди...

Съ особенною признательностію я вспоминаю и цѣню сочувственные отзывы о моихъ предыдущихъ работахъ. Они нравственно поддерживали меня и укрѣпляли въ работахъ. Не сержусь и на строгихъ своихъ критиковъ. Отчасти и они были правы и ихъ указаніями я съ благодарностію пользовался. Съ сожалѣніемъ я вспоминаю только объ *одномъ* газетномъ отзывѣ о моихъ работахъ...

Мнѣ хотѣлось бы и еще продолжать свой VI выпускъ и матеріалы для этого труда у меня есть; но я боюсь слишкомъ увеличить настоящей свой выпускъ и отлагаю продолженіе своей работы до ближайшаго будущаго, если это будущее позволить мнѣ это по разнымъ условіямъ труда, не легкаго и отвѣтственнаго ..

И. Дубасовъ.

14 мая 1897 г.
Тамбовъ.

Оглавленіе шестаго выпуска.

	Стран.
I. Изъ Тамбовской бытовой исторіи	5
II. Тамбовскій бытъ XVIII вѣка	63
III Изъ исторіи инородческаго и русскаго зем- левладѣнія въ Тамбовскомъ краѣ	112
IV. Первые опыты училищнаго дѣла въ Тамбов- скомъ краѣ	127

ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
3	15	1892	1792
4	16	эксплоастаціи	эксплоатаціи
11	5	монастыре	монастырей
12	2	Метвѣй	Матвѣй
14	27	у насъ хозяйничали	у насъ и хозяйничали
16	15	населенія выдающимся	населенія и выдающимся
18	4	вымѣщали	вымещали
27	1	вознесенскіе	вознесенскія
34	20	съ строенію	къ строенію
36	13	Ардобачарные	Ардобазарные
42	25	въ суматохѣ	въ суматохѣ
48	31	наполнилось	исполнилась
59	9	поредъ	передъ
67	2	болѣющимъ умирающимъ	болѣющимъ и умирающимъ
69	1	авангардтъ	авангардъ
81	20	безконечныхъ	безконечныхъ
83	20	Здѣсь и останавливаю	Здѣсь я останавливаю
107	31	абы	дабы
129	29	области и имѣли	области имѣли
140	17	вообученія наблюда- тельства	вообученія и наблюда- тельства

ՕՐԱՏՈՒՄԻ ԱՐԱՆԵ ԼԵՐՈՅՑ.

	Գրք
1. Մեր Լեռնային Մարզի անունը	1
2. Լեռնային Մար. ՄԻՊԻ Գրք.	22
3. Այլ արժեք ստանալու և արժեքավոր զեկարգվելու և Լեռնային Մար.	123
4. Շրջանը քաղաքացիական պատերազմի ժամանակահատվածում	142